

Алтайский краевой Совет народных депутатов
Международный Координационный Совет
«Наш общий дом Алтай»
Факультет политических наук АлтГУ
Краевой общественный Фонд «Алтай — 21 век»

Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения

*Материалы
международной научно-практической конференции*

Барнаул, 21-22 июня 2004 г.

Издательство Фонда «Алтай — 21 век»

Барнаул 2004

ББК 66.01
Е 22

Редакционная комиссия:

*В.Я. Баркалов, к.ф.н., акад. САН (ответственный редактор);
А.В. Иванов, д.ф.н., проф.; А.Р. Ивонин, д.и.н., проф.;
Е.В. Притчина, к.и.н., доц.;
С.Г. Щеглов, к.и.н., акад. Российской муниципальной академии*

Е22 Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения
Материалы международной научно-практической конференции.
Барнаул, 21–22 июня 2004 г. — Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай — 21 век», 2004. —
148 с.

ISBN 5-7904-0252-6

В материалах конференции рассматриваются мировоззренческие аспекты евразийства в неразрывной связи с развитием Сибири. Значительное внимание уделено становлению идей евразийства в истории социально-политической мысли. Говоря о современном содержании евразийского мировоззрения, авторы акцентировали свое внимание на его культурологических и социально-политических составляющих.

© Фонд «Алтай — 21 век», 2004

ISBN 5-7904-0252-6

Содержание

А.Г. Назарчук, Председатель Алтайского краевого Совета народных депутатов Приветствие участникам конференции	5
В.Я. Баркалов Предтечи российского конституционализма	7
Ю.А. Бобровин, Г.М. Бобровина Диалектико-синергетическая системная модель евразийства	13
А.В. Иванов Экономические взгляды евразийцев как альтернатива современной глобализации	16
М.Н. Колоткин, А.Г. Осипов, А.В. Фогель Евразийство и современный процесс глобализации	25
Е.Н. Мошелков Проблема совместимости политических категорий в научном диалоге России и Запада (на примере категории «государственность»)	27
Б.В. Ларин Евразийское мировоззрение и перспективы развития международного сотрудничества в Алтайском регионе	30
Ю.В. Попков Устойчивость евразийских ценностей народов Сибири в условиях вестернизации России	34
М.Ю. Шишин «Культурный ландшафт» с позиции наследия евразийцев	38
В.Я. Баркалов, А.А. Целевич Алтай — пространство сотрудничества государств Евразии	47
И.В. Гордеева Евразийская идея в свете этногенетической концепции	52
Е.В. Дерюжина Проблема этничности в евразийском учении	55
К.Л. Зайцев, А.А. Степанов Индивидуальность и ответственность в евразийском толковании: проблемы и точки роста	59
Н.А. Заусаева Затухание идеологической составляющей в современном электоральном процессе России	63
В.Н. Ильин Единоверие в Томской Губернии. К вопросу о политике государственной власти и официальной церкви в отношении староверческой конфессии	69
Л.Г. Коваленко Политический процесс в контексте представлений о справедливости	72

О.Ф. Кунгурова, С.Р. Хмырова	
Историческое самосознание человека (педагогический аспект)	75
Е.П. Маточкин	
Археарт — консолидирующий поиск	78
О.В. Меженина	
Динамика численности мещанского сословия в городах Томской губернии в первой половине XIX в.	81
Э.В. Мжельский	
Славянская федерация в идеологии раннего народничества	89
Е. В. Никитенко	
Об идейных истоках концепции евразийства	92
Г.А. Овчаров	
Идеология евразийства как фактор современной политики	95
О.С. Опекун	
Государственная волость юга Западной Сибири: границы и население в начале XIX в.	98
Н.Н. Полуэктова	
«Государство и Прогресс» в наследии А.Д. Градовского	104
А.В. Потёмкин	
Патриотизм в контексте основы единения народов Евразии	108
Е.В. Притчина	
Традиции и модерн в политической системе России	111
Т.А. Трунова	
Гражданское образование как фактор модернизации политической системы .	116
Ю.В. Хвастунова	
Религиозный аспект евразийства как ответ на современный вненаучный (религиозный) и научный иррационализм	119
А.Б. Цейзер, Е.Л. Цейзер	
Выбор человечества: духовное возрождение или техногенный апокалипсис?..	122
Я.Ю. Шашкова	
Роль партий в институциональном дизайне современной российской политики	126
А.А. Шевелёва	
Понятие и приоритеты правовой политики (на примере Алтайского края в период 2001–2003 гг.)	130
Р.Н. Шимко	
Проблема модернизации России в творчестве Л.Н. Толстого	135
М.А. Широкова	
Политическая антропология ранних славянофилов	138
Г.Ф. Шупик	
Второй период президентства В.В. Путина: новые задачи — старые методы ...	144
Список участников.....	147

А.Г. Назарчук
Председатель Алтайского краевого Совета
народных депутатов

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

От имени Алтайского краевого Совета народных депутатов, Международного Координационного совета «Наш общий дом Алтай», от себя лично позвольте поприветствовать участников конференции и пожелать им успехов в работе. Тема конференции, посвященной теории и практике евразийского учения, мне представляется исключительно важной, ведь Россия является великой евразийской державой, раскинувшейся от Балтийского моря до Тихого океана и исторически объединившей в себе десятки различных народов и культур. Трагические события последних 15 лет, приведшие к распаду СССР, к сожалению, подтвердили многие опасения евразийцев, предупреждавших о недопустимости и губительности копирования Россией западных моделей развития. Но тем актуальнее становятся для нас их стратегические рекомендации по механизмам консолидации многонационального российского общества и по воссозданию единого евразийского экономического и культурного пространства.

Особенно важно и востребовано евразийское учение у нас, в регионе Большого Алтая, населенного многими древними народами. Сегодня здесь активно развивается трансграничное региональное сотрудничество между ключевыми странами Евразии — Россией, Казахстаном, Китаем и Монголией. Общие евразийские ценности — любовь к родной земле, уважение к национальным святыням, добросердечие, стремление к общему благу — все это та плодородная почва, на которой только и может произрастать живое древо дружбы между алтайскими народами. Хочется надеяться, что участники конференции не ограничатся только теоретическим обсуждением евразийских идей, а обобщат уже накопленный опыт региональных международных связей и дадут ценные практические рекомендации.

Международный Координационный Совет «Наш общий дом Алтай, который мне доверено сегодня возглавлять, опирался и впредь будет опираться в своей деятельности на научные разработки ученых

нашего региона, а также всячески содействовать формированию и укреплению единого алтайского научно-образовательного и культурного пространства.

Расположенный в самом сердце великой Евразии, наш Алтай по самому своему геополитическому положению должен стать сердцем новой евразийской интеграции, и хотелось бы верить, что эта благородная сверхзадача, объединит ученых и вдохновит их на новые открытия.

ПРЕДТЕЧИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

В российском политическом лексиконе понятие «конституционализм» появилось во второй половине XIX в., но статус научной категории обрело в конце XX в. Так, в «Новом энциклопедическом словаре», издание которого прервалось 28-м томом в 1918 г. и явилось фактически переизданием «Словаря Брокгауза и Ефрона», содержание статьи «Конституционализм» сводилось к отсылке к статьям «Конституционное государство», «Конституционная монархия» и «Конституция». В энциклопедиях и словарях, включая толковые словари русского языка советского периода, понятие отсутствует вообще. Это относится и к аналогичной постсоветской литературе 90-х гг. И только в двухтомной «Политической энциклопедии», изданной в 1999 г. под редакцией Г.Ю. Семигина, конституционализму посвящены две статьи «Конституционализм» и «Конституционализм в Восточной Европе».

Из сказанного следует, что исследование зарождения идеи конституционализма в отечественной политической мысли предлагает экстраполяцию категории «конституционализм» на историю политической мысли, а в нашем случае на историческую политическую мысль второй половины XVIII в. Следует также заметить, что в условиях утвердившегося господства либеральной парадигмы в политической науке конституционализм считается, как правило, либеральной ценностью. «Конституционализм, — читаем в «Политической энциклопедии», — политическо-правовая доктрина, социально-политическое движение и государственно-правовая практика, основанные на идее ограничения произвола власти, подчинения ее закону, нормам, закрепленным в конституции или иных документах, имеющих высшую юридическую силу»¹. Как видим, смысл конституционализма сводится к идее ограничения власти путем подчинения ее закону, что ведет к чрезвычайно узкому пониманию конституционализма как системы организации государственной власти.

История же развития идеи конституционализма говорит об ее более широком объеме и богатом содержании. Во-первых, это представление о

том, что единственным регулятором всех, а не только политических отношений в обществе и государстве являются законы, которые образуют их конфигурацию, т.е. конституцию как нечто не зависимое от лица и не изменяемое им по своему усмотрению. Принцип же ограничения власти в политической мысли XVIII в. фактически не формулировался легально в виде самостоятельной политической или кратологической цели. Во-вторых, такое понимание конституционализма присуще не только либеральным, но и социалистическим и коммунистическим доктринам.

В России идея конституционализма в этом понимании зародилась во второй половине XVIII в. и стала развиваться просветителями — Екатериной II, Е.Д. Дашковой, С.Е. Десницким, Я.П. Козельским, Н.И. Паниным, Д.И. Фонвизиным, М.М. Щербатовым и А.Н. Радищевым. Логически этот период не совпадает с историческими рамками. Он выходит за пределы XVIII в. и заканчивается в 1825 г. Поэтому в ряд перечисляемых мыслителей следует поставить Н.М. Карамзина, Александра I, М.М. Сперанского, Н.С. Мордвинова, Н.Н. Новосельцева, просветителей первой четверти XIX в. и декабристов.

Особая и выдающаяся роль в разработке национальной идеи конституционализма принадлежит Екатерине II. Ее «Наказ», задуманный как инструктивный документ для Уложенной комиссии, по существу и роли, которую он сыграл в социально-политической мысли, представляет собой первый полноценный конституционный проект. В «Наказе» были выполнены все требования к документам такого рода. С точки зрения теории конституционализма и политической целесообразности он оставался долгое время безупречным. Недаром на него ссылаются все российские либеральные теоретики и реформаторы вплоть до середины XIX в., да и затем он не переставал оставаться авторитетом в доказательствах. Важно было и другое. В условиях преследования инакомыслия и жесточайшей цензуры ссылки на «Наказ» являлись своеобразной индульгенцией, так как он был написан императрицей — лицом, авторитет которого не мог подвергаться сомнению.

Основополагающими началами конституционализма были объявлены закон, собственность и свобода. Вопрос об ограничении власти и, следовательно, о разделении властей воспринимался не однозначно: от полного отрицания Н.И. Радищевым необходимости разделения до создания стройной теории разделения властей С.Е. Десницким и М.М. Сперанским.

Из основных начал конституционализма стержневым считался закон. Понимание закона как основного начала общественного и государственного устройства впервые со всей своей определенностью было выражено Екатериной II в «Наказе». Содержание его преамбулы

сводится к формулировкам, в которых выявляется ведущая роль закона, что затем подчеркивалось всеми мыслителями второй половины XVIII в. А.Н. Радищев свой проект конституции, который, к сожалению, остался незаконченным, называет «Опыт о законодательстве».

Безапелляционность и безотносительность закона к лицу выводились из абсолютной природы естественного права и основанного на нем общественного договора. В свою очередь, это вело к окончательному вытеснению из отечественной политической и правовой мысли православной теологии права, согласно которой закон мыслился как правда — земное воплощение истины, а сборники русского законодательства назывались Русская Правда. На смену понятия «правда» пришло понятие «право», следовательно, аксеологическое понимание закона сменилось юридическим пониманием. Носителем правды, согласно теологии политики, является монарх. Иларион — основоположник русской православной политической мысли — говорит о князе, что он «правдою отмечен, крепостью перепоясан, истиной обут, смыслом венчан». Отсюда вытекало представление об абсолютной власти монарха. С введением же юридических понятий «право» и «закон» абсолютизм государственной власти переносится с лица на закон. В этом и заключалось первоначальное понимание политического значения конституционализма в России.

Вторым основанием идеи конституционализма является понятие «собственность». Если исходить не из логики конструкции конституционализма, а из его социальности, то собственность оказывается первичным, а не вторичным началом. В собственности находим оправдание и смысл конституционализма как незыблемой основы капиталистического общества.

Первые русские конституционалисты прекрасно понимали это. Екатерина II однозначно высказывается в «Наказе» против изъятия собственности, а в «Жалованной грамоте» 1785 г. законодательно закрепляет за дворянством право частной собственности на землю. Как видим, в практике реформ собственность оказалась их первичным объектом. Однако в отличие от абсолютного характера власти закона, неприкосновенность собственности оказалась относительной. В случае нарушения закона лицо по решению суда лишалось собственности. Государство, таким образом, сохраняло в определенном смысле абсолютную власть. В противном случае оно переставало бы быть гарантом неприкосновенности собственности.

Стремление человека быть собственником, а тем более владение собственностью, порождает потребность в свободе, что, в свою очередь,

вызывает осознание необходимости ее юридического конституирования в качестве незыблемой основы общества. Д.И. Фонвизин не только высказывает, но и обосновывает идею об органической взаимообусловленности свободы и собственности (как принципе конституционализма). Он убежден, что при таком понимании «...политической вольности видна неразрывная связь ее с правом собственности. Оно есть не что иное, как право пользоваться; но без вольности пользоваться, что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права собственности, ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, нельзя никак нарушать права собственности, не нарушая вольности»².

В русском языке XVIII в. слово «свобода» фактически не употреблялась. Традиционно говорили о вольности как некой неограниченной свободе. После того как Екатерина II, А.И. Радищев и Д.И. Фонвизин начали сопрягать слова «вольность» и «закон», первое обрело статус категории. Екатерина II в «Наказе» пишет: «Государственная вольность есть спокойствие духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственно наслаждается безопасностью: и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону таковому, чтоб один гражданин не мог бояться друг, а боялися бы все один закон» (ст. 39). А.И. Радищев пишет поэму «Вольность», в которой речь идет о законе и свободе.

Как видим, Екатерина II сводит вольность к спокойствию духа, которое возникает вследствие ощущения гражданином своей безопасности. А.И. Радищев и Д.И. Фонвизин под вольностью помимо спокойствия духа понимают еще и свободу действия. «Политическая вольность» есть состояние, в котором «все находятся в том спокойствии духа, которое происходит от внутреннего удовлетворения о своей безопасности... Когда всякий будет делать все то, чего позволено хотеть, и никто не будет принужден делать того, чего хотеть не должно»³.

А.Н. Радищев связывает вольность с равенством, которое лежит в ее основе. Речь идет о равенстве всех перед законом. «Равенство граждан состоит в равной зависимости от закона, т.е. все чины в государстве должны деяния свои располагать по предписанию закона...»⁴. До А.Н. Радищева об этом же говорила и Екатерина II.

А.Н. Радищев благодаря понятию «равенство» конкретизирует содержание свободы, выделяя экономическое, социальное и политическое равенство. Экономическое равенство заключается в праве собственности, которое «состоит в невозбраняемом и полезном употреблении своего имения». Социальное право представляет собой равное право на свободный труд, когда «свободно себе всяк сеет, себе

жнет». Это также семейная жизнь, в которую никто бы не вмешивался. Политическое равенство заключается в том, что каждый является членом высшей верховной власти, учредителем и контролером государственной власти, участвуя в «соборном народном собрании».

Кроме собственности, закона и свободы, остановимся еще на одном принципе конституционализма — разделении власти. Это важно. В начале выступления было подчеркнуто, что сейчас существо конституционализма сводится по преимуществу к идее ограничения власти, идее подчинения ее закону. Механизмом ограничения власти считается ее разделение на три ветви.

Российские либералы XVIII в., требуя ограничения абсолютизма, не считали, что разделение властей является самым эффективным средством достижения этой цели. Более того, часть мыслителей и прежде всего А.Н. Радищев в принципе отрицали необходимость разделения власти.

Те же мыслители, которые признавали разделение власти, были далеки от западноевропейского либерального понимания смысла и цели такого принципа организации власти. Первым, кто разработал отечественное учение о разделении властей, следует считать С.Е. Десницкого. Его перу принадлежит сочинение, название которого не оставляет сомнения в этом: «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Несмотря на четкое выделение элементов властной триады, С.Е. Десницкий оставляет за ее пределами императора. Он остается вне этой схемы. Речь идет не об ограничении его власти, а совершенствовании системы российского самодержавия посредством ясного разграничения властных полномочий. Все три ветви власти были подчинены императору. С.Е. Десницкий не нарушал принцип единовластия, он просто придавал ему иной смысл. Законы, разработанные законодательной властью, вступили в силу только после согласия императора. Преодолеть это право ни одна из ветвей власти не могла, но единовластие ограничивалось законом, подписанным императором. Правда, С.Е. Десницкий не предусматривал механизм контроля над законностью действий последнего.

Сделаем некоторые выводы об особенностях российского конституционализма в начале его становления. Во-первых, зарождавшийся либерализм стремился внести в политическое сознание и политическую культуру идею закона как универсального принципа организации социума. Но сама по себе эту идею нельзя считать либеральной, так как ей были и остаются отверженными

многие политические и правовые идеологии. Либеральным было то, что русские мыслители соединяют идеи закона с идеей правового равенства. Им чужда идея фактического социального и экономического равенства. Во-вторых, взгляды просветителей XVIII в. следует считать либеральными потому, что они не просто говорят о свободе и собственности, а считают их органически взаимосвязанными и взаимообусловленными. Именно опираясь на эту идею, они разрабатывали проекты социально-экономических реформ капиталистического содержания. И, в-третьих, идея политической реформы звучит робко. Никто из мыслителей, если оставить отдельные оговорки, недосказанности и намеки, не ведет речи о кардинальных политических реформах. Все ограничиваются незначительными поправками, направленными на смягчение самодержавия путем его просвещения.

В заключении хочу задать следующий вопрос и ответить на него. Какое отношение имеет данное рассуждение к нашей конституции? Прямое. Дело в том, что огромные территории, на которых расположена Россия,— это тот географический фактор, который определяет тип российской государственности. И не только: то же самое следует сказать о Китае, Казахстане и среднеазиатских государствах. Для них всех присуще стремление к властно-государственной централизации. Сам принцип разделения властей в его традиционной форме трех ветвей власти не работает. Во всех европейских государствах есть четвертая власть, стоящая над ними. В России — это президент, который является главой государства, а не исполнительной власти. Здесь налицо другая форма конституции власти, которая гласит: «Единство и разделение властей».

Примечания

¹ Политическая энциклопедия: В 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 555.

² Фонвизин П.И. Рассуждения о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления, и оттого о зыблемом состоянии, как империи, так и самих государей // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1951. Т. 2. С. 263.

³ Там же. С. 262.

⁴ Радищев А.И. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 557.

Ю.А. Бобровин, Г.М. Бобровина

ДИАЛЕКТИКО-СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ ЕВРАЗИЙСТВА

Как известно, для теоретического обоснования любого явления необходимы три главных компонента: методология, научная модель и философское (мировоззренческое) основание¹.

Нами предложена методология (система взглядов), учитывающая в равной степени объективные законы развития природы, общества и человека². На основе этой методологии с использованием гипотетико-дедуктивного метода выхождения от абстрактного к конкретному нами начата разработка диалектической модели развития общества с учетом основных отличий живой системы от объектов неживой природы—полярности и энантиоморфности времени и пространства³.

В качестве главной антиномии в модели принято противоречие между жизнью и смертью. Борьба между этими противоположностями определяет колебательно-поступательное движение общества по вертикали — вверх или вниз. Направление этого движения определяется взаимодействием еще трех основных групп противоречий, разрешение которых происходит по горизонтальным осям, перпендикулярным оси главной (вертикальной) антиномии. К этим противоречиям относятся: дихотомия «свобода — равенство» на политической (центральной) оси власти; дихотомия «труд — капитал» или «право владения—право пользования» на экономической, материальной оси противоречий, которая находится ниже оси власти и вдоль которой происходят колебания «вперед — назад».

Выше оси власти находится «духовная» ось противоречий с дихотомией «эгоизм — альтруизм» или «материализм — идеализм». Колебания вдоль этой оси происходят влево-вправо.

Изложенная система основных антиномий показывает, что общественное развитие представляет собой колебательный процесс в трех направлениях: влево — вправо, вперед — назад и вверх — вниз. Суперпозиция этих колебаний оказывается спиралевидной кривой, направление которой (вверх — вниз) зависит от разрешения противоречий между антиномиями на вертикальной оси: экономикой (материей), сознанием (духом) и властью (политикой).

Важнейшим следствием изложенной модели развития общества является вывод о том, что усиление власти и укрепление экономики может только ускорить «падение» общества вниз, если не обеспечить опережающее накопление духовного потенциала общества. И полярность времени (направления стрелы времени) в общественных процессах определяется разностью потенциалов духовного и материального развития общества. Энантиоморфность («левая» и «правая» формы) общества определяется его нахождением на соответствующей ветви спирали времени, т.е. периодом исторического развития.

Евразийство можно представить себе в виде двух спиралей (Европа—Азия), вращающихся в противоположных направлениях и соединенных не только по концам, но и между соседними витками. Такое представление является аналогом «двойной спирали» молекулы ДНК, в которой, как известно, заложена вся информация о человеке. «Познай себя, и ты познаешь весь мир» (Сократ). Двойная спираль евразийства представляет, по нашему мнению, фундаментальное противоречие между рациональным материализмом Запада и иррациональной духовностью Востока. Узловой же характеристикой фундаментальных противоречий, по Н.А. Бердяеву, является то, что «человек — точка пересечения двух миров». Перефразируя эту мысль применительно к евразийству, можно сказать, что «Россия — это место пересечения двух миров». Более того, в современных реалиях можно говорить о России как месте пересечения четырех миров: Запад — Восток и Север — Юг (совокупность двух «двойных спиралей»).

Дальнейшее развитие евразийства также можно представить с участием аналога молекулы РНК, которая «снимает» избирательно информацию с имеющейся молекулы ДНК при построении новой молекулы, в основном похожей на «родителя», но имеющей и отличия вследствие мутации генов в ДНК. Мутации вызываются ошибками копирования или вредными воздействиями. Хотя мутации обычно редки, они чрезвычайно важны для эволюции как первоначальный источник формирования генетической изменчивости. При этом выживаемость системы зависит от точности наследственной информации.

Если предлагаемая аналогия адекватна евразийству, то можно предположить два варианта его развития. Если произошедшие за время советской власти и либеральных реформ мутации не нарушили генетический код российской цивилизации, то российская государственная система сохранит свою евразийскую самобытность, «вырезав» со временем некомплементарные участки своей «двойной

спирали» («пережитки» советской и «ошибки» либеральной парадигмы). Если же генетический код нарушен, то государственная система перейдет в неравновесное состояние с непредсказуемым развитием в точке бифуркации к странному аттрактору вследствие проявления синергетических эффектов.

По нашему мнению, коммунистическая революция и либеральные реформы только укрепили «государственный иммунитет» России, в основе которого оптимальное сочетание естественных прав личности, общества и природы, а также рационализма Запада и иррационализма Востока.

Примечания

¹ Степин В.С. Философия науки и техники./ В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. — М., 1995. С. 213.

² Бобровин Ю.А. Натуральный социал-гуманизм как интегральная методология экономических и юридических наук // Методология науки. Томск, 2002. Вып. 5. С. 110.

³ Бобровин Ю.А. Диалектическая полярно-энантиоморфная модель развития общества // Самоорганизация и организация власти. Томск, 2000. С. 129.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЕВРАЗИЙЦЕВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Творческий потенциал евразийских идей

Теоретическое наследие евразийцев весьма неоднородно. Многие важные их идеи, к сожалению, не получили обстоятельного теоретического развития; остались высказанными торопливо, словно вскользь. Даже некоторые ключевые термины евразийской доктрины («месторазвитие», «демотия», «хозяйнодержавие») производят впечатление скорее первичных глубоких интуиций, нежели понятий, отлившихся в строгую и общезначимую форму. На то, впрочем, есть вполне объективные причины, учитывая трагический исторический контекст существования евразийского движения и не менее трагическую судьбу их идейного наследия после организационного распада евразийства в конце 30-х годов прошлого века.

И вместе с тем у евразийства есть главное, что отличает живое учение от архивного собрания идей, а творческое наследие в культуре, не утратившее новизны и актуальности, — от искусственных идеологических построений, насильственно навязываемых массовому сознанию. К таким показателям жизненности и актуальности евразийского мировоззрения можно отнести следующие характеристики.

Во-первых, синтетичность подхода ко всем изучаемым явлениям и процессам, что полностью соответствует духу современной эпохи. Евразийству, как ни одному другому общественному и научному течению первой половины XX в., удалось совместить гуманитарную и естественнонаучную методологию в своих исследованиях, земное и горнее измерения человеческого бытия; политический, хозяйственный и духовный аспекты существования народа в истории, причем именно духовные процессы оказываются для них главными в понимании сущности происходящих исторических событий. Во-вторых, евразийцы тонко ухватили специфику и восточного, и западного миропонимания, что позволило им не только целостно осмыслить

бытие России-Евразии, но и наметить пути общемирового культурного и политического единения¹.

Еще в начале века евразийцы предприняли попытку поиска «третьего пути» между капитализмом и социализмом, где сохранялись бы плюсы обеих систем без их минусов². Не будет ошибкой назвать евразийцев первыми последовательными противниками процессов глобализации по западному образцу, причем их научному уровню могло бы позавидовать подавляющее большинство современных западных антиглобалистов-интеллектуалов, пытающихся нащупать реальную альтернативу современному глобализму с его идеей мирового правительства, глобального рынка, безудержного материального потребительства и веры в чудеса механической цивилизации. Фактически евразийцы провозгласили необходимость перехода к принципиально иному типу цивилизационного существования, нежели тот, который навязывается и ныне развитыми странами всему остальному миру. Этот тип глобализации может быть назван техногенно-потребительским, ведущим народы всего мира в культурную и экологическую пропасть. Россия же, по мнению евразийцев, обладает наилучшими объективными предпосылками для проведения в жизнь альтернативного сценария мирового объединения, которое на современном философском языке можно было бы назвать ноосферным или духовно-экологическим³. С этих позиций ошибочно считать евразийцев проводниками идеи «локальности цивилизаций». У них тезис о специфичности различных культур и критика практики вестернизации органически совмещается с попыткой глобально промыслить будущее земной цивилизации, где именно России-Евразии суждено сыграть ключевую объединительную роль.

Евразийская идея эвристична и методологична, ибо способна лечь в основание рациональной российской, как федеральной, так и региональной государственной политики. Создание и развитие Шанхайской организации сотрудничества может рассматриваться как прообраз будущей евразийской геополитической и хозяйственной общности, к чему всегда призывали евразийцы, а формирование международного координационного совета «Наш общий дом Алтай» — как реальное доказательство возможности положить евразийскую идею в основание плодотворного регионального сотрудничества различных этносов Центральной Азии и Юго-Западной Сибири. Кстати, на евразийскую тему сегодня активно пишут и китайские, и индийские ученые. Практический потенциал евразийского комплекса идей доказывается сегодня также и тем, что он способен обеспечить политическую консолидацию общества (в России сегодня существует партия под названием «Евразия»⁴), а теоретический —

объяснительный и предсказательный — потенциал тем фактом, что евразийцами называли себя многие выдающиеся русские гуманитарии второй половины XX в.: историк и этнолог Л.Н. Гумилев, литературовед и критик В.В. Кожин, политолог и философ А.С. Панарин.

Прямым доказательством актуальности и эвристичности евразийства служит тот факт, что сбылись основные предостережения евразийцев, сделанные ими за 60 лет до распада СССР. Они прямо предупреждали о недопустимости полного огосударствления экономики, о возможности распада единого политического и хозяйственно-культурного пространства СССР на множество независимых государств, в основу идеологии и политики которых будет положен воинствующий национализм. Единственной гарантией против такого исхода для них был отказ от классового подхода и переход на позиции общеевразийского патриотизма («национализма» по их не совсем удачной терминологии). Увы, полностью исполнилось пророчество князя Н.С. Трубецкого, что значительная часть евразийской интеллигенции после краха большевизма может пойти в услужение Западу, полностью отрекаясь от своего культурного евразийского первородства и раболепствуя перед европейской культурой. Сбылась, правда, и положительная убежденность евразийцев в том, что они не зря пишут в эмиграции свои статьи и книги и что рано или поздно их идейное наследство вернется на Родину.

Так оно, в конечном счете, и произошло. Но, к сожалению, идейное богатство евразийцев все еще востребовано не полностью, а некоторые идеи, нуждающиеся в корректировке и даже определенном пересмотре, напротив, усиленно выдвигаются на первый план и муссируются врагами России-Евразии, тем же Збигневом Бжезинским. Существует, наконец, и феномен псевдоевразийства⁵.

Со всех этих точек зрения будет весьма уместным обратиться к некоторым ключевым экономическим идеям евразийцев. Их взгляды на хозяйственную деятельность человека и перспективы ее эволюции представляются исключительно важными в свете разрушительных экономических «преобразований» последнего пятнадцатилетия и сомнительных перспектив дальнейшего втягивания России в так называемый «свободный мировой рынок».

Разведение экономики и хозяйства

Евразийцы, вслед за выдающимся отечественным мыслителем С.Н. Булгаковым, последовательно отделили экономику от хозяйства, показав, что это совсем не одно и то же. Хозяйство может быть внеэкономическим, т.е. не быть объектом регулирования со стороны чисто экономических законов (таково классическое крестьянское хозяйство в России, как это блестяще показал А.Н. Чаянов⁶), а экономика может быть бесхозяйственной, наносящей ущерб и самому человеку, и внешним условиям его существования, как это, например, свойственно нынешним правилам мировой финансово-экономической игры. Западный воинствующий экономизм, как показали евразийцы, ориентируется в первую очередь на финансовую прибыль и экономический рост, причем зачастую в ущерб здоровью и истинным хозяйственным потребностям человека⁷.

Подлинный же хозяин, по мнению виднейшего теоретика евразийства П.Н. Савицкого, заботится не столько о получении прибыли, сколько о самом человеке, живом субъекте хозяйствования, а также о социальных и природных условиях его бытия. Здесь существует не культ товара с лозунгом «все на продажу», а культ рачительного и качественного труда, который имеет самодовлеющую ценность. Так, крестьянин по итогам хозяйственного цикла мог сработать и в «ноль», т.е. бесприбыльно, лишь бы окупил его затраты и не были подорваны базовые структуры воспроизводства его физической и духовной жизни, т.е. сохранялись лад в семье, лад с соседями и, наконец, лад с собственной душой.

Евразийцы в своем разведении экономики и хозяйства одними из первых поставили вопрос об экологических основах хозяйственной деятельности. Так, П.Н. Савицкий писал: «Хозяйское отношение обращено и к вещам. «По-хозяйски» или не «по-хозяйски» можно обращаться и с лошадью, и с телегой, и с машиной, и с постройкой, и с землей.... Лошади, телеге, машине и постройке хозяин стремится обеспечить возможную долговечность, а для каждого данного момента — наилучшее состояние; землю же (а в лесном хозяйстве и произрастание ее) к концу каждого производственного цикла хозяин стремится оставить в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшем, а по возможности — лучшем, чем то, в котором она вступила в производственный цикл»⁸.

Если теперь с точки зрения теоретиков евразийства посмотреть на стратегию нашего нынешнего мирового экономического развития, то она окажется абсолютно антихозяйственной, ибо основана на бесконтрольном расхищении природных ресурсов, безжалостной

эксплуатации земли и рабочей силы, деградации культурного и нравственного измерения хозяйственной жизни. Развивая эти идеи евразийцев, можно утверждать, что вопреки сугубо финансово-экономическим регулятивам (типа прибыли, валовых объемов производства, темпов экономического роста, бюджетного дефицита и т.д.), носящим сугубо относительный и во многом искусственный характер; существуют и должны в первую очередь приниматься в расчет совершенно объективные и в каком-то смысле вечные критерии рационального хозяйствования: здоровье и продолжительность жизни трудоспособного населения, полезность для здоровья и функциональная необходимость производимых продуктов питания и предметов материального потребления, уровень сохранности плодородия почв, экологическое благополучие природной среды обитания в целом. Евразийцы еще в начале XX в. прекрасно понимали, что никому не нужны богатые граждане, если они умирают от рака к сорока годам и у них сплошь и рядом рождается потомство с врожденными патологиями. Точно также евразийцы предупреждали, что лозунг «сначала экономика, а потом социальная политика и культура» — абсолютно ложен (тем более в России с ее традициями нестяжательства и общинности), ибо культ денег и экономического преуспевания формирует ментальность, исключая сердечные отношения между людьми и уважение к подлинной культуре.

Все обстоит прямо противоположным образом: культ экономики не ведет к процветанию культуры, что видно на примере тех же США, а вот изначальная ставка на сохранение и преумножение культурных и природных ценностей, напротив, самым благотворным образом влияет на хозяйственную жизнь.

Сочетание государственной и частной собственности, плановых и самостоятельных начал

Евразийцы были, пожалуй, единственным движением в русской эмиграции, которое по достоинству оценило достижения советской экономической системы. Это касалось организующей экономической роли государства и плановых начал в хозяйственной жизни. При этом евразийцы категорически протестовали против принижения личностного начала и экономической свободы. Именно в органическом и гибком сочетании плана и рынка, государственной и личной собственности им виделся идеал российской хозяйственной жизни, соответствующий ее огромным пространствам и разнообразию

природных условий хозяйствования, а также историческим традициям евразийских народов. Здесь синтетический потенциал евразийства проявился в полной мере. Для них эффективно функционирующая государственная собственность и план — важнейшее условие сохранения единства народнохозяйственного организма и предотвращения получения сверхприбылей в частном секторе; а наличие «лично-хозяйственного начала», в свою очередь, способствует борьбе с бюрократизмом, коррупцией и бесхозяйственностью государственного аппарата, ибо «хозяйствование за казенный (общий) счет будет худшим хозяйствованием по сравнению с хозяйствованием за свой счет»⁹.

Любопытны взгляды евразийцев на частную собственность вообще. Для них она носит не субстанциальный, а функциональный характер, т.е. оправдана и эффективна не сама по себе (западное «священное право частной собственности»), а исключительно с точки зрения осуществления «поставленных государством объективных задач»¹⁰. Любопытно, что антифункциональное использование частной собственности, с точки зрения евразийцев, должно быть доказано в суде и исключает административное преследование собственника со стороны государства. Свою социально-экономическую программу евразийцы резюмируют в чеканной формуле манифеста 1927 г.: «Свою социальную систему Евразийцы основывают именно на сосуществовании государственного и частного предпринимательства, взаимно дополняющих и влияющих друг на друга»¹¹. В свете этого — совершенно верного — программного суждения насколько же прозорливыми и мудрыми хозяйственниками предстают евразийцы по сравнению с безответственными и малограмотными творцами российских экономических реформ 1990-х гг. Полный крах либеральных идей в России к началу XXI в. делает тем более актуальным обращение к евразийскому идейному наследию.

Формирование континентального рынка

В свете настойчивых и весьма странных попыток правительства нашей страны вступить в ВТО, т.е. еще прочнее привязать себя к развитым странам Запада на правах их сырьевого придатка, весьма полезно прислушаться к настойчивым предостережениям евразийцев (да и их учителя Д.И. Менделеева) об опасности бездумного вхождения в мировую экономику, куда никого из альтруистических соображений не пускают. Так, в своей статье «Континент-океан» П.Н. Савицкий прямо пишет, что открытые торговые границы всегда

выгодны океаническим странам и не выгодны континентальным, ибо стоимость сухопутных транспортных издержек всегда на порядок выше морских. Товар, скажем, произведенный в континентальном Алтайском крае, вследствие транспортных издержек зачастую теряет конкурентоспособность уже в момент его прибытия в морской порт. «Для стран, выделяющихся среди областей мира своей «континентальностью», — пишет в этой связи П.Н. Савицкий, — перспектива быть «задворками мирового хозяйства» становится — при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен — основополагающей реальностью... Для всего «океанического» мира есть полный расчет, чтобы континентальные страны безропотно приняли на себя бремя этой обездоленности: тем самым в распоряжение стран «океанического» круга поступят дополнительные продукты, возникнут дополнительные рынки для сбыта их собственных товаров. Но не открывается ли перед «континентальными» областями возможность — избегая изолированности примитивного натурального хозяйства — устранить, хотя бы отчасти, невыгодные последствия континентальности? Путь такого устранения — в расторжении в пределах континентального мира, полноты господства принципа океанического «мирового» хозяйства, в созидании хозяйственного взаимодополнения отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира, в их развитии, обусловленном взаимною связью»¹². Значение континентального рынка тем важнее для хозяйствующих субъектов, по мнению П.Н. Савицкого, чем протяженнее их сухопутные границы и чем отличнее содержание их экономической жизни. «Факторы первого рода, — утверждает П.Н. Савицкий, — расширяют пространственную зону, в пределах которой действительны внутриконтинентальные притяжения; факторы второго рода умножают число хозяйственных благ (товаров, продуктов), к которым последние применяются»¹³. Что касается развития внутриэкономической специализации и хозяйственных связей внутри России, то евразийцы прямо подчеркивали прямую связь этого процесса с внутривнутриполитической стабильностью: «Районирование России по принципу больших единств хозяйственно-географических (областей) является крупнейшей задачей русской политики, тот, кто успешно решит эту задачу, будет владеть судьбами будущей России. Великое тело России должно быть построено из частей, обнаруживающих сознательный интерес к естественному взаимному сцеплению и ощущающих, что без такого сцепления смерть грозит и целому и каждому отдельному члену. Россия должна стать в смысле ее административно-политического деления истинным

хозяйственно-географическим организмом, и тогда будущее ее можно предохранить от возможности того распада, который пережила империя после революции»¹⁴.

Нетрудно заметить, насколько важна идея развития внутреннего континентального рынка и территориально-экономической взаимодополнительности для Сибирского и, в том числе, для Алтайского региона, насколько важным и перспективным является здесь территориальное разделение труда. В свете всего этого идея создания «Нашего Общего дома Алтая» приобретает особое звучание. В Алтайском регионе налицо все условия для создания эффективного и взаимовыгодного регионального континентального рынка как с точки зрения совместных протяженных границ, так и в плане разнообразия товаров и услуг, которые могут предложить друг другу субъекты регионального сотрудничества. Это биосферные и рекреационные ресурсы Горного и Монгольского Алтая; потенциал горнодобывающей и металлургической промышленности Восточного Казахстана; аграрный, промышленный и образовательный потенциал Алтайского края; людские ресурсы и сельское хозяйство Синьцзян-уйгурского автономного района КНР. При политически взвешенном и экологически грамотном использовании этого разнообразного хозяйственного потенциала в интересах всех субъектов регионального сотрудничества мы можем в самом скором времени получить эффективно функционирующий «алтайский сегмент» единого евразийского континентального рынка с отчетливо выраженной не техногенной и не потребительской, а именно духовно-экологической направленностью. И творческое осмысление евразийского идейного наследия здесь будет являться весьма важным научным и мировоззренческим подспорьем для субъектов политического, хозяйственного и культурного взаимодействия. Перефразируя слова известного русского философа В.Ф. Эрна, мы можем твердо утверждать: «Время евразийствует!»

Примечания

¹ В наиболее концентрированном виде эта синтетичность представлена в прекрасной статье Н.Н. Алексеева. См.: Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки евразийской культуры // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

² См., например: Отчетливо звучащий пафос снятия двух этих тупиковых крайностей в сфере хозяйственной жизни у П.Н. Савицкого в работе Савицкий П.Н. Хозяин и хозяйство // П.Н. Савицкий Континент Евразия. М., 1997.

³ Более подробно о кризисе техногенно-потребительской и перспективах становления новой, духовно-экологической цивилизации см. в работе: Иванов А.В. Духовно-

экологическая цивилизация: устои и перспективы / А.В. Иванов, Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Барнаул, 2001.

⁴ От ее политической оценки я здесь воздержусь. Здесь важен сам факт ее появления.

⁵ Данные явления рассматриваются в нескольких работах автора. См.: Иванов А.В. Евразийство и псевдоевразийство // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. Новосибирск, 2003; Иванов А.В. Профанация евразийства (размышления над книгой «Основы евразийства») // Алтайский вестник. 2003. № 3.

⁶ См. Чаянов А.В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Крестьянское хозяйство. М., 1989.

⁷ См. Савицкий П.Н. Хозяин и хозяйство, С. 218–219.

⁸ Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 221–222.

⁹ Евразийство (формулировка 1927 года) // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С.226.

¹⁰ Там же, С. 228.

¹¹ Там же, С. 227.

¹² Савицкий П.Н. Континент-океан. С. 410.

¹³ Там же. С. 411–412.

¹⁴ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 369.

ЕВРАЗИЙСТВО И СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современное мировое развитие уже невозможно рассматривать в рамках классической геополитики. Спрессованность мирового политического пространства, формирование транснационального мира, «перетекание» внутренней политики крупнейших держав во внешнюю, условность национальных рамок современного бизнеса делают не- или малоэффективным традиционный геополитический анализ с его сильной физико-географической «фиксированностью» и «прижатостью» к государственным территориям.

Россия переживает глубокий системный кризис. Общественная мысль бьется в тисках двух идеологий, рожденных западной мыслью в прошлых столетиях, «капитализм — коммунизм». Но ни то, ни другое не дают России выхода из тупика, не приводят к разрешению накопившихся идеологических, геополитических, социальных и экономических проблем. В то же время из поля современных мыслителей почему-то выпадает тот факт, что в 1910–1930-х гг. было разработано целостное философское идеологическое учение, обосновывающее особый путь развития России.

Среди наиболее неизменных геополитических императивов политики России — положение ее территории на стыке разных культурных миров: мира земледельческого и мира кочевников, мира европейского и азиатского, христианского и мусульманского. Перед российскими властями извечно стояла проблема такого выбора союзников, который позволил бы выжить, сохранив свою самобытность. Положение «на стыке» предопределило формирование характерных для российской политической психологии ощущений окруженности, стремление строить любой ценой систему обороны. Необходимо ответить, что история дала немало оснований для такой интерпретации геополитического положения России, в силу чего евразийская идеология становится актуальной, предложив собственное решение данным проблемам, смысл которого заключается в интеграции геополитического пространства Евразии.

История достаточно надежно свидетельствует о том, что пространственно-географический фактор задает цивилизационные

характеристики конкретных территорий. Принципиально важным является вопрос, в каком контексте рассматривать статус СНГ: как часть сообщества Европы — идея, основывающаяся на принадлежности России к одной пространственной общности с романо-германскими странами, как евразийское объединение или же как отдельное геополитическую систему. Так называемый взгляд с Запада (Россия как европейское государство) не стыкуется с теорией этнических контактов; исторический опыт указывает на проблемность такого союза. Пока Россия и Европа были способны к экономическому сотрудничеству лишь в отдалении друг от друга. Существует взгляд на Россию с Востока (рассмотрение российской государственности в качестве преемницы государственности татаро-монгольской империи Чингисхана), сторонником которого был Л.Н. Гумилев. «Великое счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому» (Савицкий П.Н. Евразийство. Опыт систематического изложения. М., 1926). Со степным миром славяне могут жить в симбиозе (Гумилев даже объединяет восточных славян и тюркок-степняков в единый евразийский «суперэтнос»), исламская цивилизация Средней Азии в суперэтническом смысле для россиян чужая. Поэтому иногда и евразийцы говорят о воссоединении с Россией только казахов и киргизов.

Эти теории сближения России с Азией вообще или с тюрками-степняками в частности едва ли близки к истине. Сейчас происходит отток русских из Средней Азии и Казахстана, имеют место конфликты на религиозной почве. Кроме того, важно не допустить включения народов Средней Азии в сферу влияния исламского фундаментализма. Это вызовет еще более интенсивный исход европейского населения, на котором в Казахстане и Киргизии держится значительная часть промышленности, транспорта, науки, образования, медицинского обслуживания и т.д. В сочетании с демографическим фактором это создаст опасную ситуацию в непосредственной близости от Поволжья, Урала, Западной Сибири. В этой связи значительную ценность представляет собой евразийская идея специфической цивилизационной общности, интегрирующей импульсы Запада и Востока.

ПРОБЛЕМА СОВМЕСТИМОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ РОССИИ И ЗАПАДА (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ»)

В любом научном диалоге важнейшее значение имеет проблема идентичности содержания основных категорий, на основе которых излагается существо выдвигаемых гипотез и концепций. Все, кто когда-либо участвовал в научных дискуссиях, особенно среди гуманитариев, хорошо знает, что зачастую возникает ситуация, когда оппоненты, употребляя одни и те же категории (например «государство», «власть», «политика» и т.д.), вкладывают в них существенно различное содержание.

Одной из причин этого является широкое употребление указанных категорий не только в контексте научных теорий, но и в политической публицистике, идеологических спорах и даже в обыденной речи, в результате чего содержание этих категорий непомерно расширяется, складывается из самых разных представлений и ассоциаций не всегда искушенных в теории собеседников.

Вместе с тем существует и более серьезная причина несовместимости, неидентичности употребляемых политологических категорий. Она обусловлена различиями в философских и интеллектуальных традициях различных стран и регионов, связанными в свою очередь со специфическими политическими, социально-экономическими и социокультурными условиями их становления и развития.

Научные категории, являясь отражением совокупного опыта человечества, не могут вместе с тем не аккумулировать специфику конкретной социальной среды, в которой происходило научное осмысление социальных и политических процессов.

Возьмем, к примеру, во многих отношениях ключевое для политической науки понятие «государство».

В западной интеллектуальной традиции, начиная с эпохи Просвещения, когда собственно и начинают возникать целостные социальные теории, «государство» (сфера всеобщего интереса) всегда

понималось как антитеза «гражданского общества» (сфера частного интереса). Данная связка стала исходной теоретической посылкой для построения фундаментальных социальных теорий XIX в. как в идеалистической (Гегель), так и в материалистической (Маркс) традициях.

Такое понимание государства было определено реальными политическими и социально-экономическими процессами в период с конца XVIII — начала XIX в., происходящими в развитых странах Европы, где на развалинах феодально-аристократических порядков стало складываться капиталистическое общество с системой государственной правовой защиты политических свобод граждан, охраны и регламентации собственнических прав и т.д.

С совершенно иным пониманием государства мы сталкиваемся в восточной политической и философской мысли. Здесь в условиях абсолютистских (тиранических) типов управления обществом для государства не могло существовать какой-то другой равнозначной общественной субстанции, тем более в сферах частной жизни, частного интереса. Безусловно, доминирующим был интерес государства, власть пронизывала все остальные сферы общества.

Россия тяготеет именно к этой, восточной, традиции, ибо здесь на протяжении столетий социально-экономические инновации проводились в рамках и при помощи абсолютистского монархического режима и сословно-корпоративной системы. Исторически в России изменение соотношения власти и собственности не было связано с переходом от традиционного, феодального общества к капиталистическому. Соединение власти и собственности в руках монархического государства (или узкого слоя монархической аристократии) продолжало существовать и в период становления капиталистического рынка и во многом способствовало этому процессу. Важной самобытной особенностью исторического развития России, включая и начало XX в., было то, что здесь формировалось специфическая система частной собственности и капиталистического рынка, в котором отношение собственника к государству всегда было более приоритетным, чем отношение собственника к собственности.

В связи с этим необходимо понимать, что общепринятое в западной политической науке содержание понятия «государство», в основе которого лежит бинарная природа власти и собственности, которое адекватно раскрывает направленность развития и природу социально-политических процессов на Западе, может привести к искаженным представлениям о существе социальной и политической

динамики незападных (восточных) общественных систем, к числу которых в этом отношении можно отнести и Россию.

Наличие реальной проблемы совместимости политологических категорий в различных интеллектуальных и социальных традициях чрезвычайно важно учитывать в настоящее время в процессе становления политологии в России как научной и образовательной дисциплины. Практика последних лет показывает, что слепое копирование западных концепций и методик в политологических исследованиях современных политических процессов в России зачастую приводит к неожиданным и необъяснимым результатам. С такими результатами, в частности, приходилось неоднократно сталкиваться при исследовании электоральных процессов, ценностных ориентаций населения, явлений в партийных системах и т.д.

ЕВРАЗИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ

События последних десяти-пятнадцати лет убеждают, что Россию не считают полностью своей ни на Западе, ни на Востоке, но с ней считают за честь дружить все страны Земли, когда она не теряет собственного достоинства и национальных черт лица, когда укорененность в своих исконных ценностях сочетается в ней с открытостью мировым культурным и научно-техническим ветрам. Но что же это за страна такая — Россия, которую ни умом, по выражению Федора Тютчева, нельзя понять, ни общим аршином невозможно измерить? И вот тут-то евразийское мировоззрение и дает нам свой, пусть спорный, но зато глубоко продуманный и выстраданный ответ:

Россия представляет собой великую евразийскую многонациональную державу — целый собор народов, где главной культурной и хозяйственной скрепой является русский народ. Русский народ — земледелец, воин, торговец и культурный творец — сумел объединить вокруг себя и угро-финские народы евразийских лесов, и тюркско-монгольские степные народы, и народы северных приполярных областей. Царская Россия XIX в. и Советский Союз в XX в. — это преемственные исторические формы, в рамках которых Россия-Евразия достигла своего наивысшего политического могущества и государственного величия. При всех трагических зигзагах истории России двух последних столетий и при всем различии социально-экономических систем царской России и Советского Союза их объединяло главное:

— сохранение политической и хозяйственной независимости российского государства, а также культурной самобытности всех населяющих его племен и народов;

— последовательное (равно и христианское, и коммунистическое) уважение к человеку-труженику и патриоту своей земли и активное противостояние культу голого материального потребительства, политического эгоизма и безнравственности.

Сегодня эти краеугольные основания евразийской хозяйственно-культурной жизни и государственности оказались основательно подорванными. Произошел трагический распад СССР — единого евразийского цивилизационного пространства, который не пошел на пользу ни одному из некогда по-братски живших в нем народов. Национальный эгоизм, о чем предупреждали еще основатели евразийства Н.С. Трубецкой и П.Н. Савицкий, обернулся куда как худшей зависимостью народов бывшего Советского Союза от иностранных государств и произвола западных монополий.

Кстати, утрата внутреннего равновесия Россией-Евразией мгновенно привела как к утрате общемирового политического равновесия, так и к внутренней дестабилизации равно и Запада, и Востока. Укажем только на нарастающие противоречия между Европой и США, Германией и Польшей, на потенциальный очаг конфликта на корейском полуострове, на индийско-пакистанский конфликт и т.д. Рост международного терроризма преимущественно с исламским лицом — также прямое следствие распада единого евразийского геополитического пространства, где именно многоконфессиональная и многонациональная Россия в течение столетий выполняла важнейшие стабилизирующие и умиротворяющие функции во взаимоотношениях между различными религиями. В этом плане программа возрождения и новой консолидации Евразии, где России предстоит играть центральную роль, — это процесс, который объективно идет на благо всех стран и народов Земли и не противоречит ничьим национальным интересам.

Такое новое евразийское собрание народов имеет и глобальные, и региональные проявления. К глобальным формам евразийской консолидации относится создание ШОС — Шанхайской организации сотрудничества, объединяющей Россию, Китай, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. С укреплением и развитием этой международной евразийской организации и Россия, и ее сибирские регионы связывают большие надежды.

Примером же эффективной региональной евразийской интеграции служит Международный Координационный Совет — (МКС) «Наш общий дом Алтай», созданный в апреле 2003 г. и объединяющий в своих рядах законодателей, ученых и представителей общественных организаций 6 субъектов регионального Алтайского сотрудничества: Алтайского края и Республики Алтай — Россия; Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Западной Монголии; Восточно-Казахстанской области Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Созданный для совместного обсуждения и решения общих региональных проблем, этот орган за год своего существования сумел, на мой взгляд, проявить себя как важное средство укрепления дружеских евразийских связей между алтайскими народами, способствовал резкой интенсификации политических, научных и культурных контактов региональных политических и гуманитарных элит, интенсифицировал и стимулировал экономическое взаимодействие. Приведу только ряд конкретных примеров развивающегося сотрудничества.

Сегодня в вузах Алтайского края учатся уже десятки студентов из Восточного Казахстана и Китая. По инициативе МКС 10 монгольских студентов проходят бесплатное обучение в вузах Барнаула. В городе Ховде, столице Западной Монголии, начала работать русская школа, которой мы будем оказывать систематическую помощь. В этом году в Горном Алтае пройдет уже 2-я Международная летняя школа студентов Алтайского региона, на которой молодежь сопредельных стран обсуждает общие региональные проблемы, знакомится с бытом и культурой соседних территорий, завязывает научные и межличностные связи, которые, мы уверены, принесут хорошие плоды в будущем.

В последнее время резко интенсифицировались и научные контакты между научными центрами и вузами четырех сопредельных территорий. Некоторые научные форумы в регионе стали уже традиционными, где ученые получают возможность осуществлять регулярные личные контакты, эффективно планировать и подытоживать совместную научную работу. Так, в г. Ховде недавно состоялась уже 6-я традиционная междисциплинарная научная конференция «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов», собирающая интеллектуальную элиту со всех территорий Большого Алтая, а также из многих вузов Сибири. В марте этого года в Усть-Каменогорске (Восточный Казахстан) прошла интереснейшая международная конференция, посвященная соотношению процессов глобализации и региональной интеграции. В ней участвовали и наши барнаульские ученые. Планируется, что она станет регулярным региональным научным форумом, проводимым под эгидой Международного Координационного Совета «Наш общий дом Алтай», т.е. будет обладать тем же статусом, что и нынешняя наша конференция, посвященная теории и практике евразийства.

При содействии МКС активно развивается и экологическое сотрудничество в нашем уникальном биосферном регионе. В частности, в процессе формирования находится международная

Комиссия по экологической политике и устойчивому развитию, которая призвана координировать работу различных экологических организаций на территории Большого Алтая. В качестве информационной базы международного регионального сотрудничества под эгидой МКС создан и активно насыщается сайт в Интернете — «Алтай трансграничный» (altaiinter.org). По телевидению «Катунь» регулярно выходит передача, посвященная жизни стран нашего региона, рассказывающая о его культурных и природных богатствах. Издается на двух языках научно-общественный альманах «Алтайский вестник», знакомящий читателей с важнейшими событиями, происходящих в нашем регионе, с мнениями крупных политиков и ученых и, что очень важно, популяризирующий идеи классиков евразийства среди многонационального населения Большого Алтая. Налаживается также регулярный обмен творческими материалами между телерадиокомпаниями и периодическими печатными изданиями четырех сопредельных территорий.

Словом, процесс регионального международного сотрудничества у нас на Алтае из области теоретических предположений перешел в ранг реального и сильного политического проекта, в перспективную форму практического воплощения евразийских идей.

Ю.В. Попков

УСТОЙЧИВОСТЬ ЕВРАЗИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ РОССИИ*

Современные рыночные реформы в России можно оценить как попытку вестернизации страны, по своей природе являющейся евразийской, где исходно доминирует иная система ценностей, иной, чем у народов западной цивилизации, менталитет. Не случайно реформы идут очень сложно, приобретают превращенные формы и порождают существенные проблемные и зачастую парадоксальные ситуации во всех сферах жизни.

Радикальные рыночные реформы оказали серьезное влияние не только на материальное и социальное положение населения, но и на состояние общественного сознания, систему его ценностных ориентаций. Под воздействием сложившейся ситуации сформировался феномен полиментальности, включающий в себя в качестве составных компонентов религиозную, просоциалистическую, индивидуалистическую, криминальную ментальность, а также так называемую псевдоментальность. Последняя, получившая наибольшее распространение среди молодежи, характеризует мозаичный, эклектичный ценностный хаос как результат воздействия экономических реформ и массовой культуры.

Не существует единства мнений ученых по вопросу о соотношении разных типов ценностей в менталитете населения современной России. Ряд исследователей, в частности, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков, утверждают, что доминирующими здесь стали индивидуалистические, либеральные ценности, вытеснив коллективистские. Результаты изучения данного вопроса сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН у народов Сибири не подтверждают такого вывода. Напротив, они дают

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

основание утверждать, что в определенных отношениях коллективистские ценности актуализировались.

Прежде всего отметим, что этносоциальные процессы в Сибири в последнее десятилетие характеризуются преобладанием деструктивных тенденций. В этнодемографических процессах четко проявляется депопуляция у многих этносов; в этноэкономических — деградация традиционных и индустриальных отраслей, ренатурализация хозяйства как тенденция формирования экономики примитивного выживания в качестве основы существования значительной части населения; в этнокультурных — маргинализация, рост раздвоенности массового сознания относительно фундаментальных основ нынешнего и будущего развития, подрыв мировоззренческих оснований существования отдельных народов; в этнополитических — падение престижа государственной власти федерального и местного уровней; в социальной — усиливающаяся стратификация, безработица, рост масштабов бедности и как результат широкое распространение пьянства как иллюзорного способа «решения» социальных проблем.

Влияние этих тенденций, вызванных целенаправленным внедрением в стране законов рынка, не могло пройти бесследно. В условиях, когда людям не оставили никакого выбора, они часто вынуждены подчиняться «рыночной необходимости». Но сам этот факт вовсе не ведет к автоматическому «отмиранию» коллективизма и повсеместному распространению либеральных ценностей.

Вывод о том, что индивидуалистические ценности в настоящее время не преобладают у народов Сибири, подтверждается, в частности, результатами нашего исследования цивилизационных дихотомий среди русских, хакасов, тувинцев и алтайцев. Дихотомии были определены исходя из широко распространенных представлений о ценностях, доминирующих на Западе и Востоке. Респондентам предлагалось выбрать из полярно сформулированных положений те, которые отражают наиболее важные условия успешного развития их этноса. Результаты исследования позволяют сделать следующие основные заключения.

Во-первых, западные либеральные ценности в настоящее время имеют определенное распространение среди представителей всех этносов. На эти ценности молодежь сориентирована в целом сильнее, чем старшее поколение. Они также более популярны в среде городского населения, чем сельского.

Во-вторых, имеет место противоречивость ценностных ориентаций, что является отражением отмеченного ценностного хаоса. Эта противоречивость в большей степени характерна для

молодежи. Она проявляется, например, в том, что среди признающих частную собственность как условие успешного развития своего народа немало тех, кто негативно относится к предпринимателям, выступает за регулируемый рынок или даже возврат к плановой экономике, а также за государственный патернализм в решении вопросов трудоустройства и создания для людей достойных условий жизни.

В-третьих, и это самое важное, ни у одного из обследованных народов западные ценности не являются преобладающими, в том числе и у молодежи. Представители разных этносов в целом отдают приоритет коллективистским началам жизни над индивидуалистическими. Это проявляется в предпочтениях коллективной собственности над частной; чувства коллективизма и взаимопомощи как фактора развития своего этноса над индивидуализмом, личной деловитостью; обеспечения общего порядка над расширением личных свобод граждан. Так, среди хакасов и русских в Хакасии распределение этих базовых ценностей выглядят следующим образом (в %):

Для успешного развития моего народа следует прежде всего развивать:

	Хакасы	Русские
1) коллективную собственность	64	59
2) частную собственность	30	37

Нашему народу сейчас больше всего нужно чувство:

1) взаимопомощи, коллективизма	73	70
2) свободы личности, личной деловитости, индивидуализма	21	27

Для страны важнее всего:

1) расширение личных свобод граждан	19	25
2) обеспечение общего порядка	75	71

Как показывает более углубленный анализ, последовательными сторонниками либерально-рыночных ценностей проявляют себя гораздо меньше респондентов, чем при ответе на прямые вопросы: их доля среди хакасов составляет всего 6%, а среди русских — 12%.

Таким образом, рыночные реформы не смогли разрушить систему доминирующих евразийских ценностных ориентаций большинства населения на коллективизм и идеал общего порядка. В то же время современный опыт развития России подтвердил уже неоднократно доказанный на примере других эпох и государств вывод о невозможности существования модели развития, одинаково пригодной для всех стран и народов. Стремление же навязать

подобную модель встречает активное сопротивление, оборачивается многими негативными последствиями и часто приводит к результатам, прямо противоположным тем, которых ожидали проводники соответствующей политики.

«КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ» С ПОЗИЦИИ НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИЙЦЕВ

В условиях системного кризиса, который, как справедливо полагают ряд авторитетных авторов, острее всего проявляет себя в России, в нашей стране усилился поиск путей выхода из цивилизационного тупика. Наряду с выдвижением новых концепций большое число ученых обратилось к наследию русской мысли рубежа XIX–XX вв. Это обращение оказалось весьма результативным, и многие идеи прошлого уже благотворно развиваются не только в сфере теоретического дискурса, но и в практике сегодняшнего дня. Примером тому может служить учение о ноосфере — сфере разума, разработанное французскими учеными Ле Руа, П. Тейяром де Шарденом и нашим соотечественником В.И. Вернадским. Ныне оно развернулось в мощное научно-практическое направление. Мы полагаем, что такое же замечательное будущее ждет и наследие «евразийцев».

Доказать это не составляет большого труда — всех «евразийцев» отличали высокий уровень научной квалификации, патриотизм и значительная степень их прогностических способностей. Аргументируя последнее утверждение, отметим, что еще в тридцатых годах прошлого века евразийцы предупреждали советское правительство о развале СССР в связи с забвением высших духовных ценностей и замены их ценностями обыденной жизни в идеологии, строительстве нового государства и в воспитании нового человека.

Сила «евразийского наследия» заключается также в синтетическом потенциале их идей. Время востребования узких специалистов стало сходиться на «нет» уже к концу XIX в. Основные научные и социально-экономические тенденции XX в. обнажили необходимость междисциплинарных, синтетических подходов в решении проблем, вставших перед человечеством как на глобальном, так и региональном уровне. Сочетание в среде «евразийцев» европейского масштаба экономистов-географов (П.Н. Савицкий), правоведов (Алексеев), историков (Г.В. Вернадский), культурологов (Н.С. Трубецкой), философов (Л.П. Карсавин) создало уникальное

идейное синтетическое ядро. Таким образом, и синтетичностью своего научного поиска «евразийцы» в целом отвечают запросам сегодняшнего дня.

Другим важным и бесспорно актуальным аспектом евразийского учения стал интерес к проблеме ценностей. Это одухотворило многие их идеи и в частности мысль об идеократии — особой форме государственной власти, в основе которой лежит идея «социально-политической справедливой жизни ради других, для индивидуума — ради народа и других индивидуумов, для народа — ради человечества и других народов»¹. Отметим, что современниками евразийцев эта идея была воспринята как утопическая, но в наше время все больше и больше появляется фактов, подтверждающих безусловную силу идеократии.

Приведем лишь один пример. Идея сохранения окружающей среды ныне становится руководящей для тысяч людей во всем мире. Она проявляет свой властный потенциал, и, исключительно по убеждениям, по всей планете создаются экологические поселения, разрабатываются новые энерго- и ресурсосберегающие технологии. Движение «зеленых» считается одним из самых мощных в мире. При всех этнических, культурных, образовательных отличиях, через все границы и континенты прокладываются пути сотрудничества и поистине братской взаимопомощи. Когда на Алтае власти в очередной раз собрались возводить Катунскую ГЭС, письма протеста приходили из Австралии, Америки, практически из всех европейских стран. То же самое происходило, когда власти Калифорнии пытались дать разрешение на вырубку уникальных секвойевых рощ. Экологизируется не только общественное движение, но и правительства многих стран. Так, на государственном уровне в Дании и Германии принято и выполняется решение об увеличении выработки электроэнергии от альтернативных источников и закрытие в перспективе ТЭЦ и АЭС. Печально, что в нашей стране на фоне возрастающей глобальной тенденции по экологизации всех сфер жизни сворачиваются все экологические службы и проекты, но одновременно усиливается природоохранное общественное движение. Таким образом, мысль «евразийцев» о власти идей, причем идей высокого духовного уровня — с непреложностью воплощается в жизнь, что мы показали на примере экологии. Выбор этой проблематики не случаен, ибо ниже мы покажем, как одна из идей «евразийцев» может быть успешно применена в сфере сохранения и гармоничного использования окружающей природной среды.

В поиске этой идеи мы руководствовались уже определенными выше атрибутами — идея должна быть синтетичной по форме и

духовно-ценностной по содержанию. Другим важным качеством этой идеи, подчеркивающим ее актуальность, должно быть органичное сочетание и взаимодополнение с современными концепциями. Этим критериям отвечает концепция «месторазвития», выдвинутая П.Н. Савицким и получившая развитие в трудах Г.В. Вернадского и Л.Н. Гумилева, одна из активно разрабатываемых в настоящий момент как у нас в стране, так и за рубежом, — концепция культурного ландшафта. Конечно же, в рамках одной статьи не представляется возможным провести всесторонний анализ этих двух концепций, но можно выявить осевые линии исследования и показать значимость этой работы в будущем. Учитывая, что идеи «месторазвития» и «культурного ландшафта» еще находятся в стадии разработки и, как правило, хорошо известны узкому кругу специалистов, представим в начале их основные положения.

П.Н. Савицкий, выдающийся экономист-географ, один из идеологов евразийства, предпринимает подробный обзор понятия «месторазвитие» в одной из ключевых и для его творчества, и в идейном плане для всего евразийства в целом статье «Географический обзор России-Евразии». Первое, что он отмечает: само пространство Евразии есть «месторазвитие» России, и ее климатические географические и культурно-исторические особенности повлияли на становление Российского государства. «Месторазвитие» понимается им как особого рода пространственно-временной континуум, где географическое пространство сливается с социально-историческим временем, окрашенным событиями всех этносов, живущих на этом пространстве. Это, по П.Н. Савицкому, есть «общежитие широкого порядка», в построении которого участвуют и вековые генетические связи «...между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром — с другой»². В ходе взаимного приспособления и социально-историческая среда, и территория должны образовать, по мнению Савицкого, географический индивидуум, или ландшафт. В этом процессе создается свой порядок, своя гармония, своя устойчивость. Последнее хотелось бы выделить особым образом из всех атрибутов понятия «месторазвитие», данных Савицким.

Заметим здесь сразу, что исследователь хотя и не оговаривает специально, но это вытекает из контекста, что «месторазвитию» присуще гармоничное взаимодействие человека и природного окружения. Конечно же, история знает и разрушительное воздействие человека на ландшафтное окружение. Но такие формы отношений не могут быть отнесены к «месторазвитию» определенного этноса. В случае ухудшения окружающей природной среды тот или иной этнос

или исчезал, или мигрировал. П.Н. Савицкий, как ученый, обладающий выдающимися эвристическими способностями, высказав эту идею, постарался обосновать ее.

Три существенных момента хотелось бы выделить из его концепции месторазвития. Во-первых, синтез всех природных, социально-экономических и духовных сил и энергий, создающий условия для развития того или иного этноса. По Савицкому, природно-климатические и географические условия центральной части континента Евразии наиболее благоприятно сложились и вошли в гармоничное сочетание с мировоззренческими установками и способом хозяйствования коренных евразийских этносов. Во-вторых, хотя ученый не говорит об этом прямо, но данное положение легко вычленяется из контекста — признание им высокого значения мироустроительного воздействия евразийских этносов на ландшафт. П.Н. Савицкий подробно рассматривает это в работе «Хозяин и хозяйство». Так, по отношению к земле подлинно хозяйским он считает такое отношение, когда «к концу каждого производственного цикла хозяин стремится оставить ее в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшей, а по возможности — лучшим, чем то, в котором она вступала в производственный цикл»³. В-третьих, этнос испытывает благоговейное, любовное отношение к природе «месторазвития», что является осевой линией фольклора и народной художественной культуры всех евразийских этносов.

Не только Н.П. Савицкий и евразийцы в конце XIX — начале XX в. стремятся концептуально осмыслить пути синтеза сил природы и человека в создании среды обитания. В трудах выдающихся русских мыслителей: С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, В.И. Вернадского, В.Н. Муравьева, А.К. Горского мощно прорабатывается идея гармоничного синтеза сил человека и природы. Чаще всего она понимается ими как софийная (духовно-мудрая) организация мировоздействия. Ее атрибутами, в свою очередь, будут благоговейное отношение и одухотворение Земли-матушки (земля — это не ресурс, а именно Мать); нестяжательство, общинный труд и взаимовыручка (соборное мироустройство); стремление к качеству, долговечности производимой продукции (что может в современных понятиях быть понято как энерго- и ресурсосбережение); единство природных и социально-экономических циклов, закрепленное в народных календарях и множестве обрядов и обычаев. Другими словами, «месторазвитию» присущ глубокий синтез природных сил, с одной стороны, и хозяйственных, интеллектуальных и духовных человека и человеческого сообщества, с другой стороны. Это, в свою очередь,

согласуется с основными положениями теории культурного ландшафта. Кратко представим основные положения этой теории.

Понятие «культурный ландшафт» впервые ввел американский географ Карл Зауэр, вокруг которого впоследствии сформировалась целая школа культурной географии. Ее представители считали, что под культурным понимается искусственно созданный человеком ландшафт, и главной целью при этом является, по мысли американских ученых, стремление «обеспечить себя краткосрочными запасами продовольствия, убежищем, одеждой и развлечениями»⁴. Нельзя не отметить здесь явно выраженный утилитаризм. Не только западной, но советской эконом-географии был присущ бездуховный, вне учета национальных ценностей, подход к преобразованию окружающей среды. За весьма редким исключением, все, что создано было в период социалистического строительства, нанесло непоправимый ущерб ландшафту, сложились зоны экологического бедствия, как, например, на юге Алтайского края в городе Горняке. Здесь ранее существовал горно-обогатительный комбинат, после исчерпания ресурсов ведомства бросили город и производство, в результате чего образовалась зона экологически неблагоприятной среды, где вынуждены проживать тысячи людей.

«Традиционный природоцентризм географии, помноженный на эконоцентрическую марксистскую социологию, привел к искажению представлений о роли и месте человека в географическом ландшафте»⁵. Одним из первых в российской науке теорию культурного ландшафта стал разрабатывать Ю.Г. Саушкин, который понимал под культурным ландшафтом положительный результат преобразующей природу человеческой деятельности. Как правило, он противопоставлялся акультурному — «плохому», а атрибутами «хорошего» культурного ландшафта были удобство, рациональность планировки, эстетическая ценность. Конечно же, на эти качества в выделении культурного ландшафта можно опираться только в первом приближении. Не все то, что кажется нам удобным и рациональным, отвечает законам природы. Классический пример в нашей стране — планы переброски северных рек на юг; в Китае — спрямление русел рек, вызвавшее пересыхание рек и образование мощных разрушительных наводнений.

Следующий шаг в разработке теории культурного ландшафта был сделан Ю.А. Ведениным и сформировавшимся вокруг него научным направлением. За базовое основание здесь была принята теория ноосферы. Ю.А. Веденин дает следующее определение культурного ландшафта: «Это целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных

явлений, сформировавшихся в результате соединенного влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей»⁶.

С ландшафтом культура устанавливает контакт через материальные объекты, различной рода деятельность и отношение человека к окружающему миру, обусловленное сложившимися у него ценностными критериями. Между природой и культурой, пишет Ю.А. Веденин, через процессы деятельности устанавливаются потоки энергии и информации. Справедливо, видимо, добавить — и потоки вещества, имея в виду строительство зданий, сооружений, коммуникаций и пр. Системно исследуя понятие культурного ландшафта, Ю.А. Веденин одним из первых вводит в научный оборот такие его атрибуты, как вертикально-горизонтальную неоднородность и способность накапливать потенциал интеллектуально-духовной энергии в двух основных слоях — культурном и природном⁷. Первый по мере накопления приобретает все большую значимость и в конечном случае определяет пространственную специфику культурного ландшафта⁸.

Другими важными атрибутами культурного ландшафта, по мнению Ю.А. Веденина, нужно считать наличие и сочетание таких элементов, как наследие (общепризнанные социальные, научные, художественные и, добавим, духовные ценности), традиционную и инновационную культуры. Ю.А. Веденин справедливо утверждает, что гармоничное сочетание этих трех элементов в культурном ландшафте «является наиболее эффективным с точки зрения удовлетворения социокультурных потребностей общества и его развития»⁹. Фактически это согласуется с ранее приведенным понятием «месторазвитие». Исследуя территории, где возник и получил мощное развитие какой-нибудь из известных евразийских этносов, можно отметить явное сочетание элементов наследия, традиции и инновации, успешно синтезированные им в результате своего этногенеза.

Поскольку в настоящий момент в литературе происходит определенного рода смешение культурного и антропогенного ландшафтов, постараемся сделать хотя бы краткий сравнительный анализ этих понятий. Очевидно, что антропогенный ландшафт — более крупное понятие. Он включает в себя культурный ландшафт, но не совпадает с ним.

Для более точного определения культурного ландшафта с позиций нашего исследования, рассмотрим вначале основные типы ландшафтов в целом. Среди них, с точки зрения определения степени антропогенного воздействия, можно выделить по меньшей мере три

типа. Первый — это заповедные и малоосвоенные территории. Появление на них человека эпизодично, деятельность носит преимущественно научный характер и не разрушает ландшафта, не прерывает естественных биосферных процессов. Конечно, таких территорий остается все меньше. Техно-биосферный дисбаланс складывается в пользу природной составляющей. Другое, противоположное первому, состояние в общей системе антропогенного ландшафта занимает техногенно-урбанизированный ландшафт (как предельный случай — зона экологической катастрофы, например, эпицентр ядерного взрыва, химическая авария), где прерываются многие или почти все биосферные процессы. Промежуточное положение занимают территории, на которых достаточно долго поддерживается состояние антропобиосферного единства (технобиосферный баланс).

Очевидно, что первый и второй типы ландшафтов не могут быть отнесены к культурным (и не могут считаться и территориями «месторазвития») — второй в силу разрушительного воздействия человека, а первый в силу того, что присутствие человека в нем сведено фактически к нулю, и, как такового, проявления культуры нет. Стало быть, культурный ландшафт формируется только в условиях, когда «природа творящая» и «природа творимая» находятся в гармоничном сочетании. Ю.А. Веденин считает, что «...ландшафты, использование и преобразование которых происходило целенаправленно, по заранее разработанной программе определяются как культурные»¹⁰.

Данное определение требует уточнения понятия «программа». По-видимому, речь идет о такой программе, которая, прежде всего, сохраняет основные природные показатели, такие, как биоразнообразие. Следует определить, какие факторы способствуют этому. Прежде всего, это, очевидно, способ хозяйствования. Сведение лесов, перекрытие крупных рек плотинами и подобное необратимо снижает биологическое разнообразие. Если же человек, осваивая окружающую среду, делал ставку на возобновляемые ресурсы и в целом сохранил положительный баланс извлекаемых ресурсов и восстанавливаемых природой, то видовое разнообразие не только не снижалось, но в ряде случаев даже повышалось. Например, русские монастыри не только являлись культовыми сооружениями и украшали пейзаж, но и зачастую представляли собой центры по садоводству, цветоводству и огородничеству. Так, в Соловецком монастыре, фактически у полярного круга, выращивались арбузы и дыни, а Оптиная Пустынь ныне представляется посетителям как громадный цветник и розарий. Другими словами, человек в этом случае

значительно обогащал видовое биологическое разнообразие и привносил эстетический элемент, делая ландшафт действительно культурным. Другой вид ландшафта — акультурный (по терминологии Ю.А. Веденина) — представляет собой ландшафт, изменения в котором носили регрессивный, разрушительный характер. Таким образом, сохранение биоразнообразия — первый показатель действительно гармоничного сочетания «культуры» и «природы» и очевидный критерий культурного ландшафта.

Подытоживая наши рассуждения, можно сделать следующие выводы. «Месторазвитие» и культурный ландшафт — близкие понятия, и их сущностное содержание весьма близко. Отличие заключается в том, что в концепции евразийства «месторазвитие» — это территория, дающая старт развитию нового этноса, новой культуры, а та же самая территория, рассматриваемая с точки зрения ее формирования как наиболее благоприятной для дальнейшего этногенеза, — это культурный ландшафт. Другими словами, заселяя ту или иную территорию, этнос должен установить с ней благодатный синтез природного и антропогенного начал. Это соответствует началу кривой этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилевым, в двух стадиях пассионарного подъема — скрытой и явной. Добиваясь синтеза, этнос переходит в стадию стремительного пассионарного взлета. Истощив природные силы, можно, развивая мысли Гумилева, сказать, что этнос сразу же «соскакивает» в область обскурации и разложения.

Этот теоретический вывод открывает хорошие перспективы не только к выявлению новых очагов «месторазвития» тех или иных этносов, но и к раскрытию механизмов формирования на этих территориях очагов культурного ландшафта. Обобщение этого бесценного опыта актуально для нашего времени, как с точки зрения разработки теоретических основ концепции культурного ландшафта, так и в практике ее применения, в частности, для разработки стратегий развития тех или иных регионов Евразии.

Например, в регионе Большого Алтая в качестве механизма международного сотрудничества создан и усиливает свою деятельность Международный координационный совет МКС «Наш общий дом Алтай», объединивший региональные законодательные органы власти, ученых и неправительственные организации. В плане рассматриваемой проблемы в рамках МКС в качестве одного из первых шагов может быть инициирована разработка закона о культурном ландшафте. Подобного рода законы приняты во многих государствах мира, но ни в одной из четырех стран, связанных Алтайским регионом, — России, Казахстане, Китае и Монголии, — такого закона нет.

Принятие и реализация этого закона, с одной стороны, помогут сохранить уникальный природный и культурный потенциал региона. Кроме того, базируясь на этом законе, можно разработать стратегии развития в перспективном для всех стран региона направлении — экологическом туризме. И, наконец, ключевым как для концепции «месторазвития», так и культурного ландшафта является ядро ценностей, с опорой на которое они формируются. Значение духовно-ценностного содержания двух концепций хотелось бы подчеркнуть особым образом. В полиэтнической, поликонфессиональной среде, которая сложилась на стыке четырех границ, любая деятельность, любой проект и законодательный акт должны разрабатываться с учетом убеждений и ценностей всех народов, на чем настаивали все евразийцы. Это обеспечивает успешность в реализации любых инициатив.

Кроме того, в логике вышеизложенного можно сделать вывод, что, сохраняя и формируя новые очаги культурного ландшафта в регионе, мы тем самым создаем «месторазвитие» нового межэтнического, межгосударственного объединения, складываем предпосылки для разворачивания новой духовно-экологической евразийской цивилизации.

Примечания

¹ Евразийство. Опыт систематического изложения. — Париж, 1926. — С. 72

² Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 282.

³ Там же. С. 222.

⁴ Цит по Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М. 1998 С .10.

⁵ Там же.

⁶ Чалая И.П., Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. М., 1997 — С. 6

⁷ Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. М., 1997. С. 8

⁸ Чалая И.П., Веденин Ю.А. Указ. соч. С. 7

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 5.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СЕКЦИОННОМ ЗАСЕДАНИИ

В.Я. Баркалов, А.А. Целевич

АЛТАЙ — ПРОСТРАНСТВО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ

Проблема сотрудничества государств, имеющих непосредственное геополитическое отношение к Алтаю, имеет большое значение не только для различных сфер внутренней жизни этих стран, но и с точки зрения стратегического позиционирования сил на материке. Алтай находится в центре огромного геополитического пространства, называемого Евразией. Сотрудничество в данном регионе просто необходимо. Взаимодействие имеет несколько наиболее важных аспектов, среди которых наиболее актуальными являются экономический, геополитический и экологический. Задача взаимодействия в силу происходящих масштабных географических и политических процессов особо остро обозначилась сейчас. Она имеет и исторический аспект, временные рамки которого не ограничиваются XX столетием.

Целью данного доклада является анализ возможностей сотрудничества в регионе на основе сформировавшихся политических систем, что предполагает:

- выяснение наиболее важных аспектов взаимодействия государств данной территории;
- анализ направлений деятельности государств на территории Большого Алтая.

Под Алтаем мы понимаем обширную территорию, находящуюся в рамках политических границ нескольких государств— Российской Федерации, Казахстана, Монголии и Китая. Граница состоит из хребтов, образующих водораздел Оби, Иртыша, Енисея и рек бессточной области Центральной Азии. История взаимодействия народов на рассматриваемой территории уходит корнями в глубь веков. Нас интересует взаимодействие государств данного региона в настоящее время. Два из них стали самостоятельными политическими

субъектами только в XX веке. Монголия провозгласила независимость в июле 1921 г., Казахстан стал самостоятельным геополитическим субъектом после распада СССР в 1991 г. Сейчас принято считать, что Россия стала независимым и суверенным государством после распада СССР. Однако представляется, что Россия не была от кого-либо зависимой, поскольку она доминировала в СССР. Могущество Советского Союза — это могущество России. То, что она перестала оказывать решающее влияние на евразийское пространство, не является показателем её слабости в Союзе. Здесь сказываются последствия разрушительной буржуазной революции 90-х гг., в результате которой Россия не обрела пресловутый суверенитет, а утратила былое геополитическое могущество. Да, Россия изменилась, но она остается важным геополитическим субъектом на евразийском пространстве. В XX в. произошли глубинные изменения в Китае. Трансформация в сторону капитализма здесь началась раньше, чем в России, и осуществляется путём постепенных эволюционных реформ.

До 60-х гг. XX в. принципы взаимоотношений между государствами и народами, их внутреннее развитие определялись политикой СССР. Евразийское пространство было единым экономическим и военно-политическим целым. Однако по мере того, как в Китае увеличивался промышленный и силовой потенциал, росло национально-государственное самосознание и чувство самодостаточности, возникало и усиливалось осознанное и неосознанное неприятие лидерства СССР, отторжение русских. Перемены, происходящие в общественном сознании, и прежде всего в сознании высшей партийно-государственной элиты, оформились в официальную конфронтационную военно-политическую доктрину по отношению к Советскому Союзу. Геополитическое единство дружественных государств с близкими политическими системами, скреплённое идеологическим родством коммунистических партий, разрушилось. Прежние отношения сохранились только между СССР и Монголией.

После распада СССР началась новая эпоха евразийской истории, исходными реалиями которой следует считать:

- 1) уход России из Монголии;
- 2) торговая экспансия Китая в области товаров массового спроса, что становится серьезным препятствием развития легкой промышленности в сопредельных странах;
- 3) образование Казахстана — нового суверенного государства, с которым у России на первых порах сложились непростые отношения, но вызывающие меньшую обеспокоенность, чем отношения с другими центрально-азиатскими государствами,

согласившимися на размещение на своих территориях американских военных баз.

Посмотрим на некоторые тенденции новых отношений, складывающихся между четырьмя евразийскими государствами, через призму интересов России и прежде всего интересов Алтайского края и Республики Алтай. Следует заметить, что теперь стало очевидным, что образование на территории Алтайского края двух субъектов РФ было крупной ошибкой не только с точки зрения административно-территориального строительства России, но и развития концепции российской государственности вообще. Жизнь постоянно подсказывает, что нужно вернуть прошлый статус-кво. Из него мы и будем исходить, говоря об евразийских интересах Алтайского края и Республики Алтай.

Начнем с Казахстана. Важным фактором в отношениях между Казахстаном и Россией является образование СНГ. Первоначальной целью нового союза было возобновление и развитие на новой основе экономического сотрудничества между бывшими членами СССР, однако постепенно в сферу их взаимоотношений вошли и заняли прочное положение политические проблемы. Стержнем концепции союза является программа экономического сотрудничества, которая подразумевает в своей реализации несколько важных этапов: создание зоны свободной торговли, таможенный союз, валютный союз, общий рынок товаров, услуг и капитала.

Для Алтайского края важно то, что приграничные отношения с Казахстаном имеют юридическую основу в форме Соглашения между правительствами Казахстана и России о пограничном сотрудничестве. Алтай и Восточно-Казахстанская область заинтересованы в восстановлении и развитии горнодобывающей промышленности, сельскохозяйственного производства и переработки.

Алтай — это территория интересов не только местных, но и общегосударственных. Здесь проходят железнодорожные и автотранспортные пути, связывающие Западную и Восточную Сибирь, а также Дальний Восток с Казахстаном и среднеазиатскими государствами. Более того, для Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Хакасии и Тувы самая короткая автодорожная связь с Китаем проходит через Алтай и Казахстан. Строительство высокоскоростных автомагистралей с платными участками и мостами — довольно широкая перспектива улучшения бюджета края.

Теперь о сотрудничестве с Монголией. Можно только сожалеть об утраченных экономических связях, особенно в области мясопереработки. Считается, что сейчас это нерентабельно, выгоднее развивать соответствующие отрасли в самой Монголии. Может быть и

так, но выгоднее ли везти мясо из Америки и Западной Европы? Действительно, забой и первичную обработку можно производить на месте, а более глубокую переработку на территории Алтая. Выгодна для нас и торговля с Монголией. Известно, что товары массового спроса частично поступают туда сейчас с Алтая. Нуждаются соседи в образовательных услугах, здравоохранении и т.д. Как видим, перспективы большие, но сильна и конкуренция, в которой мы сейчас, к сожалению, проигрываем.

Множество проблем порождают развивающиеся отношения с Китаем. Мы не будем останавливаться на их положительной стороне. Говоря о перспективах, заметим, что они для Западной Сибири в последнее десятилетие связываются с проектом строительства дороги, которая откроет прямой выход в Китай. Противники дороги видят угрозу китаизации региона, аналогичной той, которая стала реальностью на Дальнем Востоке. Но это проблема будущего, если вопрос решится положительно. Остановимся на проблемах сегодняшних.

Для Алтайского края они во многом минусовые. Во-первых, китаизация рынка товаров массового спроса оборачивается непреодолимыми препятствиями в развитии мелкого и среднего бизнеса, особенно в области легкой промышленности. Российский производитель может потеснить конкурента только в том случае, если будет предлагать покупателю более добротные товары по ценам равным или ниже. Во-вторых, невыгодно привлечение рабочей силы из Китая. Как правило, китайцы создают закрытый национальный коллектив, в который не допускают наших специалистов и простых рабочих. Кроме экономического результата, их ничего не интересует. Нам целесообразнее привлекать работников из среднеазиатских государств, т.е. людей, работающих под руководством российского специалиста или рядом с ним.

В заключение скажем, при сохранении современного географического и политического положения данного региона вырисовываются некоторые перспективы сотрудничества. В целом, видна тенденция к сближению позиций государств Алтая, к пониманию необходимости сотрудничества. Положительные последствия в сфере экономики, культуры, экологии в случае сотрудничества в любом случае преобладают над стремлением к независимости, обособленности и национализмом.

В регионе, естественно, будет сохраняться и ряд проблем. Особенно необходимо выделить проблему взаимопонимания с центральными властями: если она будет решена, сотрудничество имеет очень большое будущее во всех сферах деятельности. Особо

необходимо подчеркнуть линию политики Москвы и Пекина: значение деятельности этих государств не ограничивается даже рамками Евразии.

Для достижения стоящих перед рассматриваемыми государствами целей необходимо решить ряд задач: создание транспортной инфраструктуры; юридическое оформление границ, закрепляющее режим особого благоприятствования, в перспективе таможенный союз; создание совместных научных и культурных центров, институтов, полномочных принимать политические решения в рамках Алтайского региона; проведение научно-практических конференций, цель которых—выявление проблем региона и их решение.

По достижении этих задач можно будет говорить о состоявшемся сотрудничестве государств Большого Алтая.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ В СВЕТЕ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Мнение, что жизнь государств и народов в значительной степени обусловлена географической средой, является одним из основополагающих на протяжении всей человеческой истории¹. В 20-е гг. XX в. начинает формироваться *Евразийская геополитическая школа* (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, а позднее — Л.Н. Гумилев). Этногенетическая концепция Л.Н. Гумилева является своего рода применением учения В.И. Вернадского о биосфере к истории развития этносов, подходом к историческому материалу с позиций естествознания. «Этногенез — природный процесс, флуктуация биохимической энергии живого вещества живого вещества биосферы»². История человеческого общества развивается на фоне постоянно изменяющейся географической среды. Так как *Homo sapiens* является не только социальным, но и биологическим организмом, то любая человеческая популяция, адаптируясь к окружающей природной среде («вмещающему ландшафту»), приобретает в процессе эволюции определенные признаки, отличающие ее от других популяций того же вида, обитающих в иных условиях, т.е. «поведение... каждого этноса — просто способ адаптации к своей географической среде». В результате у каждого этноса в условиях определенного ландшафта формируется свой специфический тип поведения, который, несомненно, оказывает влияние на культуру и образ жизни последнего, а также создает определенные трудности для взаимопонимания между представителями различных этнических культур. С точки зрения автора, подобное взаимопонимание (комплиментарность) легче всего достигается между экологически близкими этносами, формирование которых протекало в сходных природных условиях. При радикальном изменении подобных условий (например, в результате резкой климатической вариации) или при перемещении в иной природный ландшафт этнос коренным образом преобразует свое поведение в исторически короткие сроки либо погибает. «Ландшафт действует на этнос принудительно, и потому

при его смене этнос вынужден либо исчезнуть, либо выработать новые формы адаптации, что означает смену стереотипа поведения». Так как географические условия каждого «ландшафтного мира» неповторимы, то абсолютно идентичных этносов в принципе быть не может. Сторонники концепции евразийства полагали, что понятия «Запад» и «Восток» лишены какого-либо смысла. Под «Западом» обычно подразумевается германо-романский суперэтнос, а под «Востоком» — вся остальная часть старого света. Бессмысленно противопоставление данных категорий, поскольку общечеловеческая культура, эталоном которой является европейская, для всех народов невозможна³. Это положение исходит из того, что разные этнические группы сформированы различными вмещающими ландшафтами и имели различное прошлое. Евразийцы настаивают на полицентризме мира, а мировая история должна рассматриваться как мозаичная целостность. Евразия, вопреки геополитической доктрине Х. Маккиндера⁴, является не центром теллуократии, а лишь одним из центров сложного многополярного мира. «Евразийский полицентризм предполагает, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира, Иберия и Китай — то же самое»⁵. Еще в 20-х гг. XX в. Н.С. Трубецкой писал, что единая общечеловеческая культура является идеологическим мифом, поскольку все этносы имеют различный вмещающий ландшафт и различное прошлое. «Культура каждого этноса своеобразна и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *Homo sapiens* выжил на планете Земля»⁶. Л.Н. Гумилев замечает по этому поводу: «Поскольку мы (Россия. — *И.Г.*) на 500 лет моложе Западной Европы, то, как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое. Изучать иной опыт можно и должно, но стоит помнить, что это именно чужой опыт»⁷. Согласно данной концепции Российская империя, СССР, а теперь и Российская Федерация представляет собой особую полиэтническую общность, противостоящую всем иным. Находясь в центре Евразийского материка, Россия вбирает элементы европейской и азиатской культур, интегрируя их, образует новую культуру. По представлениям П.Н. Савицкого, Россия является особым типом цивилизации, сложившимся на основе арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества, православной традиции. Геополитический смысл России-Евразии выступает как синтез европейского Леса и азиатской Степи, представляющий собой нечто цельное, оригинальное. П.Н. Савицкий полагал, что евразийское государство должно строиться от изначального духовного импульса,

сверху вниз — принцип *идеократии*. Идеократия предполагала главенство прагматического, нематериального и некоммерческого подхода к государственному устройству; этот термин объединяет все формы недемократического правления — от теократической соборности до партийного государства советского образца. Это обстоятельство должно учитываться в политической ориентации.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Национальная культура любого народа тесно связана с той природной средой, в пределах которой осуществлялось становление и развитие данного народа. Экологическая компонента не предопределяет судьбу этноса, но учет ее позволяет лучше понять менталитет того или иного народа. Попытка унифицирования образа жизни всех этнических образований неизбежно приводит к отрыву последних не только от традиционной культуры, но и от соответствующей природной среды, превращению этноса в «химеру» (термин Л.Н. Гумилева) — нестойкое, мало жизнеспособное и в конечном счете деградирующее образование.

Примечания

- ¹ Алисов Н.В., Хорев Б.С. Экономическая и социальная география мира (общий обзор). М., 2000. С. 59; Социально-экономическая география России: Учебник / Ю.Н. Гладкий, В.А. Доброскок, С.П. Семенов. М. 2000. С. 105.
- ² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С. 30.
- ³ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 35.
- ⁴ Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учеб. пособие. М., 2000. С. 38.
- ⁵ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 28.
- ⁷ Гумилев Л.Н. От Руси — к России. М., 1995. С. 299.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧНОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ УЧЕНИИ

В связи с резким ростом активности этнических групп и обострением межэтнических отношений во всем мире, в особенности в многонациональных государствах, вокруг проблемы этничности развернулась острая дискуссия. Появились многочисленные теории этничности, пытающиеся объяснить природу и сущность этноса, этнической идентичности, ассимиляции, этнических конфликтов и т.д. Многие исследователи под этничностью понимают совокупность характерных культурных черт этнической группы. В этом случае этническая группа понимается как часть более широкого социокультурного пространства, находящаяся с этим окружением в отношении «Мы — они».

Природа этнического феномена настолько сложна и разнообразна, что адекватное понимание её в рамках одной методологической модели просто невозможно. Только в совокупности разных подходов можно составить не одностороннее, а целостное представление об этничности, отразить ее в единстве объективных и субъективных характеристик. Мы сочли необходимым обратиться к евразийскому наследию, в котором в качестве методологической основы исследования этничности выступает синтетический подход.

По мнению П. Савицкого, к числу характеристик того, что в настоящее время понимается под этничностью, можно отнести разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры.

Основой консолидации этноса является культура. Культурное единство, по мнению Н.С. Трубецкого, следует рассматривать не как основную характеристику этноса, но как результат его существования, более того, возможно даже, что как смысл этого существования. В этом смысле евразийство как полиэтническое сообщество существует по принципу взаимной дополнительности культур разных народов. В свою очередь это реализуется через взаимодействие данного этноса с другими.

П.Н. Савицкий на примере русского этноса обращает внимание на условия формирования важных характеристик этничности.

«Естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно ее степная полоса, по которой распространилась русская народность, определяют хозяйственно-социальные процессы евразийской культуры»¹.

Комплексная социальная функция разделения общества на этнические группы в самом общем виде сформулирована в евразийстве как функция обеспечения взаимодействия общества и природы.

Комплекс гео- и био-факторов образует пространство этнокультурной жизни. Это пространство — сфера существования и жизнедеятельности народов Евразии, внутренне связанная. Это пространство не гомогенно. Оно существует как система сложно сочетаемого культурного воспроизводства. Взаимосвязанность таких мест с развитием конкретного антропогенного образования определяется у П.Н. Савицкого понятием «месторазития».

Оно впоследствии определяется социосферой (становится культурным ландшафтом), теми условиями социальной природы, в которых этническая природа находит свою сущность, достигает устойчивости — за счет развития культурного разнообразия форм — и воспроизводится через комплекс национальных традиций.

Постепенно этнические группы выделяются в структуре социального, социосферы, вследствие усложнения ее функционирования, что ведет к усложнению социального взаимодействия этносов — к выделению основных этнических комплементарных культур.

Такое разнообразие, присутствующее на евразийском пространстве, является необходимым условием его устойчивости. Этническое измерение стало использоваться евразийцами не только для анализа евразийского сообщества, но и народов, расселенных за его пределами.

Сущность этнической группы формируется в процессе взаимодействия, взаимообогащения, смешения культур на данном пространстве. Поэтому стремление понять сущность этничности неизбежно приводит к рассмотрению понятия «месторазвития». Этничность является механизмом воспроизводства на уровне общественной жизни того порядка, гармонии, которые за миллионы лет оформились в отношениях живой и неживой природы. Эта функция атрибутивна, без ее выполнения социальная жизнь невозможна. Выполнение этой функции — процесс чрезвычайно длительный. Определенность этнического (этничности) как качества

возникает постепенно из взаимодействия природы как производящей и сообщества, коллективного социального субъекта как производного, в свою очередь производящего культуру как «вторую природу»

Этнос в своем развитии проходит несколько этапов становления. На начальных этапах развития этноса — который наиболее продолжителен — происходит приспособление социального к природному, к своему месторазвитию. На второй стадии достигается равновесие. В этом равновесии евразийские мыслители усматривают достижение наиболее равновесного и гармоничного экологического состояния сосуществования этноса и природного ландшафта. На третьей стадии — формирование этнокультурного ландшафта. А вследствие этого заметно ослабевает сама этничность как способ взаимообогащения биологической и социальной жизни. Исключения из представленной здесь обобщающей схемы множественны. И все-таки среди этнических групп больше окажется следовавших этому «правилу» развития и становления, воспроизводивших в своем развитии эту последовательность.

Развитием этничности социальное обогащает свои качественные характеристики, через систему ценностей преодолевает безликость и обретает образ, лицо. Хотя отразить этот образ, эту наитруднейшую этнокультурную историческую реальность совсем не просто. В действительности, исчерпывая одни возможности, этническая группа способна отыскивать другие, как это прослеживается в исследовании профессора Ю.В. Попкова, который пытался показать степень восприятия народами Сибири западных и восточных ценностей. Народами чаще воспринимаются те ценности, которые близки народам и отражают природу их существования. Уровень глубины развития союза с природой, гармонизации биологической и социальной жизни, преодоления хаоса, развития порядка не ограничен.

Важно отметить, что между народами Евразии постоянно имели место и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий (обратные случаи, т.е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии между двумя народами в Евразии очень редки). Одних этих подсознательных чувств, разумеется, недостаточно. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место.

Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям².

В результате евразийское этнокультурное общество оформляется как интегрированное сообщество, в котором связанность выше, чем дифференцированность. В нем все более заметную роль играют ценности сближения, объединения. И параллельно ослабевает привязанность, закреплённость социально-этнических общностей и пространства, обусловленная глобализацией вызовов, перед которым сложно устоять. Изменение принципов организации евразийского социального пространства имеет сложные последствия — прежде всего для сохранения и развития культуры народов Евразии, что и пытались показать в своих учениях евразийские мыслители.

Таким образом, мы можем констатировать, что евразийские мыслители внесли большой вклад в разработку концепции «этничности», обуславливая ее природу не противопоставлением «Мы» — «Они», а отношениями «единства в многообразии» существующих общностей конкретного «месторазвития».

Примечания

¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. — М., 1997. — С. 264.

² Трубецкой Н.С. Исход к востоку // Общевразийский национализм. М., 1994. С. 97.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ИСТОЛКОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТОЧКИ РОСТА

Основная задача данной работы заключается в том, чтобы показать, во-первых, что для евразийства как философского и политического явления характерна опора на личность, понимаемая в качестве основания для единения людей; во-вторых, эта по сути своей индивидуалистическая идея отличается от иных индивидуалистических трактовок; и, в-третьих, являясь более прогрессивным, евразийский индивидуализм все же имеет существенный недостаток, выражающийся в том, что все же не достаточно радикально определяет значение индивидуальности.

Критика отвлеченных начал как характерная черта самобытной русской философии в евразийстве проявилась в попытке создания такой идеологии и теории, которая являлась бы основанием для объединения людей так, чтобы не терялась их индивидуальность для объединения народов, так, чтобы не нивелировалась их самобытность. Самобытность означает прежде всего конкретно выраженное духовно-телесное существование, т.е. существование личностное. Так, Л. Карсавин понимал личность прежде всего как единство ее моментов, которые, не теряя своей самобытности, все же существуют как аспекты ее целостности, единства, синонимом которого он полагал духовность. В то же время личность есть и множественность своих моментов, т.е. еще и конкретно телесное воплощение духовности. «Личность всецело духовна и всецело телесна», — говорил Л. Карсавин. Это значит, что противопоставление коллективизма, приписываемого русской культуре и политике и индивидуализма, как явления западного, имеет весьма шаткие основания. Таким образом, личность, в евразийстве, как и в русской философии вообще, можно считать основополагающей категорией и основным онтологическим и методологическим принципом для единения.

Тем не менее истолкование индивидуализма, присущее русской философии, коренным образом отличается от западной трактовки.

Чтобы обосновать это утверждение, сравним позиции Э. Левинаса как наиболее последовательного и радикального защитника индивидуализма в западной философии и Л. Карсавина как последовательного персонолога и теоретика евразийства.

Так, Э. Левинас полагает одиночество первейшей онтологической категорией и основной целью своей концепции считает «утверждение множественности, не допускающей слияния в единство». Человек существует в своем акте-существования и осознает его как непереходное и безотносительное, допускающее любой обмен с другими, но не допускающего обмена своими актами-существования. Акт-существования «не касается никого, кроме существующего». Это означает, что субъект, т.е. существующий, представляет собой абсолютно замкнутое существо, поскольку его определение в акте-существования возможно только при исхождении из себя и возвращении в себя. Существующий появляется, завязывая себя как «самоначинание», обретаясь как «самоисхождение», он отрывается от своего прошлого и является настоящим. Настоящее при этом означает примат существующего над актом-существования. Но есть нечто, в отношении чего такая власть субъекта невозможна — это смерть или будущее, понимаемые как то, в отношении чего субъект не может надеяться на схватывание или власть. Это абсолютное другое. Решая проблему связи существующего и другого, Э. Левинас и приходит к утверждению, что другое обладает непреодолимой другостью. Но смерть или будущее, наваливаясь на существующего, лишают его связи с актом-существования, и существующий погибает. Но возможно ли такое отношение с другим, при котором существующий остается нетронутым? Это и есть Другой. Другой, соприкасаясь, оставляет существующего нетронутым. Не имея возможности более подробно изложить суть позиции Э. Левинаса, сделаем основной вывод: абсолютная индивидуальность существующего, его одиночество непреодолимы, более того, они являются необходимыми условиями его целостности и бытия как существующего. Правда, это бытие не является полным, поскольку существующий, будучи только в настоящем времени, не включает в себя будущее и прошлое, а это значит, что существующий не обладает и полнотой ответственности, которая ограничивается лишь ответственностью в настоящем. Но тут и выясняется кардинальное отличие индивидуализма в евразийской концепции личности. Обратимся к Л. Карсавину, для которого личность есть многообразное единство. Это означает, что, будучи единою, личность является в своих различных аспектах или моментах, которые при этом не теряют своей самобытности. В идеале личность считается всеединством, но в каждый конкретный момент она есть

несовершенное единство, будучи в каждый момент все же единством. Отсюда следует, что личность одновременно есть и не есть, т.е. она представляет собой становление, а бытие личности в каждый момент есть иерархическое бытие, венцом которой является симфоническая личность. Хотя индивидуальная личность и не есть совершенная личность, но все же она есть в полном смысле бытие, она есть конкретное выражение бытия в данный момент. Поэтому мир, представляя собой индивидуальные сущие, не теряет своей связанности, поскольку сущие предстают как моменты симфонической личности. Являясь индивидуальностями, они не теряют способности к общению.

Безусловно, сознавать и познавать себя индивидуальная личность способна благодаря различию с другими индивидуальными личностями, но, являясь инобытием ее, они не являются другим бытием, как это утверждает Э. Левинасом. Они являются бытием по иному. В этом смысле мы и утверждали вначале, что евразийский индивидуализм более прогрессивен, поскольку не упускает возможности общения с другими, причем такого общения, которое только и можно считать по-настоящему общением как воплощенным единством многообразия, а не безответным прикосновением к Другому. В таком случае сфера нравственной ответственности не ограничивается субъектом, существующим в себе, а включает и других как многообразия бытия по-иному. «Бытие сразу сознает себя (ибо таково оно есть) и единством и всяким его образом. Поэтому всякий его образ, осуществляя бытие как самого себя, как свою личность, сознает себя всем бытием и познает другие образы, соотнося их с собой».

Но такая позиция обнаруживает и свою слабость. Дело в том, что будучи несовершенной, индивидуальная личность не обладает полнотой ответственности. «Признавая Бога единственной истинной личностью», а человека «тварным безличным субстратом», мы вынуждены констатировать, что только симфоническая личность есть субъект полной личной ответственности.

Таким образом, преодолевая абсолютное одиночество существующего, «индивидуальная личность» Л. Карсавина, в отличие от «существующего» Э. Левинаса, теряет личную ответственность, обладая ею не в полной мере, а лишь потенциально, приближаясь к полноте только в момент своего высшего совершенства, т.е. обожения. В таком случае евразийская идеология натывается на непреодолимое препятствие при практической реализации своей политики — то, на что так уповал Л. Карсавин, т.е. на преодоление неизбежной якобы при демократии дихотомии деспотичности или

бессилия государства, оборачивается безответственностью политиков и народа. Правда, в отличие от «существующего», индивидуальная личность все же потенциально может обладать всей полнотой ответственности, в то время как «существующий» обречен на частичность собственной ответственности перед настоящим.

В итоге мы приходим к проблеме всеобщности ответственности индивидуальной личности. Одним из более приемлемых вариантов решения проблемы мы считаем построение такой онтологии индивидуальной личности, при которой, сохраняя свою индивидуальность и автономность, она оставалась бы бытием на полных правах всеобщей ответственности. Мы убеждены, что концепция личности евразийцев позволяет при определенных условиях быть трансформированной в этом направлении.

ЗАТУХАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Идеология в целом и ее различные модификации все реже и реже встречаются в современном политическом лексиконе. Лишь изредка возникает вопрос о кризисе или крахе очередной идеологии. Если в начале 90-х гг. XX в. отсутствие идеологии воспринималось многими как долгожданное освобождение от идеологического наследия тоталитарного прошлого, то уже через некоторое время обнаружилось, что идеология на политическом рынке является востребованным товаром. Обещанное созидание новой российской (государственной) идеологии в президентскую кампанию 2000 г., видимо, осталось незавершенным, хотя в средствах массовой информации уже были озвучены отдельные принципы, из которых предполагали исходить ее творцы. Значительно пошатнулись позиции характерной для 90-х гг. XX в. «антиидеологии», направленной против коммунизма. Впрочем, любая «антиидеология» не способна быть долговечной и действенной, поскольку не несет в себе позитивных, созидающих ценностей, поэтому и антикоммунизм постепенно утратил свою мобилизующую способность и актуальность.

Прошедшие выборы не стали более яркими в идеологическом отношении. Напротив, «идеологическая подсветка» была настолько блеклой и невыразительной, что не могла быть различима «невооруженным взглядом» и с трудом поддается какой-либо идентификации со стороны специалистов.

Обозначенный в Конституции РФ путь к демократии, казалось бы, должен пролегать по «плюралистической мостовой», вымощенной различными идеологическими материалами. Избирателю, вставшему на этот путь, остается только определиться с цветом той дорожки, по которой он пойдет к демократическому идеалу. Однако прошедшие выборы продемонстрировали, что идеологически определенными, внятыми оказались лишь те незначительные части «плюралистической мостовой», по которым двигаться в демократическом направлении из-за их узости было весьма сложно.

Более широкие составляющие этой мостовой выглядели настолько неясными и бесформенными, что вступившие на них вряд ли обрели четкое представление о том, куда они держат свой путь и, тем более, какими средствами они будут пользоваться в продвижении по нему.

Во многом именно этим обстоятельством объясняется пассивная позиция в прошедшей избирательной кампании 2003 г. многих отечественных партий по отношению к идеологическому просвещению своего электората. Труд на ниве идеологического воспитания избирателей партии сочли либо малоэффективным, не дающим прямой отдачи в виде желанных голосов в избирательной урне, либо причины такой позиции крелятся в отсутствии четкой идеологической платформы у этих партий. Применение же во многом отлаженных технологий привлечения избирателя на свою сторону, хотя и не всегда честным образом, оказалось для них вариантом более приемлемым в данных условиях, что вполне закономерно, ибо политик зачастую предпочитает скорые решения продуманным. Идеологическая определенность потребовала бы кропотливого труда по выявлению идейных позиций, предпочтений, медленному разрушению сложившихся стереотипов и укоренению новых ценностей, многократному и терпеливому разъяснению потенциальным избирателям партийных приоритетов.

Прежде всего такая позиция была характерна для одного из главных игроков на избирательном поле прошедших выборов, партии «Единая Россия». Она утратила незначительную, но все же характерную для ее предшественников на предыдущих выборах («Единство» и «Отечество- вся Россия»), идеологическую четкость, поскольку этого требовал процесс партийного объединения. Четкое идеологическое позиционирование чаще всего выступает препятствием в деле объединения, тем более, если идейные приоритеты объединяющихся партий лежат в различных политических традициях. В этом случае на очередных выборах можно не досчитаться прежних сторонников. Никто не мог гарантировать, что приверженцы либеральной ориентации, о которой не раз заявляли деятели «Единства» применительно к себе и, конечно же, кивая на либеральные воззрения поддерживаемого ими президента, стали бы голосовать на выборах за новую единую партию, в которую вошли сторонники Лужкова, неоднократно подчеркивавшего социалистическую ориентацию своей партии. Подобная проблема могла возникнуть и у сторонников социализма, предпочитавших голосовать за «лужковскую» партию, но отвергавших либеральные ориентации. Поэтому объединение прошло без всяких уточнений идеологических позиций путем замалчивания идейных разногласий.

Акцент искусно был смещен на те моменты, по которым у объединяющихся партий сложились сходные точки зрения. Не прояснилась ситуация с идеологической базой у «Единой России» и непосредственно во время предвыборной кампании, в ходе теледебатов, поскольку она отказалась в них участвовать. Разве что в рекламных роликах можно было наблюдать лидера этой партии, страстно желавшего справедливости. Следует заметить, что последняя, хотя давно является традиционно привлекательной ценностью для нашего народа по причине ее извечных поисков на Руси или вследствие массивной пропаганды в рамках марксизма-ленинизма, тем не менее, из-за своей абстрактности всегда нуждается в дополнительном уточнении, либо в жестком лидере, претендующем всем разъяснить как следует «правильно» понимать справедливость.

СПС в избирательной кампании также не отличился скольконибудь четкими идеологическими позициями. В своей триаде «Справедливость. Свобода. Порядок» правые почему-то поставили на первое место традиционно социалистическую ценность, на второе — либеральную, а на третье — консервативную, надеясь, видимо, таким образом собрать под свои знамена сторонников самых популярных идеологий современности, однако для нашего общества последние отнюдь не стали таковыми до сих пор. Наш средний избиратель вряд ли мог самостоятельно догадаться, что на знамени СПС начертаны ценности именно главных идеологий современности, поскольку сами идеологии в предвыборных баталиях оставались в стороне. В то же время многие лидеры правых неустанно занимались пропагандой успеха — малопонятной, но интуитивно привлекательной ценности для россиян, не привязывая ее к конкретной идеологии.

Не более продвинутой в идеологическом плане оказалась КПРФ, но по другой причине. С идеологической приверженностью у этой партии несомненно больше постоянства. Но именно оно и стало причиной неясности. Называя себя коммунистами, члены и сторонники КПРФ по определению давно перестали таковыми являться. Ведь для коммунистов отрицание частной собственности и революционный путь преобразований всегда являлись непременными составляющими их доктрины. Современные же российские коммунисты, не акцентирующие внимания на этих ценностях (попробуй акцентировать, если это противоречит конституционным устоям!), по сути уже давно превратились в социал-демократов или социалистов. Боязнь потерять свой скудеющий электорат из-за изменения названия партии, а, возможно, нежелание каким-то образом дублировать названия других партий, не позволяют российским

коммунистам решительно действовать по приведению названия партии в соответствие с ее идеологическим содержанием.

Пожалуй, лишь Российская демократическая партия «Яблоко» с завидным постоянством продолжала заявлять о свободе как своей главной ценности, причем также избегая подчеркивать приверженность либеральной ориентации, точнее, социально-либеральной. Свобода же, не увязанная с ее либеральной трактовкой, может выступать для искушенных в идеологических дебрях избирателей ценностью одного из трех идеологических течений: анархизма, социал-демократизма, современного консерватизма. Для неискушенных в этом плане избирателей она чаще всего отождествляется с традиционной отечественной ценностью — вольностью, не имеющей к современному пониманию демократии никакого отношения. Следует заметить, что Г. Явлинский в ходе избирательной кампании попытался предложить свою трактовку национальной идеи для России в виде триады «Свобода. Справедливость. Уважение»¹. Последняя ценность этой триады в таком абстрактном варианте практически не встречается в современных идеологических течениях, зато актуальна в качестве содержательной части традиционного вопроса отечественных застолий «Ты меня уважаешь?».

В большей степени идеологически четкими выглядели некоторые малоизвестные партии и движения, которые не скрывали своих идеологических приоритетов. Так, Объединенная Российская партия «Русь» предлагала патриотизм сделать государственной идеологией. Во время предвыборной кампании группа членов этой партии обратилась с открытым письмом к президенту, в котором пламенно призывала его дать россиянам мечту: «У людей должна быть мечта! Дайте стране цель, Владимир Владимирович!». Правда, во второй половине своего обращения, видимо, на случай отсутствия у президента такой цели, они предлагали сформулировать эту цель (мечту) президенту вместе с ними. Также эта партия призывала совершить прорыв в «Грядущий мир. Сделать свое ТАКОЕ, чтобы и другим захотелось так же!»². Необходимые разъяснения по поводу «ТАКОГО» страстные поборники единой мечты россиян не дали, надеясь, что заглавные буквы для избирателя более чем убедительны. Однако уверенность в возможности его осуществления они поспешили высказать: «Сможем — и штаны не лопнут!»³. Вот такой образец патриотизма предложили партийцы из «Руси».

Не меньшая, а, скорее, большая идеологическая неопределенность была характерна для предвыборных кампаний краевого масштаба. Здесь на первое место выступала приверженность лидеру, а не идее и

даже не партии. Возможно, объяснение этому феномену следует искать в цивилизационных особенностях нашего региона. Алтайский край в географическом отношении находится далеко на востоке от центра, а для восточных обществ в партийной жизни в большей степени характерна ориентация на лидера, нежели на идею. Весьма странно было наблюдать в некоторой степени необычный и долгожданный на местном уровне процесс объединения в избирательной борьбе региональных отделений СПС и Яблока, поскольку предыдущие попытки редко оказывались успешными. Однако ключевым моментом этого процесса все же был не сам факт объединения для прохождения в представительный орган края, а поддержка действующего губернатора, в недалеком прошлом известного своей приверженностью к социализму и взаимностью с местными коммунистами, но в последнее время активно поддерживаемого региональным отделением «Единой России». Естественно, что региональные отделения партий в осуществлении предвыборной агитации выглядели еще менее идеологически определенными.

Думается, что такое состояние идеологической приверженности российских партий, во многом объясняется объективными причинами. Формирующиеся социальные группы пока не определились на уровне самосознания с теми ценностями, которые были бы для них жизненно важными. Складывающиеся партии, не имея соответствующего опыта или желания, пока не способны ни агрегировать, ни артикулировать интересы этих групп в виде адекватных ценностей и тем более идеологий.

Однако абстрагирование и самоустранение партий от кропотливой работы по идеологическому просвещению электоральных масс не способно изгнать основные идеологии с их традиционными ценностями из нашей жизни. В условиях хотя и медленного повышения жизненного уровня все большую актуальность для людей будут приобретать вопросы о будущем страны, судьбе, о смысле общественного существования, ответы на которые как раз и способна дать идеология, выступая в качестве сверхдолговременной программы развития общества. Причем, многие из этих ценностей уже закреплены в конституции РФ и других нормативных документах. Затягивание этого процесса не способствует оформлению новых социальных слоев, формированию их самосознания, а пока нет устойчивой социальной структуры, всегда будет сохраняться, как говорили исследователи тоталитаризма, опасность скатиться к рабству.

Примечания

- ¹ Аргументы и факты. 2003. №48. С. 2
- ² Аргументы и факты. 2003. №46. С. 21
- ³ Там же.

**ЕДИНОВЕРИЕ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И ОФИЦИАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ
В ОТНОШЕНИИ СТАРОВОЕРЧЕСКОЙ КОНФЕССИИ**

Одним из способов борьбы государственной власти и официальной Русской православной церкви с «развивающимся расколом» было создание особой униатской, единоверческой (или соединенческой) церкви. По мнению учредителей, «противное двоеперстие» еретично, поэтому единоверие было призвано обеспечить интеграцию старообрядчества в систему казенной синодальной церкви. Слившись со всем никонианством, единоверие должно было непременно исчезнуть, поэтому учреждение это — временное.

Основана единоверческая церковь была по именному высочайшему указу императора Павла от 27 октября 1790 г. Единоверческая церковь являлась переходной от старообрядчества в новообрядчество: в ней допускались богослужения по дораскольным обрядам и книгам, однако сама церковь подчинялась епархиальной власти.

На территории Томской губернии существовало 13 единоверческих церквей: в Томске, в селе Усть-Янцевском Каинского округа, межугорный храм Кузнецкого округа, четыре в Барнаульском округе (села Шипицино, Дмитретитово, Суельга, Батуровское) и пять в Бийском (Алтайское, Сибирячиха, Секисовское, Шипуновское и Орловское)¹. Первый единоверческий храм был освящён в 1837 г. в Секисовском, от которого и берёт своё начало единоверие в Томской губернии. Последними стали межугорный, отстроенный в 1879 г. и орловский, освящённый в 1892 г.². Некоторые единоверческие храмы были организованы на основе староверческих часовен, отобранных у староверов. К примеру, Секисовский храм, Усть-янцевская и Шипицинская церкви.

Необходимо отметить, что основная масса старообрядцев восприняла единоверие как «ловушку». Общая численность

единоверцев в 1836 г. составила 12496 человек, в 1850 г. — 19068, в 1866 г. — 35679, в 1899 г. — 26635 человек³

В 1887 г. единоверцев насчитывалось чуть более двадцати тысяч, старообрядцев — не менее восьмидесяти тысяч, более чем на миллион общей численности населения Томской губернии⁴. В 1886 г. священник единоверческой церкви села Алтайского М. Кондауров в своём отчёте указывал на то, что присоединение к единоверческой церкви «совершалось не столько по внутреннему влечению присоединившихся, сколько по внешним побуждениям, большинство единоверцев по своим религиозным убеждениям скорее могут быть названы старообрядцами, чем сынами православной церкви»⁵. Спустя десять лет М.Кондауров в официальной записке о состоянии томского раскола писал о том же⁶.

На Томском миссионерском съезде 1898 года общее состояние единоверия в Томской губернии охарактеризовано следующими чертами: «Из всех единоверцев только пятая часть может быть названа по своим действительным убеждениям и настроению истинными единоверцами, остальные же в этом отношении не отличаются от раскольников»⁷. В периодических изданиях того времени данное явление объяснялось тем, что— «в Западной Сибири с издавна практиковались административные меры обращения раскольников в единоверие. Меры эти были довольно грубы и непоследовательны. Вместо увещевания на раскольников просто открывали гонения, били их, садили в острог и т.д. Исправник Квятковский в 1857 г. записал бийских раскольников в единоверие против их желания под угрозами»⁸. Об этом же говорит и выписка из журнала заседаний консистории 1861-67 гг. — Благочинному единоверческих церквей Петру Доброхотову поступила бумага от более чем пятидесяти прихожан Иоанно-Златоустовской единоверческой церкви села Алтайского, в которой говорилось: «По распоряжению высшего начальства в 1857 г. бийский земский исправник Квятковский принудили нас присоединиться к единоверию, а в случае несогласия нашего, то угрожали нас заключением в острог и некоторые из нас уже шесть человек содержались в остроге до двух недель, угрожали, что сошлют на поселение, боясь этих угроз мы вынуждены были присоединиться в единоверие, дабы нам не лишиться своей домашности»⁹.

В начале 1860-х гг. Марк Максимов и Лука Денисов из бийской тюрьмы, куда они попали за противодействие единоверию, подали на Высочайшее имя прошение: «в 1856 году вследствие разных угроз мы решились принять единоверие не по душевному убеждению, а только единственно из страха»¹⁰.

Единоверие, таким образом, широкого распространения не получило. Самих же единоверцев тяготило их необычное положение: они не имели полного единства в вере ни с новообрядцами, ни со старообрядцами. Несмотря на своё обещание быть в послушании у казённой православной церкви, большинство единоверцев не считали официальное православие «истинной верой».

Примечания

- ¹ ГАТО. Ф. 234 ОП. 1 Д.22 Л.7; Беликов Д.Н. Томский раскол // Известия Томского университета. Томск, 1901. С. 194; Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Спб., 1868. С. 1–30.
- ² Беликов Д.Н. Указ. Соч. С. 194; Из истории раскола в Томской губернии в XIX в. // Исторический вестник. Спб., 1901. №6. С. 1110.
- ³ ГАТО. Ф.234. Оп. 1. Д. 22. Л.7; Беликов Д.Н. Указ. соч. С. 194.
- ⁴ Обзор Томской губернии за 1885 г. Томск, 1886. С. 9; Отчёт Братства Святителя Дмитрия Митрополита в г. Бийске за 1887/8 гг. // Томские епархиальные ведомости. Томск, 1889. С. 9.
- ⁵ Томские епархиальные ведомости. Томс, 1987. №1. С.4.
- ⁶ Раскол в Томской Епархии за 1895/6 гг. // Томские епархиальные ведомости. Томс, 1897. №17. С. 351.
- ⁷ Первый епархиальный миссионерский съезд в г. Томске. Томск, 1990. С. 188—189.
- ⁸ Гонения на раскол в западной Сибири // неделя. 1878. №38. С. 1235–1236.
- ⁹ ГАТО. Ф.170. ОП. 2.Д. 55. Л. 2.
- ¹⁰ Беликов Д.Н. Указ. Соч. С. 207–208.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Глобализация современного мира не отвергает общезначимые правила и ценности, которые универсальны. Особое значение имеет феномен справедливости, к которой человечество стремилось всегда и не отказывается от него и сегодня. Поэтому желание понять сущность справедливости, отвечающей настоящим реалиям, определяет исследования конца XX — начала XXI в. в русле новых подходов, требующих включения человека во все возрастающее многообразие социальных структур. Л.П. Карсавин — один из известных евразийцев — в работе «Основы политики» подчеркивал, что идея справедливости утверждает абсолютную ценность всякой личности и равноценность их всех независимо от иерархического положения.

Из современных исследований проблемы справедливости интерес представляет ее интерпретация в русле новой виталистской парадигмы, в основе которой концепция жизненных сил человека (ЖСЧ), рассматривающая взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства бытия человека. Жизненные силы можно определить как способность людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами в определенных условиях в конкретно-историческом и социокультурном пространстве, что позволяет использовать понятия «индивидуальная субъективность» и «социальная субъектность человека» как составляющие содержание категории ЖСЧ. Жизненное пространство — это среда обитания человека, позволяющая ему воспроизводить и совершенствовать свою жизнь как биосоциального существа. Становление жизненных сил человека как биопсихосоциального существа в основных сферах общественной жизни трансформируется, оформляется в виде его производственно-экономических, общественно-политических, духовно-культурных и социально-бытовых сил как способность воспроизводить и совершенствовать свою жизнь: хозяйственно-экономическую, социально-политическую и т.д.

Для более детальной характеристики можно использовать понятия: «субъектность в сфере госуправления»; «субъектность в бизнесе», в «третьем секторе» — они отражают воспроизводство и совершенствование жизни человека в сферах управления, бизнеса. Отсюда ЖЧС, воздействуя на средства жизнеосуществления, жизненное пространство своими количеством, качеством и мерой, порождают отношения владения, пользования и распоряжения (это может касаться собственности, власти). От степени развитости ЖЧС будет зависеть и характер осуществления субъектом владения, использования и распоряжения своим жизненным пространством для воспроизводства и совершенствования жизни на личностном и общественном уровне. И виталистская парадигма, учитывая особенности взаимодействия ЖС и жизненного пространства, расширяет спектр основ социальной жизни, индивидуальной и социальной субъективности и меняет угол зрения на движущие силы развития, систему управления, на все подсистемы общества, в том числе и на политическую систему и политический процесс. В русле нового подхода особое значение приобретает интерпретация справедливости как социального механизма, регулирующего все многообразие отношений в рамках жизненного пространства, т.е. этот социальный механизм включает каждого человека в процесс социального взаимодействия в соответствии с его местом, социальным положением и ролью в обществе; создающего адекватные условия для укрепления и реализации ЖЧС и общества. Здесь особо следует выделить социальный механизм рыночных отношений, так как в сознании части граждан он ассоциируется с социальной справедливостью, но при этом экономисты часто игнорируют такой аспект, как восприятие и оценка человеком социальных реальностей, его социальное настроение, без чего невозможны позитивные изменения не только в жизни отдельного человека, но и общества, справедливость как социальный механизм управляет воспроизводством всех видов социальных отношений, в том числе и политических. В этом плане в новом облике выступает власть: она защищает человека и заботится о нём через нормирование, т.е. власть и ее институты формируют законодательную базу, регламентирующую ЖЧС и его жизненное пространство, при этом человек вовлекается в потребительские практики, осуществляя свою потребность в справедливости, поскольку потребление распространяется на все сферы, и тем самым человек усиливает (или ослабляет) свои жизненные силы и расширяет (или сужает) свое жизненное пространство, при этом оказывает то или иное воздействие на политический процесс, особенно это проявляется с начала 90-х гг.

на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы. Граждане, реально участвуя в экономическом развитии страны, вправе рассчитывать на обретение политического голоса при принятии решений, которые затрагивают их жизненные силы и жизненное пространство.

Там, где экономические реформы и демократизация общества проявились наиболее мощно (Польша, Чехия, Венгрия), продвижение вперед произошло быстрее и эффективнее, что обеспечило их вступление в Евросоюз, тем самым качественно изменилось жизненное пространство каждого гражданина. Граждане при этом обретают реальное право на свободу объединений, собраний, выражения свободы совести, слова, свободу печати, а также подотчетную гражданскому контролю государственную власть. В сфере выборов граждане хотят, чтобы глава государства и законодательный корпус определялись путем свободных и честных выборов, а это предполагает справедливые избирательные законы, равные возможности для ведения предвыборной кампании, честное голосование и подсчет голосов. Избиратели хотят наделить своих выборных руководителей реальной властью, которую те заслужили бы на основе соревновательного и честного избирательного процесса. В этом процессе существенна и все возрастающая роль политических партий, выступающих в роли социальных посредников, через которых граждане могут выразить и представить свой интерес, т.е. тем самым все вместе и каждый отдельный гражданин расширяют свое жизненное пространство, создавая оптимальные условия для укрепления своих жизненных сил и реализуя свою потребность в справедливости.

Но справедливость как социальный механизм может работать и в обратном направлении, когда происходит нагнетание социальной и политической напряженности в обществе, повышение уровня конфликтности при нежелании и неспособности власти обуздать процветающую в стране коррупцию, обеспечить реальную защиту прав граждан, т.е. фактически нарушается и даже разрушается жизненное пространство человека, что вызывает протест, недоверие к власти, причем это может осуществляться в разных формах: активных (забастовки, митинги, революции) и пассивных (отказ от участия в выборах; протестное голосование).

Таким образом, справедливость в любой ее сущной интерпретации (на разных этапах развития знания, общества) оказывает существенное влияние на все процессы, в том числе и политический, а в рамках его, например, на избирательный процесс.

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА (ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В настоящее время на евразийском пространстве существует ряд общих проблем, связанных с происходящими здесь изменениями в общественной и духовной жизни. Разрушение или смена ценностных ориентиров, национальное и религиозное возрождение привели к возникновению противоречий между отдельными группами населения, а также разными поколениями, поставили человека перед необходимостью самоопределения в изменившихся условиях. Одним из важнейших последствий этого стал поиск адекватных современной социокультурной ситуации педагогических подходов к формированию личности.

В современной педагогике предлагается несколько подходов к решению тех проблем, которые встали перед образованием на рубеже XX-XXI вв. Вот некоторые из них:

— гуманизация образования, в первую очередь педагогическая;

— поликультурное образование, учитывающие не только этническое разнообразие, но и культурные различия, существующие внутри каждого этноса;

— культурологическая педагогика, или «педагогика партнёрства и сотрудничества», опирающаяся на теоретические разработки и опыт В.А. Сухомлинского и А.А. Ухтомского.

Общим для всех этих подходов является признание субъект–субъектных отношений доминантой образовательного процесса.

Соблюдение принципа равенства позиций в системе учитель—ученик (или, как писал А.А. Ухтомский, учитель и ученик как «заслуженные собеседники») позволяет выйти на уровень сопереживания и совместного осмысления происходящих в обществе процессов. Острая необходимость в сохранении этой традиции возникает в историческом образовании. Здесь наиболее губительно введение единого государственного экзамена, влекущего за собой изменение российской образовательной системы, в основе которой лежит общение между учителем и учеником.

Историческое переживание может рассматриваться как один из способов постижения времени в его исторической реализации. Это попытка «вжиться», «вчувствоваться» в изучаемую эпоху, стремление взглянуть на нее глазами современного человека. Историческое переживание можно отнести к понятиям, обладающим статусом философской категории, так как оно есть результат деятельности познающего разума, продукт мыслящего ума, создающего абстрактные обобщения, объективирующие историческое время современному исследователю. В. Дильтей утверждает, что историческое переживание можно определить как духовную дихотомию эмоционального (чувственного) и рационального (мыслительного) освоения человеком истории социума.

Для современного человека прошлое существует лишь в связи с настоящим, заключающим в себе новые возможности и тенденции, еще не реализованные в истории. Его интерес к прошлому продиктован потребностью не только знания истории, но и необходимостью жить в ней. Подобный интерес обретает форму не столько научного знания об истории, сколько исторического самосознания человека, раскрывающего ему смысл (каждый раз новый) его собственного существования в истории, времени, в котором он живет, того исторически конкретного мира, к которому он принадлежит.

Это взгляд современного человека, стремящегося увидеть в потоке исторического времени свое отражение. Х.-Г. Гадамер о герменевтическом значении «временного отстояния».

В таком контексте становится ясным, что историческое переживание происходит в трех измерениях: человек переживает, во-первых, свое собственное время как историческое; во-вторых, прошедшие эпохи в своем времени; в-третьих, он способен на предощущение будущего, осознавая бесконечность исторического времени. Таким образом, историческое переживание включает все три модуса исторического времени: прошлое—настоящее—будущее. Самоощущение во времени, собственное переживание времени служит человеку той мысленной базой, на которой строится его видение истории, формируется его историческое сознание.

Под историческим сознанием мы понимаем специфичную форму духовного освоения действительности, характеризующуюся способностью самоопределения во времени мировой истории и в современном социальном пространстве. Оно содержит представления о происхождении народов, важнейших событиях и деятелях прошлого, воспроизводит отношения внутри социальных групп,

сохраняя и передавая последующим поколениям накопленный опыт, достижения материальной и духовной культуры.

Задача формирования исторического сознания школьников решается в процессе преподавания курсов истории и обществознания. Совместное проживание истории, со-переживание и осмысление происходящих в обществе процессов учителем и учениками может быть организовано в форме практикумов «Реконструкция «духа эпохи»» (на уроках истории) и «Историческое переживание как способ социального познания» (на уроках обществознания). Подобные практикумы проводились нами в средней школе, системе повышения квалификации учителей, в ходе реализации учебного курса «Научные основы школьных курсов обществознания» на факультете педагогического образования АлтГУ.

АРХЕОАРТ — КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОИСК

Кризис старых и поиск новых мировоззренческих концепций привели в последнее время к возникновению в искусстве Сибири особого художественного направления, названного археоартом. И хотя этот условный термин в целом обозначает зародившуюся тенденцию, но всё же он не отражает всей глубины происходящих процессов. На самом же деле, археоарт является, пожалуй, наиболее заметным феноменом в культурном возрождении народов азиатской России.

Художники Запада ещё в конце XIX в. обратились к архаике, к ценностям неевропейских цивилизаций, ища там новые возможности для повышения экспрессии образов. В русском искусстве эта линия отличалась более пристальным и глубоким интересом к Востоку, в том числе и к Востоку стадиально далёких традиционных культур Севера Азии. Возникший в начале XX столетия в искусстве Сибири интерес к культурному наследию поначалу развивался в духе описательного этнографизма. В те же годы зародилось и профессиональное изобразительное искусство у коренных народов Сибири. Приверженцы язычества, они принесли из далёкого прошлого эстетику пантеизма и скрытые символы самобытного видения мира.

Никакого названия то художественное обновление так и не получило и, быть может, только термин «сибирский стиль», столь часто применявшийся в те годы, напоминает об этом значительном явлении. Дискуссия по поводу «сибирского стиля», так оживлённо развернувшаяся на первом съезде художников «Новой Сибири» в 1927 г., так и осталась незавершённой, и многое здесь было осуждено поверхностно и отвергнуто вместе с тем ценным, чем жила тогда эстетическая мысль.

После долгих десятилетий идеологического контроля, критики «пережитков» и насаждения социалистического реализма мастера кисти Сибири вновь вернулись к исходным художественным проблемам. Однако за прошедшие годы археология сделала столько блестящих открытий, что теперь Сибирь предстала кладовой не только сырьевых ресурсов, но и необычайно выразительных и

прекрасных памятников прошлого. Освоение и творческое переосмысление этого богатого художественного наследия современными мастерами привело к появлению своеобразного «археологического стиля» в искусстве Сибири.

Между тем в археологической науке Сибири стал общепринятым метод интерпретации семантического смысла древних образов с помощью материалов этнографии. Действительно, отголоски ритуалов и языческих верований, немеркнувший фольклор и мифопоэтические представления свидетельствуют о поразительной глубине памяти народов Сибири. Всё это побуждает художников к изучению не только археологических источников, но и этнографических, стимулирует воскрешение глубин коллективного бессознательного, архетипических образов, сложившихся в определённой этнической среде. У русских художников это изучение в большей мере идёт в русле «учёного» освоения исторического, художественного и фольклорного наследия Сибири и стилизации археологического материала. У аборигенных же народов этот процесс протекает в контексте научно-культурного воссоздания истории, возрождения шаманизма и язычества. Потребности этноса в обретении своих исторических корней привели к такому феномену, когда наследие живших здесь народов теперь воспринимается как своё, родное, кровное. И это воссоздание духовного облика земли сливается с созданием собственного лица современного национального искусства. Происходит возвращение к первоисточкам, осмысление ценности каждого исторического периода и восстановление в художественном сознании непрерывности времени.

В таком? более глубоком синтезе передовых художественных тенденций, современного мироощущения и духовных исканий с архаикой, обогащающей как изобразительный язык, так и саму изобразительную образность, и развивается археоарт Сибири.

Поскольку подобный феномен наблюдается не только в изобразительном искусстве, но в той или иной мере и в музыке, и в литературе, и вообще во всех областях творчества, то можно сказать, он становится значимым явлением культурного и социального развития.

Как показали археологические исследования, в художественном наследии сибирских народов немало общего, будь то во времена древнетюркских каганатов, в период ранних кочевников или в эпоху бронзы. Отсюда и само это наследие, и процесс его синхронного осмысления и претворения современным искусством стал тем объединяющим фактором, который сближает русских и аборигенных мастеров кисти. А то, что всё это происходит не по указке сверху, а по

велению сердца, в противовес навязываемой безликой массовой культуре, обуславливает остроту и пассионарный «нерв» в отстаивании духовности и национальных идеалов.

Искусство археоарта, опирающееся на синтез достижений Запада с сибирской архаикой, объединяет в едином творческом движении художников всех национальностей, проживающих в азиатской России. Этот феномен определяет сегодня единство культурного пространства Сибири и является важным консолидирующим фактором для народов Евразии.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ В ГОРОДАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Важность изучения численности мещанского сословия очевидна, так как в городских поселениях всех видов оно составляет огромное большинство. Например, городское население Европейской России и Сибири вместе достигало в 1847 г. цифры в 4727619 чел., из них 2344599 чел. — мещане, т.е. последние составляли более чем 50% всего городского населения. В 19 губерниях все городское население состояло почти исключительно из мещан (процент мещан здесь колеблется между 91 и 66,6% — Ярославская, Харьковская, Тверская, Смоленская, Псковская, Подольская, Орловская, Новгородская, Могилевская, Минская, Курская, Киевская, Калужская и другие губернии. Минимум мещанского населения отмечен в городах Петербургской губернии, где оно достигало всего 10%, в самом Петербурге — 9%, в Московской губернии — 21%, во всех остальных численность данного сословия колебалась между 50 и 66%¹. В Западной Сибири это было также самое многочисленное сословие после крестьянства, а среди наиболее крупных городов в первой половине XIX в. численность мещан распределялась следующим образом: в Тюмени — 84,5%, в Томске — 93%, в Тобольске — 74%². Таким образом, большинство мещан было сосредоточено именно в Томске. В Томской губернии число «мещан, цеховых и купцов» составляло около 2/3 всего городского населения. Например, в 1851 г. в Томской губернии мещан и цеховых насчитывалось 58,4%, а купцов — 5%. Последнее обстоятельство и обусловило интерес автора к изучению численности мещанского населения Юго-Западной Сибири дореформенной эпохи. Данная проблема не избежала внимания ученых. Вопросы динамики численности и состава мещанского населения рассматривались в работах Б.Н. Миронова, А.Р. Ивонина, Л.В. Останиной, М.Г. Рутц, Ю.М. Гончарова и др.³

Важнейшим источником по истории Западной Сибири являются отчеты генерал-губернаторов, которые составлялись по единой схеме, поэтому они хорошо подвергаются формализации. В данном

исследовании предпринята попытка проследить динамику численности мещанского населения за период с 1829 по 1860 г.⁴ Отчеты именно за эти годы сохранились в архиве Омской области в наиболее полном объеме. Причина, вероятно, кроется в том, что в 1838–1839 гг. резиденция генерал-губернатора и Главное управление Западной Сибири были перенесены из Тобольска в Омск.

В упомянутом источнике значительную ценность имеют «табеля о состоянии городов Томской губернии». В них полностью расписывается численность населения городов губернии по сословиям, в том числе и количество мещан. В документах упомянуты следующие города: столица губернии Томск, Каинск, Кузнецк, Барнаул, Колывань, Бийск, Мариинск, «заштатные» — Нарым, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Причем Семипалатинск и Усть-Каменогорск появились в табеле только за 1840 г., т.е. в годы, когда они были только причислены к Бийскому уезду Томской губернии. До этого оба города входили в Омскую область. В составе Томской губернии Семипалатинск и Усть-Каменогорск находились недолго. 19 мая 1854 г. была образована особая Семипалатинская область, куда и вошли города. Вместо Семипалатинска и Усть-Каменогорска в табелях появляется Мариинск (бывшее с. Кийское), который в 1856 г. был возведен в степень окружного города⁵.

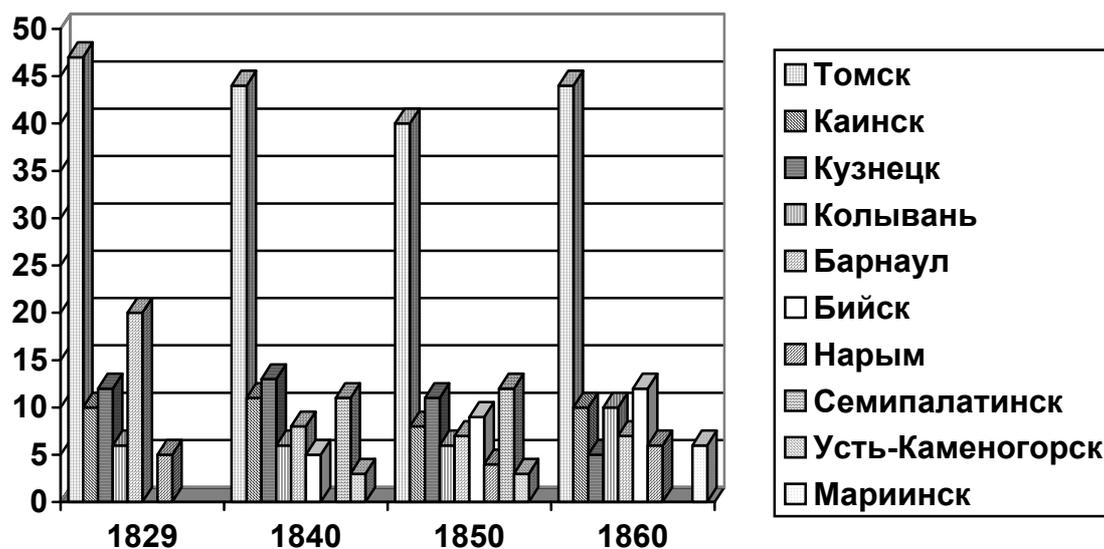
Необходимо также отметить, что исследователи выделяют в Томской губернии два района: Томский (Томск, Нарым, Каинск, Колывань), в основном свободный от казенно-заводского крепостничества, и Алтайский (Барнаул, Бийск, Кузнецк, с причислением Семипалатинска и Усть-Каменогорска до 1854 г.), примерно совпадающий с границами горнозаводского ведомства. Причину причисления города Колывани, который находился на землях Кабинета, к первому району А.Р. Ивонин объясняет тем, что «территориально и экономически он был ближе к Томску, нежели к Барнаулу»⁶. На основе изложенных данных были составлены таблицы. Таблица 1 выявляет количество мещан данного города среди остального городского населения, представленного в упомянутых документах. В таблице 2 показана абсолютная численность мещан в городах Томской губернии за исследуемый период, а также процентное соотношение, которое показывает долю мещан конкретного города к общему количеству данного сословия в губернии.

Из данных таблицы 2 видно, что Томск занимает первое место по численности мещанского населения среди остальных городов губернии. Отчетливо первенство города прослеживается также на диаграмме (рис.). Его доля колебалась в эти годы от 38 до 48%. Это

справедливо, так как Томск — столица губернии, крупнейший город Западной Сибири. Остальные города уступают Томску не только в численности мещанского, но и всего населения. С 1829 по 1860 г. общая численность городского населения Томска увеличилась на 10195 чел., т.е. в 2,2 раза. Это неудивительно, так как эта часть губернии была свободна от командно-административной опеки Кабинета, открыта для массовых переселений. Но, несмотря на это, мещанское население увеличилось незначительно, всего на 2061 чел., или в 1,4 раза. Возможно, это связано с неполной достоверностью источника, так как материалы отчетов не являются первичными. Путаницу можно объяснить некомпетентностью чиновников, составляющих их. Кроме того, в каждом конкретном случае мы не можем сказать утвердительно, с каким именно населением мы имеем дело. На эти погрешности указывали исследователи, например, А.Р. Ивонин считал, что «иной раз города учитывались с пригородами, иной раз без них, иногда фиксировалось только постоянное население, иногда включалось и временное»⁷.

По таблице видно, что в Томске половина жителей являлись мещанами. Причем, в начале исследуемого периода их доля составляла 56% от общего количества городских жителей, а в 1860 г. уменьшилась до 36%. Аналогичную тенденцию выявил А.Р. Ивонин. По его данным, «на рубеже 20–30-х гг. XIX в. произошел некоторый спад числа "посадских"» с 34204 в 1827 г. до 30865 чел. в 1831 г. Эту ситуацию исследователь объясняет тем, «что многие позитивные моменты реформы Е.Ф. Канкринна, направленные на укрепление городского гражданства, к исходу 20-х гг. XIX в. оказались исчерпанными»⁸.

Довольно высокий и стабильный процент численности мещанского населения в общей доле городских жителей наблюдался в Каинске — 56% в 1829 г. и 53% в 1860 г. Причем Каинск не считался ни торговым, ни ремесленным городом, не имел особых условий для хлебопашества, но, «находясь на большой Сибирской дороге, имел хорошие способы к улучшению, потому что жители его и окрестных мест, занимаясь предпочтительно извозами, не имели недостатка в средствах доставлять себе и другими трудам значительные избытки»⁹. В обозначенный период мещанское население Каинска выросло в 1,5 раза, т.е. на 548 чел. При этом общее население города увеличилось в 1,7 раза. В общей совокупности городов Западной Сибири Каинск на протяжении всего периода занимал стабильно 3–4 место, его доля составляла приблизительно 10%.

Динамика численности мещанского населения в городах Томской губернии

В Кузнецке в течение этого периода, наоборот, наблюдается перемещение со 2–3 места на последнюю позицию. Дело в том, что численность мещанского населения города стремительно шла на убыль. Если в 1829 г. чиновники, составляющие отчеты, насчитали 1064 мещанина, то в 1860 г. их стало 841 чел. Таким образом, убыль составила 223 чел. (в 1,3 раза). Городское население также сократилось в 1,2 раза. Причиной данного явления может быть слабое развитие самого города. Современники описывали его так: «Кузнецк стоит на судоходной реке Томи; но, находясь на самом краю губернии, лишен способов к развитию в себе какой-либо торговли, и потому положение его с давних времен одинаково»¹⁰. Несмотря на сокращение численности жителей города, мещанская прослойка стабильно составляла наибольшую их часть (табл. 1).

Противоречивая тенденция выявлена в динамике численности жителей Колывани. Небольшая убыль населения наметилась в 1829–1840 гг., в течение 40–50-х гг. городское население выросло на 1050 чел. Однако за весь период прирост составил 985 чел., т.е население выросло в 1,7 раза. Мещанское сословие незначительно, но стабильно росло. Причем в течение первых 20 лет оно увеличилось в 1,7 раз (на 411 чел.), а в 50-е гг. сразу в 1,5 раза (на 504 чел.). Значительную долю населения города составляло мещанство, к 1860 г. — 63%. Это неудивительно, Колывань часто описывают как город с развитой торговлей, поскольку «он занимал выгодное положение вблизи большой судоходной реки одновременно на Большом Московском тракте — основной сухопутной дороге Сибири»¹¹. Положение определяло лицо Колывани и характер деятельности его жителей. По

отдельным городам доля мещанства Колывани выросла в течение изучаемого периода с 6 до 10% (рис.).

Самый низкий процент мещанства в массе всех горожан составляет население Барнаула — 22% в 1829 г. и всего 9% в 1860 г. Численность сословия сократилась на 954 чел. (в 1,9 раза). Количество жителей Барнаула, наоборот, выросло на 2767 чел. (в 1,3 раза). По диаграмме видно, как резко идет на убыль доля мещанства среди основного городского населения губернии. Первоначально Барнаул занимал второе место после Томска (20%), к 1860 г. опустился одну из последних позиций (9%). Такая тенденция вполне понятна — Барнаул находился в монопольном владении Кабинета и не был доступен для массового заселения и освоения, поэтому в горнозаводском городе население в основном состояло из приписных крестьян и мастеровых.

Таблица 1

Мещанское население в Томской губернии во второй четверти XIX в.

Город	1829			1840			1850			1860		
	Мещ.	Общ.	%	Мещ.	Общ.	%	Мещ.	Общ.	%	Мещ.	Общ.	%
Томск	4765	8544	56	5685	12032	47	6342	13776	46	6826	18739	36
Каинск	1064	1801	56	1387	2139	65	1337	2410	55	1612	3021	53
Кузнецк	1252	1964	64	1666	2712	61	1784	2730	65	841	1687	50
Колывань	568	1386	41	778	1321	59	979	2257	43	1483	2371	63
Барнаул	2020	9079	22	1009	4687	22	1145	9898	12	1066	11846	9
Бийск	Н.св.	Н.св.		714	2728	26	1362	3316	41	1777	3818	47
Нарым	501	941	53				669	896	75	813	1091	75
Семипалатинск				1465	5302	28	1845	5527	33			
Усть-Каменогорск				350	2178	16	547	3516	16			
Мариинск										978	3213	30
Итого	10170	24846	41	1305 4	33099	39	16010	44326	36	1539 6	45784	34

Источник: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1058, 1995, 2759, 4639. Л. 929

Бийск, находившийся в ведении Кабинета, напротив, на протяжении всего периода отличался устойчивым ростом населения, в период с 1840 по 1860 г. оно увеличилось в 1,4 раза (на 1090 чел.). Численность бийского мещанства также значительно изменилась; прирост составил 1063 чел., т.е. мещанское население возросло в 2,5 раза. Таким образом, среди остальных городов Томской губернии

данный город отличается самым высоким приростом мещанства. В 1840 г. Бийск уступал позиции всем городам, кроме Усть-Каменогорска, в 1860 г. он занимал уже второе место по численности мещанского сословия после Томска (12%). Примечательно то, насколько выросло количество мещан по отношению к другим категориям городского населения — 26% в 1840 г. и 47% в 1860 г.

«Заштатный» город Нарым отличался стабильностью в увеличении численности как всего населения, так и мещанства. Прирост всего населения города составил 150 чел. (в 1,2 раза), мещанского — 312 чел. (в 1,6 раза). Немногочисленный Нарым показывал высокий процент мещанства — в 1860 г. 75%. Среди остальных городов Томской губернии по численности исследуемого сословия мещанство Нарыма составляло от 4 до 6%.

В отношении Семипалатинска и Усть-Каменогорска имеются данные только по 1840–1851 гг. Исходя из данных таблицы 1 выявлено, что Семипалатинск в эти годы уже считался многочисленным городом, хотя прирост населения незначителен — в 1,04 раза. Мещанское население росло несколько быстрее — разница между 1840 г. и 1850 г. составляла 197 чел. (в 1,3 раза). По отдельным городам доля мещанства колебалась от 11 до 16%, и в 1840 г. Семипалатинск находился на втором месте по численности изучаемого сословия после Томска. Но, если учесть, что в Семипалатинске сосредоточена «сухопутная торговля с ташкентцами, коканцами, бухарцами, китайцами и киргизами», и «вообще город весь носил характер азиатского торгового города», то 33% мещанского населения в городе в 1850 г. — это незначительный процент.

Один из самых малочисленных городов в изучаемый период — Усть-Каменогорск, где в 1840 г. проживало всего 350 мещан., но за десятилетие их количество возросло в 1,7 раз. Доля мещанства среди городского населения также несколько возросла: с 16 до 21%. Рисунок показывает, что Усть-Каменогорск занимает последнюю позицию среди основных городов Томской губернии.

Мариинск — новообразованный город в Томской губернии, и на протяжении XIX в. его население заметно росло. Отчеты генерал-губернатора показывают, что в 1858 г. мещан в городе насчитывали 581 чел., но через два года их стало уже 978 чел., т.е. наблюдался высокий прирост — в 1,7 раз¹². Среди городского населения Мариинска мещане составляли 30% населения.

Итак, в размещении мещанского населения Томской губернии происходили значительные изменения. В городах этого района наблюдались заметные сдвиги в сторону увеличения данного

сословия, что происходило главным образом за счет населения Томска. Города Алтайского района, «сдавленные» административно-крепостническими порядками Кабинета, хотя и обладали заметным удельным весом в регионе, но развивались замедленными темпами вплоть до отмены крепостного права, исключением здесь является Бийск, где мещанская прослойка являлась наиболее многочисленной.

Высокий прирост показали Бийск, Колывань, Каинск, Нарым, Усть-Каменогорск, Мариинск, т.е. значительные темпы роста населения давали небольшие по количеству населения города. Убыль мещан отмечалась в Барнауле и Кузнецке. Высокий удельный вес мещанского населения вначале рассматриваемого периода отмечался в Томске, Каинске, Кузнецке, Нарыме. К 1860 г. мещанское население сохранило свои позиции в Каинске, Кузнецке, Нарыме, повысилась доля мещанства в Колывани и Бийске. Томск же утрачивает свои позиции, хотя по численности среди других городов остается на первом месте.

Таким образом, в дореформенной России численность мещанского сословия определялась местом города в административно-политической и социально-экономической жизни губернии, географическим положением.

Примечания

¹ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. М., 1877. Т. 2. С. 327–328.

² Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 28.

³ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М., 1990; Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII–60-х гг. XIX в. Барнаул, 2000; Рутц М.Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991; Останина Л.В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII–60-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 18; Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2002.

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1058. Л. 98; Д. 1449. Л. 327; Д. 1540. Л. 339; Д. 1630. Л. 313; Д. 1995. Л. 486; Оп. 2. Д. 2544. Л. 494; Д. 2628. Л. 413; Д. 2764. Л. 580; Д. 2759. Л. 152; Д. 3128. Л. 81; Д. 3315. Л. 188; Оп. 3. Д. 4144. Л. 827; Д. 4639. Л. 929.

⁵ ПСЗ-II. Т. XXIX. № 28255.

⁶ Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования): Монография. Барнаул, 2000. С. 18.

⁷ Там же. С. 14–15.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Заметки о городах Томской губернии // ЖМВД. 1848. №5. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 267.

¹¹ Горбачев В.Т. Город Колывань (историко-архитектурный очерк) // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начала XX в.): Новосибирск, 1977. С. 281.

¹² ΓΑΟΟ. Φ. 3. Οπ.3. Δ. 4144. Λ. 827; Δ. 4639. Λ. 929.

СЛАВЯНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В ИДЕОЛОГИИ РАННЕГО НАРОДНИЧЕСТВА

Идея федерализма не является уникальным феноменом в истории мировой цивилизации. Она находила своих идеологов и последователей в истории многих европейских, американских и азиатских народов. Среди них были и славянские нации. Причем, если мы обратимся к их истории, особенно в прошлом веке, то обнаружим, что идея федерации оказалась для славян более притягательной. Особо отметим представителей раннего народничества второй половины XIX в., таких, как М.А. Бакунин, А.И. Герцен.

М.А. Бакунин придерживался идеи вольной славянской федерации. Так, в конце лета 1862 г. появилась брошюра Бакунина «Народное дело» с подзаголовком «Романов, Пугачев или Пестель», в которой говорилось:

«Хотим братского и если возможно федерального союза с Польшей, с Литвой, с Украиной прибалтийскими жителями...

Вместе с Польшей, с Литвой, с Украиной, мы хотим подать руку помощи нашим братьям славянам, томящимся ныне под гнетом Прусского королевства, Австрийской и Турецкой империи...

Мы будем стремиться вместе со всеми племенами славянскими к осуществлению заветной славянской мечты: к созданию великой и вольной федерации всеславянской»¹.

В составленной Бакуниным в 1872 г. программе для славянской секции Юрской федерации Интернационала он выступил против создания независимых славянских государств вне рамок всемирной федерации и поставил перед славянскими народами задачу развертывания только социальной борьбы. М.А. Бакунин считал, что освобождение славянских народов из-под власти Австрийской и Османской империй должно быть логическим результатом всемирной социальной революции. Другими словами, он стремился к тому, чтобы славянские народы также вошли на равных правах в общую семью человечества². Бакунинский проект Соединенных Штатов Европы был нацелен на разрушение всех централизованных государств, в особенности самых крупных наднациональных империй:

Австрийской, Османской, Российской. На развалинах этих сверхгосударств могли бы развиваться свободные, организованные «снизу — вверх» и «от периферии к центру» федеративные образования общин, провинций, наконец, наций. Последние образовали бы Соединенные Штаты Европы. Таким образом, автором идеи Европейского Союза являлся М.А. Бакунин. Развивая свою идею континентальной федерации, он считал, что принцип, уже осуществленный в Соединенных Штатах Северной Америки, является спасительным для свободы и мира в Европе. Уверенный в том, что федеративное переустройство всех стран должно гарантировать ликвидацию угрозы войн и наступление всеобщего мира, М.А. Бакунин преувеличивал относительно миролюбивый характер внешней политики Североамериканской федерации. Правительство этой страны осуществляло экспансию в отношении более слабых государств континента, например, Мексики. Впрочем, определенные иллюзии по поводу американской демократии были свойственны многим русским политическим деятелям. Идея славянской федерации в построениях Бакунина претерпела за 1860-е гг. существенные изменения, в то время как воззрения А.И. Герцена по той же проблеме оказались более или менее стабильными.

К примеру, А.И. Герцен обратился к опыту славянской, в особенности русской, общины, в которой он увидел зародыши социалистического развития не только для России, но и для всей Европы. Вера в общинные идеалы как бы сближала его со славянофилами в плане уважения традиций, самобытности наций и т.д. Концепция славянской общности А.И. Герцена основывалась на его вере в «особые свойства» славянских народов, которые идеализировал Герцен. По его мнению, славянство, равно быстро обживающееся у Ледовитого океана и на берегах Черного моря, отличалось гибкостью: замечательна была легкость, с которой славяне усваивали язык, обычаи, искусство и технику других народов³. Федерация для славян, считал Герцен, была бы, быть может, наиболее приемлемой формой. Она была гораздо ближе их характеру, поскольку сводила к минимуму государственный элемент в общественной жизни. Герцен предполагал, что славянский мир может предъявить свои права на единство, тем более что он состоит из единого племени. Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир, по мысли Герцена, вступит наконец в истинно историческое существование.

Национально-освободительное движение, развертывавшееся в середине XIX в. в России и на Балканах, неизбежно должно было подвести Герцена к проблемам национального вопроса. Еще в конце

40-х гг. он высказывал мысль о том, что национально-освободительная борьба должна сочетаться с социальной, т.е. с борьбой против всякой эксплуатации. Таким образом, создание независимых национальных государств должно было, по его мнению, сопровождаться демократизацией внутривластного и экономического строя. Это отчетливо видно на примере позиции Герцена в польском вопросе. Считая освобождение Польши «половиной освобождения России», Герцен подчеркивал, что «польский вопрос» прежде всего вопрос «национальный». В то же время он настойчиво призывал участников польского освободительного движения к радикальному решению крестьянского вопроса, к отказу от националистических претензий на территории Украины, Белоруссии и Литвы. Отрицание национальной исключительности соединялось у Герцена с признанием права наций на самоопределение. Он признавал, например, право на безусловную независимость и неограниченную самостоятельность польского народа⁴.

Итак, взгляды М.А. Бакунина с одной стороны, и взгляды А.И. Герцена с другой, по большинству идеологических установок в 1860-е гг. совпадали. Но существовали и расхождения. Так, например, Бакунин прежде всего выступал за революционную борьбу, мало учитывая национальные особенности стран, в то время как Герцен и Огарев считали польскую проблему национальной⁵.

Разрушение государств, свержение монархических режимов любыми способами — основа идеологии М.А. Бакунина. А.И. Герцен был более умеренных взглядов, понимая, что воплотить в жизнь свои программные установки мгновенно не удастся. Основным критерием, без которого невозможно реализовать программные установки М.А. Бакунина и А.И. Герцена в вопросе общеславянской федерации, было решение польского вопроса. До тех пор, пока между поляками и Россией не будет найден компромисс, создание славянской федерации невозможно. Федеративные отношения невозможно строить путем насилия, в этом мнения первых русских демократов совпадали.

Примечания

¹ Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 3. Пг.; М., 1920. С. 88–89.

² Там же. Т. 1. С. 49.

³ Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30-ти т. М., 1954–1966. Т. 12. С. 187.

⁴ Там же. Т. 12. С. 212.

⁵ Выдрин Р. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 121.

ОБ ИДЕЙНЫХ ИСТОКАХ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА

В основу евразийского движения лег целый комплекс идей, синтезирующий в себе различные направления исторической, культурологической, геософской, геополитической мысли прошлого, берущий свое начало в наследии древнерусской письменности конца XIV — середины XVI вв., в произведениях Нила Сорского, концепции «Москва — третий Рим», вобравший в себя систему взглядов Н. Карамзина, ранних и поздних славянофилов, философов и географов начала XX в.

В частности, затрагивая вопрос об особом пути развития России, евразийцы становятся преемниками идей славянофилов. Сам Трубецкий акцентировал внимание на том, что «всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения...»¹. Обращаясь к статьям П. Савицкого, можно проследить, что «определяя русскую культуру как «евразийскую», евразийцы выступают как осознатели русского культурного разнообразия. В этом отношении они имеют еще больше предшественников, чем в своих чисто географических определениях. Таковыми... нужно признать всех мыслителей славянофильского направления...»². Признавая славянофилов как наиболее близких по духу, а именно их мысли о самобытной русской культуре и истории, следует отметить, что далеко не со всеми постулатами славянофильства согласны основатели евразийского движения. Например, евразийцы выступали категорически против признания общинного устройства в качестве экономической основой русской жизни, разошлись со славянофилами и в понимании идеи национализма³.

Продолжая развивать тему исторической судьбы Отечества, места России в цивилизационной цепочке Запад — Россия — Восток, прямыми предшественниками в постановке и решении этой проблемы, как отмечает Р.А. Урханова, были Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев⁴.

С Н.Я. Данилевским евразийцев сближают общие основания концепции культуры, отрицание «европоцентризма», способ аргументации философских положений. Как и Н.Я. Данилевский, евразийцы основывались на понимании того, что всему живому дается определенная «сумма жизни», с истощением которой наступает смерть. Единоы позиции евразийцев в отношении «европоцентризма»⁵. И Данилевский, и Трубецкой резко выступают против самого понятия «общечеловеческая цивилизация»⁶.

К. Леонтьев высказывает очень близкие евразийцам идеи. Согласно его взгляду, Россия — особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе черты культур Востока и Запада. В дальнейших своих рассуждениях евразийцы отталкиваются от этой идеи, охотно развивая мысль о позитивном влиянии туранского элемента в процессе формирования русской нации⁷.

Среди авторов, оказавших влияние на формирование евразийской концепции, были: Н.К. Карамзин, Л.И. Мечников, В.И. Ламанский, Д.И. Менделеев⁸. В частности, развивались идеи Н. Карамзина о положительном влиянии татаро-монгольского ига на дальнейшее развитие Руси. Свою концепцию о роли географического фактора евразийцы строили с учетом взглядов В. И Ламанского, Д.И. Менделеева, Л.И. Мечникова⁹. В построении историософской концепции евразийцев можно проследить идею «Москва — третий Рим». В частности, Н. Трубецкой допетровскую Россию называет «продолжательницей Византии»¹⁰.

Настоящий историографический обзор позволяет определить следующие идейные истоки евразийства: историко-философские воззрения славянофилов, концепция «Москва — третий Рим», концепция истории Н. Карамзина, историко-культурологическая концепция Н.Я. Данилевского, историософские взгляды К. Леонтьева, геософские основания Д.И. Менделеева, В.И. Ламанского, Л.И. Мечникова.

Таким образом, концепция евразийства принципиально разрабатывалась и осмысливалась как обобщающая, но имеющая авторскую логику и свой понятийный аппарат концепция.

Примечания

¹ Трубецкой Н.С. Исход к Востоку // Пути Евразии. М., 1992. С. 313.

² Савицкий П.Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 102.

³ Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 329.

- ⁴ Урханова Р.А. Евразийство как социально-философское в русской культуре XX века: Автореф. дис. ... канд. филос. Наук. М., 1992.
- ⁵ Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 105.
- ⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1997. С. 124; Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Пути Евразии. М., 1992. С. 181.
- ⁷ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. Цит. по: Пашенко В.Я. Идеология евразийства. М., 2000. С. 71.
- ⁸ Пишун К.В. Политическое учение евразийцев (опыт системной реконструкции и интерпретации): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 1999. С. 15.
- ⁹ Игнатова С.В. Историко-философский анализ евразийского учения: Автореф. дис. ... канд. филос. Наук. М., 1995. С. 9.
- ¹⁰ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией. М., 1993. С. 338.

ИДЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСТВА КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

С конца 80-х гг. XX в. евразийская теория привлекает к себе повышенное внимание как учёных, работающих в различных областях науки, так и практических политиков. Появляются публикации работ идеологов евразийства, начинается активное обсуждение их теоретического наследия, предпринимаются попытки применения некоторых положений идеологии евразийцев в практической политике. Всплеск интереса к данной теме далеко не случаен, так как после распада Советского Союза со всей остротой встал вопрос об определении места суверенной России в современном мире и о выработке приоритетов в её внутренней и внешней политике. Иначе говоря, вновь стали чрезвычайно актуальными вопросы, которые занимали умы идеологов евразийства в 20–30-е гг. прошлого столетия. В этой связи представляет интерес попытка анализа того, насколько применимы отдельные положения теории евразийства к современным реалиям внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Одним из краеугольных камней евразийства является тезис о чрезвычайной роли государства в жизни российского общества, идеализация и абсолютизация этой роли. По мнению евразийцев, государство должно выступать в качестве своеобразного верховного хозяина общества, который обладает сильной властью, но при этом сохраняет связь с народом. События, произошедшие в нашей стране во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг., со всей очевидностью показали, что слишком слабая государственная власть является причиной возникновения множества угроз национальной безопасности как внутри страны, так и на международной арене. Ослабление государственной власти породило проблемы в экономике, в сфере социальных отношений, в духовной жизни общества. Внешнеполитические позиции Советского Союза, а затем и Российской Федерации оказались существенно подорванными. Некогда могущественная держава была вынуждена следовать в фарватере политики ведущих стран Запада.

Сейчас мы наблюдаем явную тенденцию к укреплению государственной власти в России. Оценивая в целом этот процесс как позитивный, нельзя забывать и об опасности того, что государство в очередной раз может «подмять» под себя общество. Иными словами, нельзя допустить возврата в тоталитарное прошлое.

Актуальным является также тезис евразийцев о роли православной церкви в духовной жизни российского общества. На наш взгляд, неоспорима та важная роль, которую православие играло в культуре и духовной сфере России в прошлом. Сегодня очень остро стоит вопрос о духовном здоровье российского общества. Предстоит возрождать многие духовные и культурные ценности, которые, к сожалению, были утрачены в прежние времена. В решении этих задач важное место отводится и православной церкви, что подчёркивается во многих выступлениях наших политиков и государственных деятелей. Но при этом не следует забывать о том, что российское общество является многоконфессиональным. Поэтому предложения о придании Русской православной церкви особого статуса в ряду других конфессий могут породить множество проблем, которые не пойдут на пользу ни самой православной церкви, ни всему многонациональному и многоконфессиональному российскому обществу.

Для многих евразийцев характерно достаточно ярко выраженное антизападничество. Западное общество представляется ими как исключительно приземлённое, лишённое духовности, потребительское. В определённой мере эти характеристики могут быть применены, когда мы оцениваем прошлое и настоящее западной цивилизации. Однако было бы неверно не замечать и тех успехов, которых добилось западное общество в экономике, социальной сфере, укреплении и расширении демократии. Опыт модернизации общества и выведения его на принципиально новый уровень развития, накопленный Западом за последние 50–60 лет, во многом может быть полезен и современной России. При этом речь идёт не о слепом копировании чужих образцов (жизнь показала, что это занятие не только бесполезное, но часто и вредное), а об учёте объективных закономерностей и избегании ошибок, допущенных другими.

В современных условиях вызывает сомнение тезис евразийцев о самодостаточности России, о её уникальной способности не зависеть ни от кого и существовать как бы «автономно». Процесс глобализации является реальностью (нравится это кому-то или нет), поэтому попытки отгородиться от внешнего мира не только являлись бы невозможными, но и представляли бы угрозу национальным интересам России во многих сферах. Гораздо важнее занять своё

достойное место в мировом сообществе, уважая других и добившись уважения к себе.

Учёные и политики часто обращаются к теории евразийства, когда речь заходит о положении на постсоветском пространстве. Распад некогда могущественного Советского Союза привёл к коренным геополитическим переменам во всём мире и, в частности, в Евразии. Проблемы взаимоотношений с новыми суверенными государствами и возможные варианты объединения евразийского пространства являются одними из основных во внешней политике современной России. Они служат предметом острых дискуссий как среди учёных, так и среди политиков. При этом на одном полюсе утверждают, что отношения с бывшими союзными республиками не так уж важны для нашего государства, что гораздо важнее отношения с ведущими странами мира. В противоположном лагере считают, что развитие сотрудничества с нашими соседями и укрепление позиций России на постсоветском пространстве должны быть приоритетными направлениями внешней политики РФ. Соглашаясь с этим суждением, отметим, однако, что такой вариант будет вряд ли осуществим, если Россия попытается укрепить свои позиции в этом регионе, используя тактику давления. Голоса, раздающиеся время от времени о том, что постсоветское пространство в ближайшем будущем необходимо объединить под эгидой России, не могут принести ничего, кроме вреда, нашим национальным интересам. Опыт показывает, что в бывших союзных республиках ещё до конца не изжит страх перед «имперскими амбициями» России. Попытки осуществить давление на суверенные государства дают обратный результат: они создают разного рода объединения с целью противостоять России, хотя эта цель официально может и не провозглашаться. Гораздо более продуктивным является пробуждение интереса этих государств к взаимовыгодному сотрудничеству с Россией в самых разных областях (экономической, военной, гуманитарной, культурной и т.д.). Примеров достижения соглашений о таком сотрудничестве немало (СНГ, Евросоюз и др.). Таким образом, можно сделать вывод о том, что отдельные положения теории евразийства 20–30-х гг. прошлого столетия не утратили своей актуальности для выработки внутренней и внешней политики современной России, хотя и нуждаются в определенной корректировке.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВОЛОСТЬ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ГРАНИЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ В НАЧАЛЕ XIX В.

До сегодняшнего дня исследователи большое внимание уделяли приписной деревне Алтая. Пристальное внимание исследователей было сосредоточено на экономике приписной деревни, развитии в ней земледелия, скотоводства, промыслов, форм и методов организации крестьянского труда. Эти проблемы нашли отражение в работах З.Я. Бояршиновой, М.М. Громыко, А.Н. Жеравиной, Ю.С. Булыгина и других исследователей¹. Хозяйственная деятельность приписного крестьянства рассматривается в монографии М.М. Громыко «Трудовые традиции русских крестьян Сибири». Здесь исследованы формы и методы организации труда в сибирской деревне в эпоху феодализма, в том числе и в приписной деревне Алтая². Исследователями раскрывается влияние политики заводского начальства и Кабинета на хозяйственную деятельность приписных крестьян. Такой подход был характерен для работ А.Н. Жеравиной и С.С. Лукичева³. Широкий круг вопросов, связанных с историей приписной деревни Алтая, охватывают работы Г.П. Жидкова, а именно владельческая принадлежность заводов, социальная сущность приписного крестьянства, кабинетское землевладение, повинности приписного крестьянства⁴. Вопросы изменений, которые происходили в системе управления горнозаводским хозяйством на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в., а также вопросы, связанные с обслуживанием заводов, рассматриваются в работе Т.Н. Соболевой и В.Н. Разгона⁵.

Итогом труда исследователей явилось то, что в настоящее время история приписной деревни изучена более или менее полно, в то время как история Смоленской волости остается практически неизученной. Исключение составляют работы Ю.С. Булыгина «К истории населенных пунктов Смоленского района Алтайского края»⁶ и Н.А. Ваганова, где волости посвящен отдельный параграф⁷. Хотя государственным крестьянам России в целом и отдельным губерниям посвящена обширная литература⁸.

Задачей предлагаемой публикации является рассмотрение специфики Смоленской волости как государственной, находящейся в окружении приписных волостей, обращение к ее истории. Интерес к изучению волости обусловлен тем, что это единственная на юге Западной Сибири, а именно в пределах Алтайского горного округа, административная единица, которая не была подведомственна заводскому начальству и была населена преимущественно государственными крестьянами.

Необходимо отметить, что в пределах границ горнозаводского ведомства находились две государственные волости: Смоленская в Бийском округе и Подонинская в Кузнецком. Однако интерес представляет именно Смоленская волость, так как сюда направлялась основная масса переселенцев. Подонинскую волость же трудно назвать местом колонизации крестьян извне. Дело в том, что большая часть крестьян этой волости проживала на заводских землях⁹. Кроме того, Смоленская волость имела богатые пахотные и сенокосные угодья.

Смоленская волость располагалась к югу от Бийска, близ самого города, на левом берегу Катуня, при слиянии ее с Бией, а также частью находилась по дороге, ведущей из Бийска в Усть-Каменогорск по Бийской казачьей линии¹⁰.

Вопрос об образовании Смоленской волости затрагивался дореволюционными исследователями. П.А. Голубев отмечал: «Категория крестьян государственных на Алтае представляет историческую загадку; трудно понять, каким образом на землях, находящихся в личной собственности государя и населенных, кроме инородцев, аборигенов страны, исключительно крепостными, находившимися в тех или иных обязательных отношениях к кабинетским заводам, могли образоваться не только селения, а и целые волости (Смоленская в Бийском и Подонинская в Кузнецком...) с населением из государственных крестьян...»¹¹. Этот вопрос пытался прояснить и Ив. Овсянкин. Он писал: «С закрепощением алтайского населения добровольная колонизация прекращается. Переселенцы направлялись только в Смоленскую волость Бийского округа, где жили государственные крестьяне — потомки поселенных здесь солдат Тарского драгунского полка. К ним приселялись понемногу «пришлые люди» в течение целого столетия, но в более заметных размерах новоселы появляются только с 1834 г.»¹². В XX в. положительно вопрос был решен Ю.С. Булыгиным. По его мнению, формирование категории государственных крестьян относится ко второй половине XVIII в. Это обусловлено необходимостью снабжения хлебом Колывано-Кузнецкой военной линии. Здесь селили добровольных

переселенцев, ссыльнопоселенцев, польских посельщиков, отставных служилых и их детей¹³.

Создана волость была в конце XVIII в. с центром в селе Смоленском, от которого и получила свое именование. Это положение было закреплено в законе 1797 г. В соответствии с этим законом волости полагалось иметь «свое название по главному в ней селению»¹⁴. В главном или другом «удобнейшем» к тому селению учреждалось волостное правление. Применительно к Смоленской волости оно учреждалось в Смоленском. В 1816 г. в волость входило 14 селений, в которых проживало 1162 чел. Численность и состав населения отражены в таблице.

Численность и состав населения Смоленской волости в 1816 г.*

Название населенного пункта	Отставные служилые и их дети		Государственные крестьяне		Посельщики на своем пропитании		Ясашные крестьяне	
	д.м.п.**	д.ж.п.***	д.м.п.	д.ж.п.	д.м.п.	д.ж.п.	д.м.п.	д.ж.п.
с. Смоленское	56	64	103	152	47	18	2	2
Крепость Катунская	9	15	22	30	1	-	-	-
д. Иконникова	10	6	16	24	-	-	3	4
Крепость Ануйская	11	14	4	6	1	-	-	-
д. Верх-Ануйская	9	17	61	90	1	1	-	-
Редут Бехтемирский	3	4	5	6	-	-	-	-
Редут Терской	2	6	10	15	-	-	-	-
Редут Николаевский	5	1	5	9	-	-	-	-
Форпост Катоновский	5	2	3	4	-	-	-	-
Редут Слуденский	5	1	12	19	-	-	-	-
с. Новиковское	17	9	4	5	4	2	2	1
д. Чемровская	19	12	8	21	1	-	-	-
Редут Новиковский	13	17	14	24	1	1	5	3
с. Солтонское	12	13	10	13	1	-	5	4
Итого	176	181	277	418	57	22	17	14

*Источник: ЦХАФ АК. Ф.177. Оп.1. Д.92. ЛЛ.12-21об.

**д.м.п. — души мужского пола;

*** д.ж.п. — души женского пола.

Как видно из таблицы, основную часть населения составляли государственные крестьяне, на их долю приходилось 277 д.м.п. и 418 д.ж.п. Затем шли отставные служилые вместе с их детьми. Их численность составляла 176 д.м.п. и 181 д.ж.п. Третьей по численности категорией были посельщики на своем пропитании — 57 д.м.п. и 22 д.ж.п. Четвертой категорией были ясашные крестьяне (17 д.м.п. и 14 д.ж.п.). Все эти категории вошли в XVIII в. в сословие государственных крестьян¹⁵. За тринадцать лет произошли следующие изменения в численности населения: оно возросло на 1720 чел.¹⁶ С 1829 по 1853 г. численность государственных крестьян увеличилась с 2882 до 7462 чел., т.е. в 2,5 раза, а с 1816 по 1853 г. — в 6,4 раза¹⁷. Кроме того, по материалам таблицы следует, что для волости характерны были небольшие по людности поселения. Наиболее крупным было село Смоленское (444 душ обоего пола — д.о.п.). Деревня Верх-Ануйская была второй по численности и насчитывала 179 д.о.п. Остальные населенные пункты можно разделить на несколько групп. К первой группе отнесём селения с численностью от 10 до 20 человек. Сюда относятся форпост Катоновский (14 д.о.п.), редуты Бехтемирский (18 д.о.п.) и Николаевский (20 д.о.п.). Ко второй — от 30 до 50 человек. К этой группе причислены крепость Ануйская (36 д.о.п.), редуты Слуденский (37 д.о.п.) и Терской (41 д.о.п.), село Новиковское (44 д.о.п.). К третьей — от 50 до 80 человек. Это село Солтонское (58 д.о.п.), деревни Чемровская (61 д.о.п.) и Иконникова (63 д.о.п.), крепость Катунская (77 д.о.п.), редут Новиковский (78 д.о.п.).

Важно отметить и то, что часть селений волости располагались по тракту. Так, село Смоленское, деревни Иконникова и Верх-Ануйская, крепости Катунская и Ануйская, редуты Слуденский, Терской, Николаевский находились по тракту из Бийска в Усть-Каменогорск¹⁸. Села Новиковское и Солтонское, редут Бехтемирский — по тракту из Бийска в Кузнецк¹⁹.

Характеризуя Смоленскую волость, нужно сказать, что на ее территории не было ни одного горнопромышленного объекта — ни фабрик, ни заводов. Наиболее ярким событием населения волости с 1854 г. была ярмарка, которая функционировала с 13 по 24 ноября²⁰.

Таким образом, специфика Смоленской волости заключается в том, что она, в отличие от остальных волостей Алтайского горного округа, имела статус государственной и подчинялась губернским властям. Кроме того, как следует из всего вышеперечисленного, район этот был старожилым. Большую часть его жителей составляли в начале XIX в. потомки отставных служилых людей и крестьян, пришедших сюда еще с 40-х гг. XVIII в.

Примечания

- ¹ Бояршинова З.Я. К вопросу о хозяйстве приписных крестьян первой четверти XIX века // Известия Сибирского отделения АН СССР. №1. Серия общественных наук. Вып. 1. Новосибирск, 1964; Громыко М.М. К вопросу о социальной сущности заводов Западной Сибири в XVIII веке // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. Т. 1; Она же. Западная Сибирь в XVIII веке: Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965; Жеравина А.Н. Крестьянское хозяйство приписной деревни на Алтае (вторая половина XVIII века) // Вопросы истории. Вып. 5. Томск, 1970; Она же. Из истории становления и развития хозяйства приписных крестьян Алтая во второй половине XVIII века // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976; Она же. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири. Томск, 1985; Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке: В 2-х ч. Барнаул, 1997.
- ² Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири XVIII — первой половине XIX века. Новосибирск, 1975.
- ³ Жеравина А.Н. Влияние заводских работ на хозяйство приписных крестьян Алтая // Из истории Сибири. Вып. 4. Томск, 1972; Она же. Еще раз к вопросу о поставке провианта для заводов и рудников приписными крестьянами Алтая // Их истории Сибири. Вып. 18. Томск, 1975; Лукичев С.С. Заводская барщина приписных крестьян Колывано-Воскресенского горного округа в предреформенный период // Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Томск, 1969.
- ⁴ Жидков Г.П. О наемном труде на алтайских заводах в XVIII — первой половине XIX века // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX веков. Вып. 2. Новосибирск, 1965; Он же. Экономика кабинетской деревни Западной Сибири накануне реформы. К вопросу о соотношении динамики феодальной эксплуатации и производительных сил крестьянского хозяйства // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVI —XIX вв.). Вып. 3. Новосибирск, 1968; Он же. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
- ⁵ Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.
- ⁶ ЦХАФ АК. Ф.Р. — 1765. Оп.1. Д.19.
- ⁷ Ваганов Н.А. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа. Спб., 1886.
- ⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1; Стащук Н.И. Государственные крестьяне Ставрополя в конце XVIII — начале XIX века. Ростов-на-Дону, 1951; Софронов М.Г. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа П.Д. Киселева. Казань, 1952; Ракитин А.И. Государственные крестьяне Архангельской губернии после реформы П.Д. Киселева (1838–1866 гг.). М., 1953; Плющевский Б.Г. Государственные крестьяне Вятской губернии в первой половине и середине XIX в. Ижевск, 1953; Иловайский И.Б. Государственные крестьяне Ставрополя и реформа П.Д. Киселева. Ростов-на-Дону, 1954; Булдаков К.А. Государственные крестьяне Костромской губернии от реформы П.Д. Киселева до отмены крепостного права (1839–1866 гг.). М., 1958 и др.
- ⁹ Русаков К.В. Движение населения и хозяйственное освоение Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1795–1861 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1987.
- ¹⁰ Ваганов Н.А. Указ. соч. С. 147.
- ¹¹ Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / Под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890. С. 139.

- ¹² Овсянкин Ив. Колонизация и переселенческое дело // Алтай: Историко-статистический сборник. С. 330.
- ¹³ Булыгин Ю.С. Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в. // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 22–32.
- ¹⁴ Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири XIII — первая половина XIX века. Новосибирск, 1991. С. 23.
- ¹⁵ Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX в.: Автореф. дис ... канд. ист. наук. С. 17.
- ¹⁶ ЦХАФ АК. Ф.177. Оп.1. Д. 148. Л. 21–22.
- ¹⁷ Там же. Д.177. Л. 31-31об; Д. 376. Л. 29–31.
- ¹⁸ Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. LX: Томская губерния (Бийский округ). СПб., 1868. С. 62.
- ¹⁹ Там же. С. 66.
- ²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 516. Л. 16.

«ГОСУДАРСТВО И ПРОГРЕСС» В НАСЛЕДИИ А.Д. ГРАДОВСКОГО

В течение нескольких последних лет резко вырос интерес к наследию так называемой государственной (юридической) школы в русской историографии. Истоки этого повышенного внимания к «государственникам» лежат на поверхности. Россия очередной раз переживает период реформирования. Какая же роль отводится в этом процессе государству? Исследователи, одни, чтобы обосновать, другие, чтобы опровергнуть суждение о государстве как основном субъекте реформ, обращаются к наследию прошлого.

А.Д. Градовский, основатель юридической школы, был сторонником сильного государства. Он считал, что если человек создал государство, то именно в качестве инструмента для удовлетворения своих потребностей. Только такое могущественное учреждение может и должно обеспечивать соблюдение всех прав личности. «Чем шире становится значение государства, чем всеобъемлюще становится сила его законов, тем теснее становится связь государства с отдельным человеком, во имя вечной справедливости»¹.

Обобщая имеющуюся литературу, А.Д. Градовский характеризует два типа государства по признаку организации власти. Это государство механическое (тип государства, характерный для 17-18 веков, а также Франции второй половины 19 века), и государство органическое (германский тип). В механическом государстве учреждения и должностные лица — послушные колеса государственной машины, и отличительный признак такого государства — управление бюрократического чиновничества. При этом неважно, монархия это или республика, как, например Франция. Все сколько-нибудь важные дела в государстве механического типа предоставлены решению центральной власти. Органическое государство, в противоположность механическому, требует для себя только того, что, безусловно, определяет единство руководства, все же остальное предоставляется в распоряжение меньшим округам, которые в пространственно-ограниченных пределах ведают

интересами государства, что удобнее, так как для миллионов людей государство есть непонятный абстракт. А община и округ — это близко стоящие и конкретные учреждения, с которыми люди каждый день приходят в соприкосновение. Кроме того, таким путем обыватели проходят школу гражданина.

Все формы государства исторически изменчивы. Каждой стадии общественного развития должна соответствовать пригодная этой стадии форма государства. Ни одна из форм государства не является абсолютной истинной.

Государство посредством закона само себя ограничивает. Оно рассматривается А.Д. Градовским как орудие социального прогресса, как сила, регулирующая взаимоотношения в обществе. Прогресс может совершаться лишь постепенно, путем реформ и отдельных изменений в общественной жизни.

А.Д. Градовский выводит два положения социального прогресса. Согласно первому, государство должно содержать в себе элементы дальнейшего развития, а иначе оно обречено на неподвижность. Но в тоже время движение вперед возможно только на основе прочного общественного порядка, который базируется на исторических началах каждой национальности.

Ученый являлся противником демократического правления, идеи «народного полновластия». Государственная власть в руках толпы принимает опасный и вредный характер. В своей деятельности она может выйти за пределы нравственного закона, уничтожить личность и разрушить духовную жизнь человека. В результате это приведет к уничтожению элементов народного самосознания, т.е. основной опоры своего собственного существования. Нельзя стремиться к новому через разрушение старого порядка (общества). Революционные движения, по мнению А.Д. Градовского, всегда терпят крушение, когда пытаются переустроить общественный порядок.

Антидемократические взгляды были присущи многим представителям русского либерализма. Так, например, Чичерин в «Собственности и государстве» пишет: «Вообще демократия представляет собой по преимуществу, господство посредственности, положение, которое с таким блеском было доказано Токвилем. Конечно при энергическом и предприимчивом характере народа, такого рода общественный быт может иметь свои хорошие стороны; но он никак не может быть предметом удивления и подражания»².

Значение государства заключается в том, что оно является представителем прав и действует во имя обязанностей нравственного закона. Идея нравственного совершенствования человека, по мнению

А.Д. Градовского, напрямую связывалась с введением новых учреждений, которые были результатом реформаторской деятельности государства. Поэтому правительство несет нравственную ответственность за проведение и дальнейшее развитие реформ.

Движение реформ в истории России «сверху-вниз» объясняется правильным соотношением между прогрессивным и консервативным элементами. В России прогрессивные стремления верховной власти находили поддержку, прежде всего среди тех классов, которые обладали свободной собственностью и через них проходили все улучшения до остальной массы народа.

А.Д. Градовский утверждает, что «прогрессивные элементы каждого народа должны развивать только те начала, которые издавна составляют достояние охранительных элементов»³. Только такое движение он называет правильным развитием.

Проблему необходимости политических преобразований А.Д. Градовский рассматривает в контексте меняющихся взаимоотношений общества и государства. Формы власти при этом определяются у него степенью зрелости общества. Из анализа истории европейского либерализма у А.Д. Градовского вытекает представление о либерализме как новом строе в сравнении с феодализмом, что неизбежно требует новой формы политической организации общества. Политическим идеалом А.Д. Градовского является самодержавная форма правления, служащая орудием либеральных реформ и развивающаяся в сторону правового государства.

Таким образом, государство у А.Д. Градовского выступает как высшая форма народного самосознания, объединяющая и примиряющая в себе разнообразные общественные стремления, поэтому оно играет решающую роль в общественном развитии.

Граждане должны чаще привлекаться к общественной деятельности. Чем больше появится учреждений, где будет формироваться и воспроизводиться гражданская политическая культура, тем стабильнее будет политическое устройство. Участие граждан в политической деятельности необходимо, в первую очередь, для охранительной деятельности. Без участия общества в политике невозможно сохранение, поддержание национальной идеи, но и без прогрессивной деятельности правительства прогресс в обществе затруднителен.

Примечания

- ¹ Цит. по Идея «национально-прогрессивного государства» в либеральной философии А.Д. Градовского / Гуляк И.И. — СПб ГУ. — СПб.,1997. — 104 С. Библиограф. Постранично. — Деп. В ИНИОН РАН. С. 72.
- ² Чичерин Б.Н. Избранные труды. — СПб., 1997. С. 358.
- ³ Цит. по Идея «национально-прогрессивного государства» в либеральной философии А.Д. Градовского / Гуляк И.И. — СПб ГУ. — СПб.,1997. — 104 С. Библиограф. Постранично. — Деп. В ИНИОН РАН. С. 88

ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ ОСНОВЫ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Процесс объединения народов Евразии сталкивается с рядом препятствий объективного характера. К числу таких препятствий можно отнести проблемы пропаганды сепаратизма, нарастания тенденций к разобщенности, проблемы пассивности молодежи в выборе своей дальнейшей судьбы. Наше общество сталкивается с тем, что у молодого поколения наблюдается отсутствие стремления к саморазвитию и самоактуализации, а также нежелание способствовать развитию своей страны. Во многом это связано с тем, что старая система воспитания была развалена, а новая так и не создана. За прошедшие годы средства массовой информации внедрились в сознание подрастающих поколений нелепый образ русского человека как существа неопрятного, нетрезвого и не умеющего работать. Стало модным ругать русскую культуру, а любые попытки объяснить, что именно русская культура являлась тем стержнем, вокруг которого объединялись представители других культур, объявлялись шовинистическими. Пассивность власти в отношении формирования национальной идеи, которая бы смогла консолидировать общество, а также неопределенность, связанная с пропагандой российских общенациональных ценностей, привели к тому, что молодое поколение в большей своей массе перестало гордиться историей своей страны, культурными и научными достижениями своих соотечественников. В результате этого патриотизм стал восприниматься как нечто не модное и даже как совершенно не нужное для современного человека качество. А так как патриотизм проявляется во всех сферах жизнедеятельности личности (общение, учебная деятельность, трудовая деятельность), то и негативные явления, связанные с отсутствием патриотизма, проявляются в каждой из этих сфер. Это приводит к деструктивности общения и взаимодействия, снижению ценности образования, снижению ответственности в труде, отсутствию социально значимых жизненных целей. Все вышеперечисленные факторы порождают такую тенденцию как количественный рост всех форм аддиктивного и

девиантного поведения. Увеличение числа преступников, наркоманов, безработных и неграмотных среди молодежи может создать в ближайшие годы безвыходное положение. Вырастет целое поколение людей, которым нет никакого дела до идей единой Евразии.

Такое состояние дел в общественной жизни неотвратимо приводит к выводу о том, что необходимо создавать новые формы воспитательной работы с молодежью, так как легче не допустить развитие негативного явления, чем потом его корректировать. Эффективная система воспитания патриотизма как базы личностного образования позволит решить ряд проблем, с которыми столкнулось наше общество в последнее время. Поэтому на сегодняшний день особенно актуальной является задача создания единого центра по воспитанию патриотизма у молодежи, который бы занимался теоретическими и прикладными исследованиями по данной тематике. Основной целью данного центра могло бы быть создание комплексной системы мер по воспитанию патриотизма и повышение уровня выраженности патриотизма у молодежи города Бийска. К задачам центра можно отнести:

- 1) создание эффективной структуры центра, включающей различные образовательные учреждения Бийска;
- 2) формирование эффективной системы комплексного исследования патриотизма как личностного образования;
- 3) выделение определенной возрастной категории граждан, с которой будет проводиться последующая работа;
- 4) проведение начального диагностического среза для выявления актуального уровня выраженности патриотизма;
- 5) создание системы мероприятий для обеспечения становления и развития патриотизма;
- 6) реализация разработанной комплексной системы мероприятий, обеспечивающих становление и развитие патриотизма;
- 7) проведение текущей диагностики с целью оперативного контроля и коррекции процесса становления и развития патриотизма;
- 8) проведение итоговой диагностики выраженности патриотизма для выявления соответствия полученных результатов с запланированными.

Исполнителями данного проекта будут сотрудники центра и образовательных учреждений при поддержке и участии депутатов и активистов молодежной думы Бийска, патриотических общественных организаций, партий и движений; студенты образовательных учреждений города.

Ожидаемый результат от реализации данного проекта — создание эффективной комплексной системы мер по формированию

патриотизма и повышение уровня выраженности патриотизма у молодежи Бийска.

Принятие молодыми людьми ответственности за свое будущее, за выбор вектора развития своей страны поможет им стать тем поколением, которое сможет воплотить в реальность идею великой единой Евразии. В заключение хотелось бы отметить, что формирование социально активных граждан России, осуществляемое в системе гражданско-патриотического воспитания, является важнейшим направлением, обеспечивающим тесную взаимосвязь профессионального образования с социально-экономическими и духовными преобразованиями в стране и в мире, оно способствует развитию у молодёжи гражданственности и национального самосознания.

ТРАДИЦИИ И МОДЕРН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Одним из условий успешного развития страны является политическая модернизация, т.е. формирование современной политической системы, способной эффективно справляться с усложняющимися социальными проблемами и адаптироваться к изменяющимся условиям. Современную политическую систему от традиционной отличает ряд характеристик:

— структурная дифференциация и специализация политических институтов (разделение властей, политические партии, СМИ и т.д.);

— наличие обратной связи между государством и обществом (мостом между ними выступают заинтересованные группы и политические партии);

— формирование органов власти на конкурентной основе, их регулярное обновление, благодаря чему производится отбор эффективных политических лидеров.

На создание такой системы власти и управления направлены политические реформы, идущие в России уже пятнадцать лет. Каждый новый электоральный цикл дает импульс к дальнейшим трансформациям российской политики. В настоящее время мы имеем все институты, характерные для наиболее развитых стран. Уже после 2000 г. сделан ряд шагов, которые должны формально укрепить демократические устои нашего общества. В результате принятия целого пакета законов должна была усилиться роль партий. Приняты решения, направленные на последовательное осуществление принципа разделения властей (новые принципы формирования Совета Федерации, изменения в избирательном законодательстве, в соответствии с которыми главы районных и городских администраций не могут быть депутатами региональных легислатур) и др.

Однако политические реформы в стране идут в русле традиционной для России авторитарной модернизации. При своей крайней слабости гражданское общество является скорее не субъектом, а объектом реформ. При этом инновации зачастую

представляют собой некритическое заимствование западных образцов без учета национальной культурной специфики.

Демократические преобразования в конце XX в. начались в условиях, отличавшихся от тех, которые существовали в странах Запада в период утверждения демократических режимов. Там становлению демократических институтов предшествовали развитое либеральное общество, институт частной собственности. Поэтому лозунг демократии был там «логическим развитием принципа свободы, родившегося до идеи демократии и независимо от нее»¹. В России демократический импульс возник в условиях господства государственной собственности на средства производства, до оформления частной собственности, и был направлен против политической системы, где срослись партия и государство, где мощный бюрократический аппарат подавлял любые формы самостоятельности населения. Отсутствовала социальная опора демократии — слой ответственных собственников.

В стране одновременно идут два процесса — экономические реформы, направленные на становление рыночной экономики, и формирование демократических институтов власти. Реформы в экономике привели к резкой имущественной дифференциации общества, огромному разрыву в уровне жизни, к новому расколу в обществе — между меньшинством тех, кто смог адаптироваться в новых экономических условиях, и массой тех, кто не смог встроиться в рынок. Более 34% россиян в конце 2003 г. оценивали материальное положение своей семьи как плохое и очень плохое и только чуть больше 12% — как хорошее и очень хорошее. Это приводит к росту чувства неудовлетворенности. Более 40% граждан России не удовлетворены той жизнью, которую они ведут².

За годы реформ большинство населения не стало собственниками. При отсутствии собственности граждане не воспринимают государство как гарант права собственности. Государству по-прежнему отводится роль администратора, распределяющего социальные блага и обеспечивающего порядок и безопасность. Это поддерживает традиционные патерналистские установки. Человек, не понимающий в полной мере, что такое частная собственность, и не стремящийся стать собственником, не может считаться полноценным гражданином. Он не интересуется делами государства, не видит причин платить налоги и не имеет потребности в политическом участии. Общественная сфера существует лишь там, где имеется сфера частная, развитая в полной мере и подчиняющаяся строго прописанным законам³. Отсутствие четко очерченной и признаваемой

государством частной сферы приводит к одностороннему подчинению граждан предписаниям властей.

Новые политические институты, выстроенные по западному образцу, воспроизводят в основном традиционные практики. Р. Патнэм в своей знаменитой книге «Чтобы демократия сработала», ссылаясь на специалиста в области экономической истории Дугласа Норта, отмечает, что социальные институты, под которыми он понимает «правила игры в обществе», способны к самовоспроизводству, даже если они не эффективны. Это объясняется тем, что для человека легче принять действующие правила, чем пытаться их изменить. Кроме того, эти правила обычно способствуют возникновению организаций или групп, которые извлекают выгоду из их неэффективности. Неформальные нормы и стереотипы культуры меняются медленнее, чем формальные правила, поэтому внешнее навязывание новых формальных установок способно привести к совершенно неоднозначным результатам⁴.

Во многом посредством реванша традиционных ценностей происходит попытка адаптировать широко декларируемые, но зачастую с трудом внедряемые на практике политические институты западного общества к российской социокультурной реальности. Нередко институты, характерные для демократических обществ (выборы, независимые СМИ, парламент), входят в тесный симбиоз и отчасти укрепляются традиционными институтами, образуя симулякры. Подобного рода процессы могут принимать своеобразную форму. При слабости социальных основ либеральной демократии — гражданского общества, среднего класса, развитой партийной системы — демократические элементы и процедуры лишь прикрывают традиционные политические практики, придавая им современную форму, но очень мало меняя их смысловое содержание. Отсутствие реальной политической конкуренции все больше превращает выборы в плебисцитарное одобрение власти, сформированной на безальтернативной основе либо переданной преемнику. Демократические процедуры используются политической элитой для придания легитимности традиционных способов властвования.

Наличие традиционалистских элементов в культуре находит проявление и в том, что политико-властные структуры функционируют, не сообразуясь с принципом реципрокности (взаимности) в исполнении законом установленных обязанностей для частных и официальных лиц⁵. Компенсацией является установление личных неформальных отношений граждан с представителями власти. «Сталкиваясь с новыми проблемами, требующими коллективных решений, люди повсюду обращаются за рецептами к прошлому»⁶.

Универсальные социальные связи превращаются в латентные отношения, «образуется уникальный разрыв между официально декларируемым всеобщим порядком... и неформально существующими всеобщими обычаями — парадоксальный феномен нелегального обычного права»⁷. Отношения «патрон-клиент» включают в себя межличностный обмен и взаимные обязательства, но обмен этот носит вертикальный характер, а обязательства асимметричны. Вертикальные узы клиентелы подрывают горизонтальные связи солидарности. Преданность в обмен на покровительство, соединяя людей личными узами верности, формально не ограниченной какими-либо правами и обязательствами, поддерживают архетип господства и подчинения, который лежит в основе патернализма. Он укрепляется тем, что «нет амортизаторов, нет защитного слоя кожи на оголенном общественном организме (в виде собственности, крепких соседских или корпоративных связей, мал спрос на рабочие руки и интеллектуальные силы). Личное благополучие слишком сильно зависит от решений на высшем уровне»⁸. Это затрудняет формирование механизмов контролирующей обратной связи между населением и властью, росту чувства ответственности за решение социальных проблем.

Все это реально ведет к сохранению доминирующей роли президентской власти в обществе. Разделение властей обрело чисто функциональный характер, так как фигура президента стоит над парламентом, правительством, оказывает доминирующее влияние на судебную власть. Президент в настоящее время является единственным реальным субъектом политики. Представительные органы лишены самостоятельности и занимаются легитимацией решений исполнительной ветви власти.

Партии не играют самостоятельной роли и зависят от исполнительной власти, что наиболее ярко проявляется в феномене партии власти, практически не выполняют функцию социального представительства, но являются инструментом мобилизации общества. Партийная система в результате выборов 2003 г. обрела усеченный вид и играет скорее декоративную роль.

Отсутствует реальная политическая конкуренция, политическая элита обретает все более закрытый характер, власть научилась «выбирать себя сама» даже в условиях альтернативных всеобщих выборов. Незрелость демократических институтов, неразделенность власти и собственности, патерналистские установки в сознании препятствуют формированию системы отбора и подготовки эффективных политических лидеров и фактически не предоставляют обществу возможности выбора.

Нарастает противоречие между формальной модернизацией политических институтов и воспроизводством традиционных практик осуществления власти. В итоге это вызывает внутреннее чувство протеста среди широких масс населения, что усугубляет правовой скепсис и недоверие к власти, подрывает веру граждан в справедливость государственного устройства. Проявлением отчуждения общества от власти, политической элиты от масс стало нарастание абсентеизма и протестного голосования в избирательной кампании 2003–2004 гг. Представляется, что авторитарная модернизация, обострив противоречия между традиционными и современными составляющими политической системы, не позволила решить основную задачу реформирования — создание эффективной системы управления обществом.

Примечания

- ¹ Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. 2003. №1. С. 139.
- ² Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. №5–6 (67-68). С. 58.
- ³ Мендрас М. Уклонение от определенности. Почему россияне не считают построение демократии приоритетной задачей // Мониторинг общественного мнения. 2002. №4. С. 22.
- ⁴ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996. С. 223.
- ⁵ Грунт З.А. Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления / З.А. Грунт., Г.Л. Кертман и др. // Полис. 1996. №4. С. 60.
- ⁶ Патнэм Р. Указ. соч. С. 216.
- ⁷ Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1994. №1. С. 123.
- ⁸ Климова С. Политический конфликт или конфликт среди политиков? // Власть. 1998. № 3. С. 9.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Функционирование любой политической системы немислимо без поддержки ее гражданами. А эта поддержка может быть гарантирована только в том случае, если система и граждане будут существовать в одной плоскости политических ценностей. Политические ценности формируются в процессе политической социализации человека. Особенно важен процесс политической социализации для обществ, в которых происходит смена политических ориентиров. Так, для нашей страны вопрос политической социализации в последние годы все более актуализируется. В условиях модернизации политической системы, смены политических ценностей у государства появилась потребность в гражданах с новой системой политических ценностей и новыми политическими взглядами. Этого можно добиться, лишь направляя процесс политической социализации в необходимое русло. Политическая социализация являет собой многосложный процесс с участием множества агентов и факторов. Естественно, контролировать их всех невозможно. Поэтому государство должно обратить взгляд на институты политической социализации, на которые возможно оказывать влияние. Одним из таких институтов является школа, где процесс политической социализации осуществляется через гражданское образование. Понятие «гражданское образование» более узкое, нежели термин «политическая социализация». Посредством гражданского образования в школе процесс политической социализации структурируется и достигает наибольшей эффективности.

До смены политической системы в СССР существовала собственная система политического воспитания. Понятия «политическая социализация» и «гражданское образование» не употреблялись. Необходимо отметить, что система политического воспитания в СССР была доведена просто до совершенства. Встретить человека, не поддерживающего коммунистические идеалы было практически невозможно. Гражданин СССР мог достаточно

аргументировано отстаивать господствующую идеологию и нетерпимо относился к другим идеологиям. Но настоящее время ставит другие задачи и выдвигает новые требования к российскому гражданину. Наряду с демократическими ценностями человек должен овладеть навыками демократического участия, что ставит новые задачи перед гражданским образованием.

Система гражданского образования в России еще не сложилась, но есть факторы, свидетельствующие о том, что работа в данном направлении все же ведется. В процессе формирования гражданского образования необходимо использовать опыт как других стран, так и собственный.

Для западных стран характерно применение в процессе гражданского образования ролевых игр, во время которых у детей развивают нравственные мотивы поведения. Активно используются политические символы: герб, флаг, гимн и т.д. Американские школьники ежедневно приносят клятву преданности американскому флагу, поют патриотические песни.

В школах США уделяется много внимания деятельности школьного самоуправления, его используют как школу будущих граждан, акцент делается на реальное включение школьников в выполнение гражданских обязанностей.

Для старшеклассников организуются стажировки в местные органы власти, они работают помощниками депутатов. Те из них, кто проявил лидерские качества, проводят лето в «лагерях будущих лидеров», где постигают проблемы управления и руководства. Некоторые структуры школьного самоуправления напоминают американские политические институты в миниатюре.

«Американский школьник может не найти на карте Урал и не ответить на вопрос, когда жил Лютер — до или после 30-летней войны. Но он действительно разбирается в том, как устроено государство, каковы функции конгресса и президента. Он знает, по крайней мере, общие принципы законодательства и помнит начало Декларации независимости»¹.

Что же касается стран Востока, то принципы политического воспитания здесь несколько иные, чем в США. Акцент делается на воспитание, а не на образование. В Японии традиционно считается, что лучше быть хорошим человеком, чем ученым, но плохим. В связи с этим большое внимание уделяется урокам морального воспитания школьников. Главная роль отводится педагогическому воздействию.

Интересна система методов, с помощью которых государство приучает своих граждан приспосабливаться к любым сложившимся обстоятельствам. Во-первых, дети в классе объединяются в «ханы»

механически, т.е. по тому, как они располагаются за партами. Целенаправленно детей пересаживают очень часто, а так как «хан» состоит из 3–5 человек, его состав каждый раз кардинально меняется. Этим приучают детей безболезненно воспринимать смену обстановки. Раз в два года происходит смена состава учеников классов, они попросту перетасовываются. Каждый год меняется красный руководитель. Интересен и тот факт, что муниципальные органы управления образованием постоянно перемещают учителей из одной школы в другую. Это делается, для того, чтобы школы были как можно более одинаковыми. Так учат граждан приспособляться к обстоятельствам.

Немаловажен в решении вопросов гражданского образования опыт СССР. Многие методы, применяемые в те годы, могут быть использованы в современных условиях. В процессе политического воспитания школьников СССР такие методы, как политинформация, экскурсии по местам боевой славы, патриотические песни; специальные занятия по изучению Конституции и политических символов СССР; участие в политическом воспитании детских и юношеских политических организаций и т.д.

Таким образом, в настоящее время перед специалистами страны стоит задача: синтезируя различные методы и подходы к гражданскому образованию, сконструировать собственную систему гражданского образования.

Примечание

¹ Воробьев Г.Г. Легко ли учиться в американской школе. М., 1993. С. 91.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ЕВРАЗИЙСТВА КАК ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЙ ВНЕНАУЧНЫЙ (РЕЛИГИОЗНЫЙ) И НАУЧНЫЙ ИРРАЦИОНАЛИЗМ

Современная ситуация в мире, обнаруживающая глобальные интеграционные процессы на всех уровнях, выявляет необходимость нахождения точек пересечения, вернее, диалога между наукой, философией и религией. Данный процесс уже начался, но, к сожалению, обнаруживается, с одной стороны, его подавление, а с другой стороны, опасная направленность.

В более общем контексте, необходимо выделить две тенденции: это разрастание вненаучного иррационализма, в частности, религиозного иррационализма и одновременно научного иррационализма.

Период с конца XIX в. и вплоть до XXI в. обнаружил наличие богатых вариаций вненаучного иррационализма. Относительно России этот вид иррационализма особенно ярко проявился в переходный период, когда страна от коммунизма и плановой экономики начала переход к рыночной экономике. Страну захлестнул наплыв псевдоокультурных учений, школ черной и белой (природной) магии, нетрадиционных культов, сатанизма. Это время в целом можно назвать периодом расцвета магии, повального увлечения экстрасенсорикой, сатанизмом и тому подобными феноменами. Эти процессы были несколько заторможены лишь принятием в 1997 г. Федерального Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Расцвет вненаучного иррационализма явился следствием современной искаженной духовности, некритического восприятия в научных кругах псевдоокультурных учений, догм, школ и направлений.

Второй вид вненаучного иррационализма — это религиозный иррационализм, который также представляет собой «перекос», но только в другую сторону. Чтобы понять его негативный характер, достаточно вспомнить курс всемирной истории. Религиозный иррационализм показал свое непримиримое лицо еще в период Средневековья, когда церковно-политические структуры

обнаруживали свое «невежество» по отношению к ученым, творческим людям. Средневековая догматика пыталась объяснить те сферы, в которых она была абсолютно не компетентна. Средневековая «диктатура» и ее преследование науки лишь усугубили положение церкви и нанесли удар по ней самой. Можно смело сказать, что последующая реакция науки на религию явилась во многом следствием средневекового насилия церкви над ней (наукой).

Вторая тенденция — это научный иррационализм, отрицающий другие виды знания и абсолютизирующий свое научное мировоззрение. Во многом, это объясняется из предыдущей тенденции, но в тоже время подобная установка характеризует «узость» и непринятие рядом ученых ничего, кроме довольно узких научных представлений. Более обстоятельно эти тенденции объясняются в монографии по евразийству, посвященной раскрытию перспектив развития человечества в XXI веке [1, с.115-135].

Наступило время, когда назрела необходимость отойти от крайностей, забыть «обиды» между религией и наукой, и начать строить диалог. Посредником же в этом диалоге может стать философия евразийства.

Так современная философия евразийства предоставляет основу (платформу) для «примирения» науки и религии, и если посмотреть на этот процесс в несколько ином ракурсе, «примирение» внутри человека с самим собой. Воссоединение его сердца и разума в едином волевом устремлении. Человек — это целостное, единое существо, в силу этого единства, необходимо, в первую очередь, примирить его разум (рассудочно-рациональное) с сердцем (эмоционально-интуитивное). Кроме того, в силу обнаружения дефицита «сердечности» в современном обществе, последнее, т.е. сердце должно даже несколько возвыситься. И здесь не последнюю роль могла бы сыграть мощная религиозная мировая традиция, поскольку ее наследие дает колоссальное знание о сердце, его возможностях и потенциале, его (сердца) взаимоотношениях с разумом. Нам же лишь остается прислушаться к знаниям древних и обогатить, актуализировать в соответствии с современными научными и философскими данными.

Единство религиозных традиций в отношении понимания сердца, сердечного познания свидетельствует о несомненной важности последнего (сердца) в деле совершенствования человека, его духовности, а также духовности всего общества. Ни одна политическая система, какой бы совершенной она не была, не сможет гарантировать всеобщего благоденствия, «рая» на земле, пока не начнется совершенствование отдельного человека, его сердца. А в

этом контексте наиболее содержательные рекомендации дают религиозные традиции мира, а не наука или даже философия.

Евразийство считает, что именно внерациональные (сверхрациональные) формы духовного опыта, которые предоставляют традиционные религии, дают тот твердый нравственный фундамент, на который необходимо опереться современному обществу. Индикатором же нравственности на индивидуальном уровне является сердце. Не случайно большинство религий Востока и Запада уделяют немалое внимание духовному совершенствованию личности, которое начинается с очищения, просветления и совершенствования сердечной составляющей. Так, в Упанишаде «Шветашватара» уточняется: «...Сделай там (свой) источник, и прежние дела не поразят Тебя. Подняв три части, держа ровно тело, заключив в сердце чувства и разум, пусть переправится мудрый на ладье Брахмана через все потоки, несущие страх» [2, с.78 П.14 –15]. Еще большее значение сердце имеет в религиозной практике даосизма. Главное в самосовершенствовании — это, прежде всего очищение своего сердца, своих помыслов, своего сознания через достижение покоя, молчания, самоуглубления, бесстрастия. В «Чжуан Цзы» говорится: «...Береги в себе внутреннее, замкнись от внешнего» (3.§11).

Но и, наконец, особое положение в религиозных традициях отводится «возделыванию» не только сердца человека, но и через него достижению святости личности вообще, в целостности. Одухотворенная личность, наполненная любовью к людям и окружающему миру, обладает мудростью, которая заключается, прежде всего, в том, что человек познает самого себя.

Правда, необходимо подчеркнуть, что в современном обществе, только совместно наука, религия и философия, способны найти оптимальное решение для благополучного будущего человечества. Это связано, прежде всего, с тем, что современное общество не мыслимо без научной или философской сферы, в которых задействовано колоссальное количество людей. И именно диалог этих сфер, по мнению евразийцев, поможет сблизиться, осознать необходимость духовного перерождения общества.

Примечания:

¹ Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно — экологическая цивилизация: устои и перспективы. Изд-во АлтГУ, Барнаул, 2001–240с.

² Сыркин А. Я. Упанишады. М., 2000 — 541с.

³ Дао. Гармония мира. М., 1999 — 861с.

А.Б. Цейзер, Е.Л. Цейзер

ВЫБОР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ТЕХНОГЕННЫЙ АПОКАЛИПСИС?

Развитие технологии является безусловным продуктом человеческой деятельности, порождением его творческой мысли, но освоение все новых и новых, к сожалению, узкоспециализированных технологических приемов приводит чаще всего к обратному эффекту. Благодаря изощренному препарированию материальных объектов человеческим разумом (что, собственно, лежит в основе технического прогресса), он, как это ни странно, изолируется от понимания общей картины мира и своего места в ней в глобальном философском смысле.

Человеческий взгляд на мир приобретает узконаправленный, а в связи с этим утилитарный, прагматический характер, который для большинства людей, занятых в массовом производстве общественного продукта, обеспечивающего материальное благосостояние всей цивилизации, связывает их духовный потенциал и определяет человека как функциональное приложение к общественно-производственной технологии непрерывного извлечения прибавочной стоимости.

Такой человек попадает в жесткую конструкцию предельно технологизированных отношений и, безусловно, приобретает вектор потери своей изначальной духовной связи с миром природы. Он рискует окончательно утратить свой природный дар — возможность найти себя в этом мире.

Духовный мир человека предельно суживается, и восприятие им многогранности жизни приобретают ограниченный характер. Если он когда-то и задавал себе главные жизненные вопросы, то теперь он, встраиваясь в общественную технологию и приобретая внешние атрибуты успешного современного человека, по существу теряет свою душевность, становится все более поверхностным и замкнутым в своих проявлениях. Происходит «...забвение духовной «вертикали» бытия и абсолютизация «горизонтального», «телесного» измерения мира»¹.

С другой стороны, мировая технологизация легко изменяет социальные взаимодействия, в том числе личную жизнь человека. Технологические прорывы, особенно в области электронных коммуникаций и компьютерных технологий, ломая устоявшиеся представления человека о времени и пространстве, бесцеремонно переключают управление внутренним миром человека на себя. В сложные моменты решения моральных и этических вопросов, жизненной неудовлетворенности, бессознательных попыток поиска своего основополагающего смысла ему на помощь приходит технологическая система, которая по заданному алгоритму решает за человека все его насущные проблемы. Она предлагает ему душевное спокойствие (хотя и мнимое) путем выключения человека из полноценной духовной жизни, доминируя над самооценочным человеческим решением.

Как известно, развитие техники всегда считалось определяющим условием материального благосостояния человека. Результатом являлось получение новых способов технологического извлечения благ. Однако само по себе развитие технологий по самым различным направлениям — это непрерывная, не всегда оправданная попытка человека перевести многообразие мира в сферу функциональных связей. В этом случае всегда необходимо проверять «алгебру гармонией», что на практике происходит достаточно редко.

Тем более, что использование технологического процесса в глобальном смысле ставит перед человеком уже вторичную задачу: как преодолеть последствия, которые наступают от использования «прогрессивных» технологических решений, с помощью которых он поддерживает свое материальное благополучие? Куда определить многочисленные отходы своей борьбы за материальный комфорт? Эти последствия, разумеется, нельзя оправдать тем, что человек отказывается признать за собой необходимость решения своей первичной задачи — определения своего места в мире. Эта необходимость пытается достучаться до человека всеми возможными способами, но он, увлекшись своим мнимым успешным технологическим переоборудованием живой природы, столь же настойчиво пытается этого не замечать.

Конечно, задача обретения себя, гармоничного сочетания своего внутреннего мира с миром внешним является куда более сложной, чем технологическое позиционирование своих материальных интересов в глобализированной сфере бездумного и бездушного воспроизводства материальных благ, большинство которых искусственно и агрессивно навязывается потенциальному потребителю.

«Как много в мире вещей, которые мне не нужны», — говорили древние мыслители. И, действительно, внутренне гармонизированный человек сознательно понимает и принимает разумное ограничение потребления, так как мир является сложной многомерной системой взаимодействий, требующей постоянной духовной работы человека для его понимания и сознательного осмысления. Многие из того, что человек перепроизводит для своего материального комфорта, используя плохо продуманные технологические решения, ставят под угрозу его собственное существование. Применяя тот или иной технологический процесс, человеку чрезвычайно трудно, несмотря на все его достижения, прогнозировать ответную реакцию среды его обитания.

Тем не менее нередко человеческий выбор происходит бедумно-механически, без элементарного осмысления. Он добровольно приносится в жертву бездумному копированию различных технически насаждаемых штампов и шаблонов, цель которых — оторвать человека от его исконных миропостигающих корней, снизить уровень межличностных и общественных отношений и традиций, низведя его до эрзаца материальных интересов. Такой выбор создает предпосылки для вакуумирования сознания, его стерилизации, для формирования сознания, оторванного от причастности к живым реалиям. Стерилизованное сознание лишается возможности ощутить свою имманентную жизненную ценность, глубинные поисковые цели. Оно вполне подготовлено для различного рода манипуляций, зомбирования.

Такое сознание крайне удобно, можно сказать, необходимо как в условиях производства ненужной продукции, так и в условиях ее потребления. И так может продолжаться до тех пор, пока не будет выработан материальный ресурс планеты.

Попадая в такой перевернутый мир и отрабатывая его закономерности, человек становится не активной духовной силой своего бытия, а пассивным приложением к технологическому способу существования мира машин, в котором его основной задачей является поддержание их рабочего цикла. Нельзя не согласиться в этом смысле с В. Шубартом, что «...если человек ощущает себя только материальным существом и уничтожает в себе вечное, он утрачивает дистанцию от вещного мира, попадает в его переплетения, становится куском материи в материальном мире...»².

Преодоление этого требует от человека необходимости найти возможность заглянуть за прагматический горизонт технического прогресса. Важно отойти от маниакального желания подмены человека машиной, по крайней мере в тех областях, где право на

существование имеет только человеческое начало, которое, вероятно, и существует для того, чтобы пройти определенный ему путь без лукавых попыток заместить себя плохо сработанным суррогатом, который и является таковым по причине непонимания самого себя и сущности своего бытия.

Примечания

¹ Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы: Монография. Барнаул. 2001. С. 11.

² Шубарт В. Крушение Запада // Алтайский вестник. Барнаул. 2004. С. 9.

Я.Ю. Шашкова

РОЛЬ ПАРТИЙ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИЗАЙНЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Уже около пятнадцати лет Россия находится на пути демократической трансформации. И если в политическом сознании и политической культуре общества демократическая компонента пока незначительна — граждане, как показывают опросы, доверяют Президенту РФ, армии и церкви, а не представительным органам власти и партиям, — то институциональный каркас российской политики внешне носит вполне демократический характер. Подобный разрыв между доверием партиям и их ролью в политическом процессе преодолевали все страны первичной модернизации в XVIII–XIX вв., предстоит это сделать и нам, тем более что при доверии партиям на уровне 5–7% большинство опрошенных отрицают возврат к однопартийной системе и связывают будущее российской демократии с многопартийностью. По данным Левада-центра, в 1999 г. таковых насчитывалось 57%, в то время как в 2004 г. — 66%.

Конечно же, прошедшие в декабре 2003 г. выборы в Государственную Думу, а затем выборы Президента РФ продемонстрировали резкое сужение поля публичной политики, ограничение конкуренции как важнейшего фактора становления и функционирования демократии. Тем не менее межпартийное соперничество все-таки имело место хотя бы в виде борьбы брендов и некоторой попытки представительства партиями социальных интересов, что позволяет констатировать сохранение роли партий в институциональном «дизайне» в период выборов, а также в функционировании законодательных органов власти, особенно на региональном уровне.

Правда, сегодня некоторые отечественные и западные исследователи отмечают постепенную утрату парламентами своих политических позиций, особенно в процессе принятия решений, по сравнению с исполнительными органами и группами давления, считая, что законодательные структуры только ратифицируют решения, принятые другими субъектами. В связи с этим делается

вывод о централизации институционального дизайна, сокращении роли партийно-гражданских институтов в этом процессе и о наметившейся в нашей стране тенденции к формированию новой партийно-государственной номенклатуры с акцентом все же не на партийность, а на государственный статус.

Несмотря на это, полностью роль партий в институциональном дизайне современной российской политики никто не отрицает. И действительно, с 1993 г. на федеральном уровне действует смешанная система формирования Государственной Думы. Проводившиеся в нее выборы каждый раз реально становились как толчком к образованию новых партий и блоков, так и «фильтром» для мелких партий-клиентелл. Общество предъявляло к партиям и их кандидатам все более четкие требования, на последних же выборах партии не только отвечали на них, но и проверяли свои шансы преодоления 7% барьера, вводимого с 2007 г. Увеличилось на выборах 2003 г. и количество выдвигавшихся от партий кандидатов в одномандатных округах, в результате чего партийные выдвиженцы в целом составляют в Думе 81,6%.

Но то, что уже устоялось на федеральном уровне, лишь осваивается на региональном. Как показывает пример нашего края, переход на смешанную систему формирования представительного органа власти также заметно стимулировал партийную активность, особенно при утверждении 7% барьера на выборах в Алтайский краевой Совет народных депутатов (КСНД). Сместились и акценты партийной деятельности — выборы в Государственную Думу из самостоятельной акции превратились в репетицию, своеобразный праймериз, региональных выборов, когда партии стремились набрать более 7% уже в декабре 2003 г. В результате не только краевой комитет КПРФ, но и другие партийные организации стали налаживать систему постоянного взаимодействия с электоратом, открывать общественные приемные, активнее привлекать новых членов и сторонников, укреплять местные организации. Больше внимания стало уделяться и профессионализму партийной работы, особенно в области взаимодействия со СМИ, повышению квалификации партийных кадров. Так, например, региональные отделения СПС и «Яблоко» регулярно обучают своих функционеров и активистов в Москве и других крупных городах, а аппарат «Единой России» проходит переподготовку не только по партийной линии, но и структурам государственной службы.

Переход в крае на смешанную систему с высоким избирательным барьером привел к появлению в нашем политическом пространстве и еще одной общедемократической тенденции — блокирования

нескольких мелких партий или объединения нескольких мелких вокруг одной крупной партии, что еще несколько лет назад считалось неосуществимым из-за больших личных амбиций региональных или федеральных лидеров. В результате на выборах в КСНД конкурировали только 6 партий и блоков из 35 зарегистрированных в крае.

Увеличилось участие партий и в борьбе в одномандатных округах. Это было связано с тем, что по новому избирательному законодательству осталось только два способа выдвижения кандидатов — от партии и самовыдвижение (последний не очень приветствуется в массовом сознании), а также тем, что кандидаты, выдвинутые партиями, набравшими более 2% голосов на выборах в Государственную Думу, могли регистрироваться без сбора подписей, чем, например, воспользовались кандидаты от «Единой России». Поэтому если раньше кандидаты скрывали свою партийную принадлежность, выдвигаясь от «групп избирателей», то весной 2004 г. по 34 одномандатным округам партиями было выдвинуто 42% кандидатов, в том числе «Единой Россией» — 28 человек (избрано 11 депутатов), блоком КПРФ и АПР «За наш Алтай!» — 25 (избрано 6), блоком «Яблоко + СПС» — 8, ЛДПР — 5, партией «Единение» — 3 и другими партиями и блоками (партией ЖИЗНИ, «СОЮЗ», блоком «В поддержку Президента» и т.д.) — 9 кандидатов.

В итоге в краевом Совете народных депутатов сразу оформились две почти равновесные фракции — коммунистическая (18 депутатов) и «единороссовская» (23 депутата), закрепив статус партий как субъектов регионального законотворческого процесса. В КСНД же прежнего созыва первоначально по партийному принципу существовала только «левая» фракция «За народовластие», фракция «Единой России» сложилась позднее на базе депутатской группы «Союз промышленников».

Большую роль стали играть партии и в контроле над избирательным процессом, в частности, в формировании избирательных комиссий разного уровня. Так, по данным ЦИК России, из 70 сформированных в 2003 г. комиссий субъектов Федерации представители КПРФ были включены в 69 комиссий, блока «Отечество — Вся Россия» — в 69, СПС — в 68, блока «Единство» — в 66, ЛДПР — в 63, партии «Яблоко» — в 62 комиссии, что в целом составило 61% от общего числа назначенных членов комиссий.

Аналогичные процессы наблюдались и в Алтайском крае. При формировании 77 территориальных избирательных комиссий партия «Единая Россия» выдвинула 71 кандидата, КПРФ — 64, «Яблоко» —

40, ЛДПР — 25 и «Отечество — Вся Россия» — 9, что свидетельствует об осознании партийными организациями важности данного направления своей деятельности.

Таким образом, все же можно говорить о постепенном осознании серьезной роли партий в институциональном «дизайне» российской политики. На современном этапе партии как институты завершили процесс становления, расширив поле своей деятельности за рамки федеральных выборов представительных органов власти. Они начинают контролировать и региональный уровень, систему избирательных комиссий, ряд общественных организаций, что логично подвело их осенью 2003 г. к требованию передачи партиям и процесса формирования и контроля над исполнительной властью.

Вместе с тем, как справедливо отмечал в одном из выступлений В. Петухов, при демократизации процесс важнее результата. «Демократия — это игра с «открытым финалом», а потому необходимо учитывать не только количественные показатели партийной работы и присутствия партий в различных органах власти, но и степень их реальной вовлеченности в процессы принятия решений и политической социализации. А именно здесь наблюдаются пока наибольшие проблемы. Партии так и не могут стать перманентными посредниками между обществом и государством, структурировать политическое поле, чтобы через него можно было продвигать общественные интересы и осуществлять социальный контроль над политикой государства. Достигнут ли они этого, покажет время и общая логика развития российской демократии.

ПОНЯТИЕ И ПРИОРИТЕТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД 2001–2003 ГГ.)

Становление общероссийского правового пространства невозможно без целенаправленной и эффективной государственной политики, управляемости государства, равно как и формирование права и всех его институтов. С другой стороны, последовательное проведение конструктивной региональной правовой политики служит также предпосылкой формирования единого устойчивого правового пространства, во многом определяя его.

Правовая политика — один из важнейших видов политики, направленных на упорядочение правовой сферы, несущей, в свою очередь, цивилизованность и порядок экономическим, социальным, национальным и иным отношениям. Она является особой формой выражения государственной политики, средством юридической легитимации, закреплением и осуществлением политического курса страны, а также государственной воли¹. Целью правовой политики является правовое обеспечение правовых реформ. Воплощается она в нормативно-правовых актах, направлена на охрану и защиту данного политического и социального строя, развитие общественных отношений в нужном направлении. Правовая политика является мощным средством преобразования общества.

Содержание правовой политики обширно и богато, оно включает в себя множество компонентов: это и стратегия законодательства, и принципы правового регулирования, и судебно-правовая реформа, совершенствование государственности, упрочение законности, правопорядка, дисциплины и многое другое. Правовая политика призвана управлять процессами правового развития конкретной страны, повышать степень упорядоченности и организации юридического бытия. Тактически она направлена на совершенствование самих юридических средств и механизмов, а стратегически — на использование правовых инструментов для обеспечения наиболее оптимального развития отношений в различных сферах жизни общества.

Основным субъектом правовой политики является государство в лице его общефедеральных и региональных органов. Именно государство выполняет основной объем правотворческой и правоприменительной деятельности. Кроме того, к субъектам правовой политики следует отнести также органы местного самоуправления, которые стремятся реализовать свои собственные цели и задачи также на основе последовательного использования правовых средств.

Региональная правовая политика является составной частью правовой политики России (ст. 5 Конституции РФ закрепила несколько новых самостоятельных субъектов права — субъектов РФ). Целью ее является формирование полноценной и эффективной правовой системы региона. Происходящие в последние годы преобразования в Российской Федерации сопровождаются некоторым принципиальным обновлением региональной правовой политики и определением её приоритетов.

В правовой политике Алтайского края можно выделить следующие приоритеты:

1. Законопроектная деятельность в области государственного устройства Алтайского края, местного самоуправления, правоохранительной деятельности, судебной системы, непосредственного волеизъявления граждан, охраны прав и законных интересов граждан. Были разработаны следующие законы: «О статусе административного центра Алтайского края»; «О народной законодательной инициативе в Алтайском крае». Продолжалась работа над проектами законов, регулирующих выборное законодательство: «О порядке досрочного прекращения полномочий (ропуска) представительных органов местного самоуправления», «Об Алтайском краевом Совете народных депутатов». Принят закон «О порядке исчисления сроков избрания главы администрации Алтайского края», который в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»² установил, что срок, на который глава администрации края был избран 26 марта 2000 г., является первым сроком его избрания на эту должность. Одним из важных шагов является разработка и принятие Кодекса Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов и выборных должностных лиц, по которому в марте 2004 г. были проведены выборы в органы государственной власти края и органы местного самоуправления. Кодексом введена смешанная избирательная система по выборам в краевой Совет народных депутатов, при которой одна

половина депутатов избирается по одномандатным избирательным округам, а вторая — по единому краевому избирательному округу, пропорционально числу голосов, поданных за краевые списки кандидатов, выдвинутых политическими партиями, избирательными блоками. При этом использована избирательная система закрытых списков, при которой избиратель голосует за весь список кандидатов в целом, без разделения его на региональные части. Заградительный пункт, т.е. минимальный процент голосов от общего числа проголосовавших избирателей, которые должен набрать список кандидатов для того, чтобы быть допущенным к распределению депутатских мандатов, установлен равным 7%.

Проведена значительная работа по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральными законами. В соответствии с Указом Президента РФ «О дополнительных мерах по обеспечению единого правового пространства Российской Федерации»³ высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ обеспечивает направление в Министерство юстиции Российской Федерации копий нормативных правовых актов субъекта не позднее семи дней после их принятия, а также официальных изданий, в которых публикуются нормативные правовые акты субъекта, для включения этих правовых актов в Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

В этой связи региональный закон дополнен статьей, предусматривающей, что глава администрации края обеспечивает направление копий законов и иных нормативных правовых актов Алтайского края в Министерство юстиции Российской Федерации в течение семи дней после их подписания для включения нормативных правовых актов в Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Достаточно широкий общественный резонанс имело принятие закона края «Об Уполномоченном по правам человека в Алтайском крае». Подобные законы приняты в относительно небольшом количестве субъектов Федерации. Учреждение должности Уполномоченного положительно скажется на дополнительном обеспечении гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина на территории края, их соблюдения и уважения органами государственной власти, иными государственными органами, органами местного самоуправления, коммерческими организациями, должностными лицами.

Продолжалась работа, связанная с совершенствованием судебной системы и становлением в крае института мировых судей.

Большое значение имело принятие Закона Алтайского края «Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края». Закон устанавливает ответственность за совершение 69 составов правонарушений. В их числе — за нарушения правил содержания собак, продажу или приобретение крепких спиртных напитков домашней выработки, потраву посевов, безбилетный проезд в городском пассажирском транспорте общего пользования, обман потребителей на рынках.

2. Подготовка законодательных инициатив в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, а также заключений и предложений по проектам федеральных законов. Краевым Советом были подготовлены следующие проекты федеральных законов, которые были направлены в Государственную Думу в порядке законодательной инициативы:

— о внесении дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (установление ответственности за нарушение законодательства о профессиональных союзах, предоставление должностным лицам региональных и муниципальных контрольных органов права составлять протоколы об административных правонарушениях);

— о внесении изменения в статью 20 Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» (расширяется перечень оснований, по которым гражданин не может быть принят на муниципальную службу и находиться на ней);

— об отнесении пива к алкогольным напиткам.

3. Участие в осуществлении основных направлений государственной политики в области развития местного самоуправления.

В июне 2004 г. была создана комиссия с целью совершенствования системы взаимодействия краевых органов государственной власти с органами местного самоуправления. Комиссия будет работать сразу по нескольким направлениям. Основные из них — территориальная организация местного самоуправления в Алтайском крае, разграничение полномочий между краевой и местной властью, экономические основы местного самоуправления, определение статуса должностных лиц местной власти. Председателем комиссии стал глава администрации края. В ее работе примут участие структурные подразделения администрации края, КСНД, политические, общественные организации и объединения, ученые, эксперты, специалисты, а также представители власти на местах.

4. **Взаимодействие с правоохранительными и судебными органами.** В связи с принятым в июне 1999 г. Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», комитетом по правовой политике и местному самоуправлению КСНД совместно с администрацией края и субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних была поставлена задача в 2003 г. в рамках комплексной программы «Дети Алтая» разработать и внести на рассмотрение краевого Совета народных депутатов программу «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Алтайском крае на 2003–2006 гг.».

5. Контроль за исполнением законов края и постановлений краевого Совета народных депутатов.

Таким образом, приоритетным направлением правовой политики Алтая является дальнейшее формирование и совершенствование правовой системы края. Наличие в политике определенных приоритетов позволяет расставить акценты, избрать верные средства и методы достижения поставленных целей и задач, сконцентрироваться на главном, а кроме того, дает возможность интегрировать усилия всех субъектов в процессе выработки и реализации стратегических правовых идей, что, несомненно, должно положительно отразиться на качестве проводимой в крае правовой политики.

Примечания

¹ Матузов Н.И. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 78.

² Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ: ФЗ от 6 октября 1999 г. №184-ФЗ (с изм. и доп. от 29 июля 2000 г., 8 февраля 2001 г., 7 мая, 24 июля, 11 декабря 2002 г., 4 июля 2003 г.) // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

³ О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 августа 2000 г. N 1486 // Рос. газ. 2000. 16 авг.

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Участие России в современных интеграционных процессах в Европе и мире, трансформация национальных государственных, образовательных структур и сферы культуры по европейским аналогам как бы реанимируют проблему самоидентификации России как европейской страны или как самобытной евразийской державы.

Как и в прошлом, для страны важно сейчас, чтобы при ликвидации технической и технологической отсталости, заимствуя лучшее в европейском образовании и европейской культуре, не потерять свое национальное своеобразие, избежать опасности резкого ухудшения жизненных условий населения, культурного раскола общества, как после петровских реформ и реформы конца XIX в.

Насильственная и односторонняя европеизация России, проводимая имперским государством в интересах очень немногочисленной социальной прослойки при обнищании и социальной деградации большинства населения, таила огромную опасность гражданских волнений в будущем.

В XIX в. русская культурная элита в лице декабристов, славянофилов и первых представителей народничества осознала опасность механического переноса европейского опыта на русскую почву, стремилась сгладить издержки европеизации, преодолеть искусственный барьер между образованным обществом и народом путем органичной модернизации России и всестороннего развития народного образования.

Возникновение идеологии бескорыстного, жертвенного служения народу в среде высшей аристократии в России — явление во многом уникальное. Как отмечает современный автор: «Никто почему-то не спросил себя, как могло случиться, что в эпоху крепостного права помещик, для которого все его Герасимы и Палашки были тем же, что негры для американского плантатора... который в лучшем случае должен был ощущать себя отцом родным своим темным и забитым чадам, — чтоб этот «самодержец в миниатюре» вдруг преклонил колена перед мужиком, как перед учителем? Чтоб интеллигент —

дворянин иступленно возглашал, что вся мысль страны пребывает в простом народе»¹.

Идея служения народу, безусловно, не была чужда великому русскому писателю Л.Н. Толстому. В литературе, в том числе и у современных авторов, Л.Н. Толстого рассматривают как выразителя интересов реакционного или либерально настроенного дворянства, затем как выразителя интересов патриархального крестьянства². В любом случае, как прямого или косвенного противника социального прогресса в идеологии европейского капитализма. Безусловно, это упрощенный образ.

Высоко оценивая европейскую культуру, достижения прогресса и необходимость демократических преобразований, что видно уже по его дневникам периода Крымской войны, Л.Н. Толстой рано пришел к мысли о служении народу в литературе и в области образования, сближая при этом Европу и Россию. Не случайно Л.Н. Толстой совершил поездку в Европу с целью изучения опыта европейского образования, изучая при этом и политическую жизнь европейских народов, которая при всех ее плюсах была далека от желаемого идеала. С другой стороны, Л.Н. Толстой прекрасно понимал, что государство не могло справиться с проблемой эффективной модернизации страны. Реформа 1861 г. и последующие реформы подтвердили худшие опасения писателя. Крестьян освободили без земли, фактически без прав гражданства, сохраняя при этом средневековый институт крестьянской общины, против которой был настроен Л.Н. Толстой³. Картину дополняло однобокое развитие экономики страны вокруг казенных заказов, строительство железных дорог при обнищании населения, заброшенность народного образования и медицины.

Кроме того, проблему модернизации осложняла немецкая династия на троне, для которой Россия в культурном отношении была второстепенной державой. Как и А.И. Герцен, который подробнее всего описал эту проблему в статье «Русские немцы и немецкие русские», Л.Н. Толстой разделял тревогу за судьбу своей Родины при этом сильном иностранном, «западническом» влиянии на государственную власть⁴.

Л.Н. Толстой прекрасно понимал, что не во всем Россия — отставшая страна, во многом она просто не сходна с европейскими странами. Следы этой мысли в публицистике Л.Н. Толстого, в его художественных произведениях. Характерно для Л.Н. Толстого обличение поверхностного, «салонного», малополезного для народа России, усвоения высшим обществом плодов европейской культуры. Кроме того, Л.Н. Толстой показывал в своих произведениях

ничтожное влияние европейской культуры на низшие социальные слои русского общества, незаинтересованность этих низших слоев в прогрессивных преобразованиях в России в условиях XIX в.

В творчестве Л.Н. Толстого угадывается русский максимализм. Великий писатель желал не только того, чтобы прогресс был доступен для всех сословий русского общества. Он мечтал, чтобы благодаря органичной модернизации, когда соединятся плюсы европейской образованности и русской духовности (которая во многом была результатом исторического опыта русского народа, вынужденного взаимодействовать с различными этносами на протяжении своей многовековой истории), при всестороннем образовании низшие классы вообще слились бы с высшими на более высокой ступени общественного развития⁵. В этой мысли он был не одинок в XIX, начале XX в. Это не случайно, потому что Россия, отставая от Европы в социально-экономическом и политическом развитии, могла бы избежать многих европейских ошибок благодаря эффективному анализу европейского опыта и уважения к собственным национальным традициям.

Примечания

¹ Янов А.Л. Патриотизм и национализм в России 1825–1921. М., 2002. С. 159.

² См. например: Ленин В.И. О Л.Н. Толстом. М., 1972; Шифман А.И. Лев Толстой — обличитель буржуазной культуры. Тула, 1960; Ячевский В.В. Общественно-политические взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж, 1983; Фойер К.Б. Генезис «Войны и мира». СПб., 2002 и др.

³ Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: В 90-ти т. М., 1992. Т. 47. С. 58, 69, 209.

⁴ Там же. Т. 47. С. 74.

⁵ Там же. Т. 8. С. 247.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ РАННИХ СЛАВЯНОФИЛОВ

Значимость славянофильства как явления в истории русской мысли определяется прежде всего тем, что именно с него принято начинать отсчет существования самостоятельной философии в России. На этом сходятся и авторы широко известных обобщающих трудов по истории русской философии дореволюционного и эмигрантского периодов Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, С.А. Левицкий, Г.В. Флоровский, А.И. Введенский, Н.П. Полторацкий, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет, Н.А. Бердяев и современные исследователи, в частности, А.В. Гулыга.

На наш взгляд, действительно, можно говорить о самостоятельной русской философии именно со второй четверти XIX в., с того момента, когда Россия начинает осмысливать себя как особую цивилизацию и культуру, или, как тогда говорили, особый тип просвещения. А каждому типу просвещения соответствует свой тип человека. И славянофилы как раз стремятся понять, что же представляет собой этот русский антропологический тип, чем он принципиально отличается от западного, каково должно быть устройство государства и общества, чтобы соответствовать этому антропологическому типу. Нельзя не признать явную социально-политическую направленность славянофильской антропологии. Таким образом, политическая антропология является переходным моментом от богословия славянофилов собственно к их политической теории. Славянофилы выработали антропологический принцип, ставший впоследствии характерным для всей русской общественной мысли XIX в., но в особенности — для религиозной философии. Этот принцип заключается в увязывании состояния конкретного общества в целом и его политической системы с определенным «политическим типом» человека. Отсюда следует: какие-либо изменения в государственном и общественном устройстве могут быть произведены только с учетом «политического типа», присущего определенному обществу. Данный тезис представляется чрезвычайно актуальным в современных российских условиях.

Если говорить о славянофильской политической антропологии в целом, то прежде всего она отвергает индивидуализм и индивидуалистические ценности. «Отдельная личность, — писал Алексей Степанович Хомяков, — есть совершенное бессилие и внутренний непримиримый разлад»¹. Лишь в «живой», нравственной связи с идеальной социальной общностью — церковью — личность обретает свою силу². Способность к разумной и справедливой организации государства и общества, как и всякая иная способность, хотя и проявляется в отдельном человеке, но на самом деле является функцией церкви. Иными словами, политический талант вне церкви реализует себя всегда частично и неполно. В антропологии славянофилов ясно выражен примат социума над личностью. «Каково бы ни было... значение мнений личных, — писал Хомяков, — оно не может равняться по важности с проявлениями мыслей общественных»³. Политика, фактически проводимая одним человеком, должна «вырастать на виду, сочувственным содействием общего единомыслия»⁴.

Славянофильское учение о личности в политике тесно связано со святоотеческой антропологией. В основе последней лежит исконный христианский антропологический дуализм, представляющий человека как бы состоящим из двух существ, всегда враждующих между собой и оспаривающих человека друг у друга в течение всей его жизни. Как известно, христианство видит в человеческой душе постоянную борьбу двух начал: земного и небесного, тленного и бессмертного, животного и божественного. Из этого дуализма вырастает учение Хомякова о двух коренных типах личности: иранском и кушитском. Вся история движется под знаком этих двух типов, и каждому из них соответствует определенная политическая организация общества. Философ-славянофил утверждал, что в отдельной личности, как и в обществе в целом, всегда идет борьба двух противоположных начал — свободы и необходимости. Политический тип человека складывается под влиянием преобладающего из этих начал.

Но одно стремление к свободе (присущее иранскому типу) еще не делает личность по-настоящему свободной. И только на почве христианства, только в церкви раскрывается подлинная свобода, просветленная божественной благодатью. Непросветленная же свобода — прямой путь к хаосу. Эта свобода, говорит Хомяков, «есть или свобода сомнения, проявляющаяся в том, кто, зная себя, сознает свою немощь, или свобода нелепой веры в себя, проявляющаяся в том, кто творит себе кумир из своей гордости. В том и другом виде это, пожалуй, тоже свобода, но иного рода, свобода без благословения

Божия, свобода в смысле политическом, а не в смысле христианском (курсив наш. — М.Ш.)»⁵.

Трагизм человеческой жизни, по Хомякову, заключается в том, что люди призваны к истинной свободе, одарены ею, но в то же время сами ищут такого духовного и социально-политического устройства, в котором царит необходимость. Исходя из свободы воли как «свободы выбора между любовью к Богу и эгоизмом, иными словами: между правдою и грехом», Хомяков объясняет грехопадение человека и человечества: «Этим выбором определяется окончательное отношение конечного разума к его вечному источнику, т.е. к Богу»⁶. Свобода воли отдельно взятого индивида, в славянофильской трактовке, по существу оказывается свободой греха, так как все благое и истинное в человеке проистекает не из его личных побуждений, а от божественной благодати, дурные же поступки человек совершает по собственному разумению. Человек пал по собственной воле, но подняться своими силами не может. Даже после искупительной жертвы Христа греховная склонность человека, как плод его свободы воли, осталась в его природе. Будучи предоставленным своей воле, человек все равно не смог бы «устроить» свой дух по закону любви. Для достижения этой цели ему нужны сверхъестественные силы, и они даны ему в церкви⁷.

Проблема антропологического дуализма, перерастающего в дуализм политических типов человека, присутствует в политической антропологии всех «старших» славянофилов. В трудах И.В. Киреевского исконный христианский антропологический дуализм выразился в противопоставлении «внутреннего» и «внешнего» человека. «В глубине души, — писал Киреевский, — есть живое общее средоточие для всех отдельных сил разума, сокрытое от обыкновенного состояния духа человеческого»⁸. «Внутренний» человек, по мнению мыслителя, это подлинная духовная сущность жизни, которая включает в себя все подлинно человеческие чувства: любовь к Богу и ближнему, чувство долга, справедливости, красоты. «Внешний» же — это своего рода маска, а точнее, — множество масок, которые каждый надевает в обществе. Нередко эти внешние образы (социальные роли) противоречат друг другу и глубинному «я», что вызывает, говоря современным языком, экзистенциальный конфликт. «Внутренний» человек — это та ипостась, которая духовно объединяет индивида с человеческим родом и в то же время заключает в себе корень индивидуальности и условие ее своеобразия. В повседневной жизни это начало «скрыто» от человека, но ему необходимо «искать» в себе свое внутреннее содержание. «Внутренний» человек отделен от «внешнего» не в силу их

онтологической разнородности, а в силу власти греха, являющейся следствием свободы воли⁹.

Политический тип человека зависит от того, властвует ли в нем грех или нет. Киреевский решительно провозгласил верховенство моральной сферы души над всеми остальными ее сферами, а отсюда — верховенство этики над политикой. Человек должен стремиться преодолеть «естественное разъединение» своих душевных сил, собрать их все воедино. Если этой внутренней борьбы, этого стремления к цельности уже нет в человеке, — значит, он безусловно подчинен греху, его моральное здоровье утеряно. Исходя из этого макиавеллевский принцип отделения морали от политики является для Киреевского и для славянофильства в целом принципом отделения содержания от формы, созданным для оправдания утраты западным обществом морального здоровья.

Киреевский характеризует политический тип «внеморального» человека как тип, для которого «внешняя деятельность» ценится превыше всего, и очень мало внимания уделяется ее «внутреннему смыслу»; для которого гордость является главной добродетелью; для которого единственным руководством в политической деятельности служит его личное логическое убеждение. В чистом виде этот тип существовал, по мнению Киреевского, только в древние времена и соответствовал в полной мере лишь одному государственному устройству — римскому государству. Римлянин «понимал себя относительно своих сограждан» так же, как его великий Рим понимал себя относительно других государств: «равно готовый на союз и на войну, он решался на то и на другое по указанию расчета, постоянно слушая внушения той страсти, которая обыкновенно господствует внутри ума сухо-логического и корыстно-деятельного: я говорю о страсти преобладания над другими»¹⁰. «Страсть преобладания над другими», или, иначе говоря, воля к власти является главной отличительной чертой политического типа, характеризующегося у Киреевского преобладанием «внешнего» человека над «внутренним», а в классификации Хомякова названного кушитским.

Разумеется, христианство «при самом своем появлении» коренным образом противоречило тенденции развития личности в сторону усиления воли к власти и отрицания морали в политике и других сферах деятельности. Но, по словам Киреевского, «излишество логической способности» в западном мире, «или, лучше сказать, отделение этой способности от других сил разума», увлекло Запад в ту крайность, «где его учение уже оторвалось от учения чисто христианского»¹¹.

Говоря об отличии западного человека от русского, Киреевский прежде всего указывает на «добровольное, постоянное... стремление к

умышленному раздвоению внутреннего самосознания» в западном человеке, на отделение в его душе моральной сферы от сферы познания и от всякой практической деятельности. Вследствие этого западный человек «почти всегда доволен своим нравственным состоянием»¹².

Русский же человек постоянно требует от себя нравственного совершенствования. Он «всегда живо чувствует свои недостатки и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою»¹³.

Киреевский считал, что идеальный политический тип личности, в котором «внутренний» человек безусловно преобладает над «внешним», воплотился на Руси в допетровское время. Этому типу личности соответствовал тогда идеальный тип государственного устройства — народная патриархальная монархия, организованная на началах любви к Богу и к ближнему. Русский человек никогда не искал власти, зная, что власть над людьми принадлежит только Богу, он никогда не стремился к политической свободе, предпочитая ей свободу нравственную¹⁴.

С привнесением в русскую жизнь чуждых ей начал западной культуры, русское государство перестало соответствовать требованиям политического идеала. «Образованное общество» также отошло от древних норм политического сознания и политического поведения. Но в народной жизни исконно русский политический тип человека сохранился нетронутым, и это внушало Киреевскому надежду, что если с помощью разумных преобразований, в том числе используя плоды западной «учености», перестроить государство и «воспитать» высшие слои общества в духе русского просвещения, то народ России сможет вернуть себе утраченную гармонию социально-политических отношений.

Хомяков не был согласен с Киреевским в том, что идеальный политический тип человека (иранский — в антропологии Хомякова) когда-либо был воплощен в реальной исторической действительности. Поскольку человеку всегда была свойственна склонность к греху, искание духовной свободы всегда было затемнено в нем большей или меньшей примесью устремления к необходимости. Но Хомяков связывал свои надежды с будущим соборным обществом и нравственным государством, где будет снято противоречие между свободой и необходимостью.

Итак, в политической антропологии славянофилов необходимо выделить два основных аспекта. Во-первых, это тема связи личности с обществом. «Все, что есть существенного в душе человека, — писал Киреевский, — вырастает в нем общественно»¹⁵. Для славянофилов не

подлежит сомнению решающая роль общества и церкви как социального организма в обретении человеком внутренней целостности и способности к познанию истины.

Второй важнейший элемент славянофильской политической антропологии — учение о целостности в человеке. Человек должен стремиться «собрать все отдельные силы души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где и разум, и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность в ее первоначальной неделимости»¹⁶. Достижение «нравственной цельности» является условием «снятия» антропологического дуализма, преодоления противоречия между «внутренним» и «внешним» человеком (Киреевский), между иранским и кушитским типами личности (Хомяков). Если каждый из людей, составляющих общество, стремится к достижению внутренней цельности духа, то тем самым он преобразует общество и государство и способствует достижению социально-политического идеала.

Примечания

¹ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1900. С. 161.

² См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. 4. 1. С. 203.

³ Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. М., 1994. Т. 2. С. 165.

⁴ Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 227.

⁵ Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. С. 191.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ См.: Благова Т.И. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский. Жизнь и философское мировоззрение. М., 1994. С. 84.

⁸ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1911. С. 250.

⁹ Зеньковский В.В. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Киреевский И.В. Избранные статьи. С. 210.

¹¹ Там же. С. 211.

¹² Там же. С. 234.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 230.

¹⁵ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 254.

¹⁶ Там же. С. 275.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА В.В. ПУТИНА: НОВЫЕ ЗАДАЧИ — СТАРЫЕ МЕТОДЫ

В 2000 г. В.В. Путин в ходе президентской избирательной кампании сформулировал два основных направления своей деятельности в качестве Президента РФ. Это всестороннее укрепление государственности и усиление роли законов в жизни общества («диктатура законов»). Путин считал, что только лишь при решении этих двух задач возможно осуществление всех реформ в любой сфере деятельности. В принципе такая постановка вопроса не могла вызвать особых возражений. Однако сразу же в СМИ, научном сообществе появились предостережения о том, что за этой позицией могут скрываться авторитарные тенденции. Такие оценки появились прежде всего в связи с тем, что Путин, провозгласив эти две задачи как первоочередные, в то же время подробно не разъяснил, что он под ними подразумевает, хотя общих заявлений о верности демократическим принципам было более чем достаточно.

К реализации вышеназванных задач В.В. Путин приступил практически сразу после своей победы на президентских выборах. При этом он успешно использовал то, что в новой Государственной Думе сложилось устойчивое пропрезидентское большинство. Были предприняты решительные меры по проведению регионального законодательства с федеральным. Ликвидирован Совет Федерации в том виде, в котором он возник при Ельцине как уступка региональным элитам. Через Думу был проведен закон, позволяющий отстранять от исполнения своих обязанностей глав исполнительной власти субъектов Федерации и распускать местные законодательные собрания в случае нарушения федерального законодательства. Были созданы семь федеральных округов (своеобразные прообразы возможного возрождения губернской системы, построенной по территориальному принципу), достаточно жестко контролируемых из центра. Начались наноситься первые удары по олигархам. Из-под контроля глав региональной исполнительной власти были выведены назначения руководителей МВД и гостелерадио в регионах. Осуществлен и еще ряд мер. В целом шаги, предпринятые В.В.

Путиным, получили поддержку в российском обществе. Одновременно в ходе осуществления перечисленных выше мер проявились некоторые особенности, которые стали оказывать все большее влияние в последующие периоды. Во-первых, произошло резкое усиление позиций центра по отношению к регионам. Фактически жизнь регионов практически полностью стала контролироваться из центра вне зависимости от того, какого цвета власть в регионе. Это наглядно проявилось в том, что кремлевская администрация времен Путина, в отличие от ельциновской, не придавала особого значения тому, какую политическую платформу разделяет тот или иной кандидат в губернаторы. Своеобразным проявлением этой тенденции стало шествие силовиков во власть. В целом названные опасения в значительной степени оправдались: в политической жизни страны заметно усилилась авторитарная составляющая. В результате перечисленных мер произошло перемещение многих рычагов власти из рук губернатора в руки центра, и заметно расширились возможности центра оказывать давление на региональные власти.

Во-вторых, реформы, проводимые Путиным, не касались каждого гражданина в отдельности. Однако было ясно, что таких реформ не избежать, при этом они будут носить, скорее всего, непопулярный характер. Это позволяет сделать предположение, что такие реформы будут реализовываться во второй президентский срок, когда давление предстоящих выборов будет отсутствовать. Косвенным подтверждением стало обсуждение в конце первого президентского срока концепции возможного реформирования ЖКХ.

В третьих, масштаб заявленных реформ в самом начале первого президентского срока свидетельствовал о том, что работа над ними будет продолжаться и далее срок. Так, наработки комиссии Козака, уже в силу временных рамок, можно реализовать только в новом президентском периоде.

Начало второго президентского срока показало сохранение и усиление этих особенностей. Авторитарная тенденция, в частности, нашла отражение в обсуждении и принятии закона о референдуме. Административная реформа направлена на совершенствование механизма авторитарного управления в высших эшелонах власти.

Представляется, что эта тенденция будет сохраняться и дальше, хотя бы потому, что те реформы, которые с ней связаны, необходимо заставить работать в полную силу, а для этого требуется определенное время. Вопрос состоит лишь в том, насколько эта тенденция будет усиливаться.

Появились законы, непосредственно затрагивающие жизненно важные интересы миллионов граждан России, которые вызвали, мягко говоря, неоднозначную реакцию в обществе. Эти законы о замене социальных льгот денежными выплатами и решении жилищной проблемы.

Однако главной интригой президентского срока Путина, которая в значительной степени будет определять политическую жизнь страны, станет поиск «наследника», способного продолжить курс нынешнего президента.

Список участников конференции

Баркалов В.Я., канд. филос. наук, профессор, академик САПН, АлтГУ

Бобровин Ю.А., доктор техн. наук, профессор, АГАУ

Бобровина Г.М., медицинский психолог, Детская больница №1

Гордеева И.В., канд. биол. наук, доцент, УГЭУ

Дерюжина Е.В., аспирант кафедры политологии, АлтГУ

Заусаева Н.А., канд. филос. наук, доцент, АлтГУ

Зайцев К.Л., ст. преподаватель, кафедра философии ВКГТУ.

Иванов А.В., доктор филос. наук, профессор, АГАУ

Ильин В.Н., аспирант кафедры политической истории, АлтГУ

Коваленко Л.Г., канд. филос. наук, доцент, АлтГУ

Кунгурова О.Ф., канд. филос. наук, доцент, АлтГУ

Ларин Б.В., заместитель председателя Алтайского краевого Совета народных депутатов

Маточкин Е.П., старший научный сотрудник, канд. искуств., Горноалтайский национальный музей

Меженина О.В., аспирант кафедры политической истории, АлтГУ

Моцелков Е.Н. доктор полит. наук, профессор, зав. каф. истории социально-политических учений философского факультета МГУ.

Никитенко Е.В. сотрудник кафедры управления и права СГГА

Овчаров Г.А., канд. ист. наук, доцент, АлтГУ

Опекун О.С. аспирант кафедры политической истории, АлтГУ

Осипов А.Г. доктор исторических наук, профессор, СГГА

Полуэктова Н.Н., аспирант кафедры политология, АлтГУ

Попков Ю.В., доктор филос. наук, профессор Институт философии и права СО РАН

Потёмкин А.В., психолог, Бийский педагогический колледж

Притчина Е.В., канд. ист. наук, доцент, АлтГУ

Степанов А.А., ст. преподаватель, ВКГТУ

Трунова Т.А., аспирант кафедры политологии, АлтГУ

Фогель А.В., доцент, СГГА.

Хвастунова Ю.В, аспирант кафедры политической истории, АлтГУ

Хмырова С.Р., ст. преподаватель, ФПО, АлтГУ

Цейзер А.Б., преподаватель ЛГОУ

Цейзер Е.Л., канд. филос. наук, доцент кафедры философии АлтГТУ

Шашкова Я.Ю., канд. филос. наук, доцент, АлтГУ

Шевелева А.А., аспирант кафедры политической истории, АлтГУ

Шимко Р.Н., аспирант кафедры политической истории, АлтГУ

Широкова М.А., канд. ист. наук, доцент, АлтГУ

Шишин М.Ю, доктор филос. наук, профессор, АГИИК

Шупик Г.Ф., канд. ист. наук, доцент, АлтГУ